
ОГОНЁК
2 ЯНВАРЬ 1968
ДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Калининград
обл. СЮТ

Выступает Государственный Северный русский народный хор. Вокально-хореографическое представление «Северное играньице».

Фото А. Невежина (АПН).

РУССКАЯ ПЕСНЯ – НАША РАДОСТЬ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

46-й год издания

№ 2 (2115)

6 ЯНВАРЯ 1968

РУССКАЯ ПЕСНЯ — НАША РАДОСТЬ!

Русская народная хоровая песня дает высокое наслаждение каждому, кому близок и дорог родной край, его природа, его раздолье, его необъятная ширь. Народ в песне изливает горе, делится радостью, передает глубокие душевные чувства, рассказывает и размышляет. В каждой песне, рожденной народом, отражены время, эпоха, быт, нравы. Песенный фольклор — это чистый, незамутненный источник вдохновения для композитора. Глинка, Мусоргский, Римский-Корсаков, Чайковский изучали, знали, искусно и тонко использовали народную песню.

Как важно поэтому, чтобы каждый народный хор свято берег свои традиции, свои, только ему присущие краски, не отрывался от родных корней.

Песня архангельская, уральская, воронежская, сибирская — они в чем-то родственны, ибо созданы единым по языку и крови народом, но и вместе с тем глубоко различны, как различны природа и краски Севера, Юга и Востока. Растерять эти различия — значит лишить хор очень важных примет: колорита, местных черт, фольклорной документальности.

У нас в стране, да и за ее рубежами, пользуется признанием и любовью Государственный русский народный хор Северной песни.

Своеобычен наш север, красив и величав! Бескрайни вологодские и архангельские леса, полноводны северные реки, могуч народ, населяющий их берега. Здесь, как, может быть, нигде, берегут старину, чтут ее, умеют, соединяя старое с новым, сохранить традиционное, свое, кровное, дедовское. Основательница хора, вологодская учительница Антонина Яковлевна Колотилова, с детских лет полюбившая деревенскую песню, отдала любимому делу всю свою сознательную жизнь. Зародившись в Великом Устюге, в 1926 году, его ядро составили двенадцать активисток-женделегаток. Хор Северной песни вырос в отличный творческий коллектив, радующий благодарного слушателя своим мастерством, жанровым разнообразием, неповторимостью исполнения. В далеких лесных селах находили руководители новых исполнителей, на сельских посиделках и праздниках искали свой репертуар. Пинежье, Лешуконье, Поморье поставляли хору свои местные песни, исполняемые в особой манере — величавой и несколько суровой, как сурова природа, в которой живут люди нашего севера. В Пинежье такие песни называют «баскими» за то, что они красивы, распевны, торжественны.

Во время Великой Отечественной войны хор более тысячи раз выступал на фронте. Триумфальный успех сопутствовал ему всюду. Среди отзывов были такие: «Песни хора вселяют дух бодрости, поднимают чувство высокого советского патриотизма». Мы выражаем наше восхищение исполнением народных песен, которые воспитывают уверенность в нашей силе и победе над врагом».

И правда, есть в русской народной песне незримое волшебство: она поднимает дух, создает ощущение непоколебимой народной мощи, силы национального русского характера.

С русской песней и жить веселей, и любить радостней, и воевать сподручней.

Беречь нам надо это богатство. Беречь и умножать!

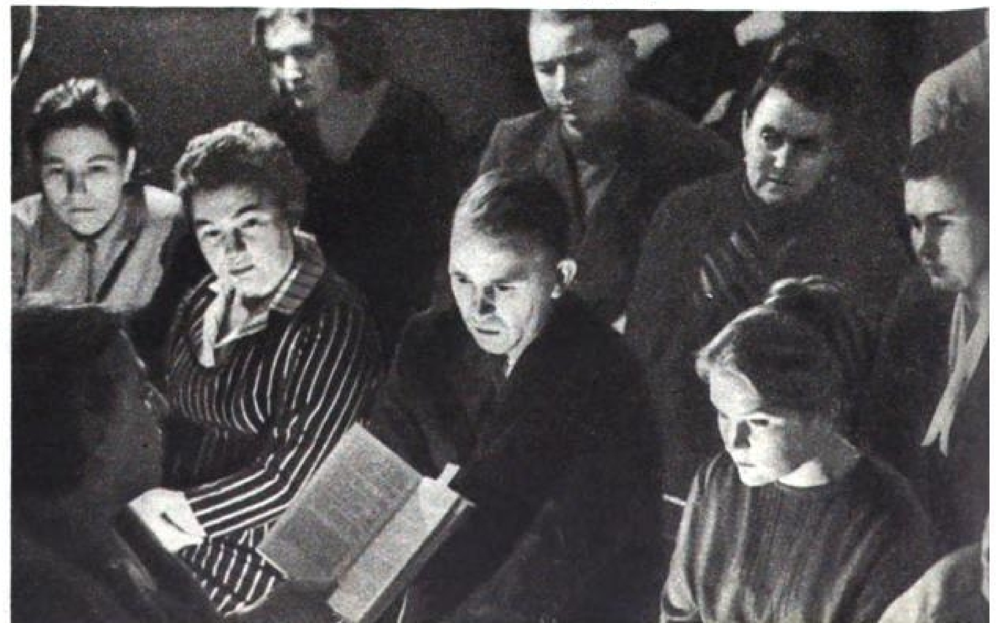
Ник. НИКОЛАЕВ

НИЖНЕДЕ

Н. Г. Гончаров — руководитель хора и композитор.

На читательской конференции.

Вот мчится тройка удалая...

ВИЦКИЕ ВЕЧЕРА

Б. СОПЕЛЬНЯК

Фото А. УЗЛЯНА.

Белесое зимнее солнце пропадает за ближним лесом. Улицы села пустеют. Метет поземка. Пустынно. Зябко. Впереди долгий зимний вечер. Вечер в селе Нижнедевицне.

В местный Дом культуры мы шли без энтузиазма, потому что по дороге сюда видели несколько очагов культуры, которые оставили весьма неприятное впечатление. В Нижне-Турове клуб занимал проходную комнату в сельсовете. В зрительном зале стояли старые, обшарпанные скамейки. Раздобыть новую мебель, инструменты для оркестра, костюмы, реквизит, оказывается, не просто трудно, а невозможно. Колхозы разбогатели, деньги на все это есть, но купить негде и нечего.

— Ежегодно мы вводим в строй около ста клубов и Домов культуры,— говорил нам заместитель начальника Воронежского областного управления культуры Г. Э. Ерцев.— Снабжение этих новостроек мебелью, костюмами, инструментом осуществляет Министерство культуры РСФСР. Так вот, того, что нам присылают, хватает от силы на десять клубов! А остальные почти семьсот? Именно так и появляются немыслимые скамейки, фантастические оркестры, состоящие, скажем, из одних контрабасов, и прочее. Вы сами убедитесь, как необходимо, жизненно необходимо навести в этом деле порядок.

И вот мы приехали в Нижнедевицк, чтобы убедиться.

В небольшой роще на пригорке стоит светлое каменное здание. Паутина тропинок рассекает рощу, и все ведут к высокой, массивной двери. Наверное, мы были последними, кто открыл эту дверь в тот вечер: во всяком случае, в фойе, зрительном зале и репетиционных комнатах Дома культуры народу было много.

На сцене шла репетиция русского народного хора. В прошлом году он стал лауреатом Всероссийского фестиваля самодеятельного искусства. Руководит коллективом заслуженный работник культуры РСФСР Н. Г. Гончаров.

— А кто поет в хоре? — спросили мы.

— И старые и молодые,— ответил А. С. Легостаев, солист хора, учитель рисования.— Но тон задает интеллигенция. Начинали, конечно, с малого, а теперь так расхрабрились, что даже песни стали сами сочинять. Я, например, написал слова песни «Земля Нижнедевицкая», а Гончаров — музыку...

Интеллигенция задает тон... Очень хорошо. Так и должно быть. Но для этого нужно сначала построить такой клуб, как этот, а не такой, как соседние. Иначе людям просто негде будет собраться и уж, конечно, не появится хороший хор и собственные песни.

Теперь о песнях. Ничего подобного мы никогда не слышали. Мелодия незатейливая, но такая раздумчивая, светлая, нежная.

После репетиции мы познакомились с автором нескольких песен колхозным экономистом М. Ф. Огнерубовой.

— Никакой я не автор,— засмущалась Мария Федоровна.— Просто увлекаюсь фольклором и собираю старинные русские народные песни. В своей родной деревне Гусевке записала песню «Снежки белые», в селе Разброд — «Заболит больна головушка», а в Синих Липягах одна старушка напела мне «Ты не пой, соловушка».

Стала бы Мария Федоровна собирать старинные песни только для себя? Вероятно, собирала бы, но что была бы за радость хранить их в тетради, показать их двум, трем, десяти, наконец, знакомым.

Мы вышли из зрительного зала, спустились на первый этаж и попали в сельский краеведческий музей, созданный и оформленный руками учителей. На одном из стендов висит фотография, под ней подпись: «Участник первой русской революции С. П. Колтаков». С Семеном Пахомовичем мы встретились тут же, в музее, после того как он в качестве гида провел по залам экскурсию школьников.

В сельской больнице мы познакомились с молодым врачом-рентгенологом Борисом Павловым. Он пишет стихи и много печатается. Борис рассказал об учителе географии В. Г. Боженко, который занимается резьбой по дереву. Зашли посмотреть его работы. Несколько часов смотрели и не могли оторваться, настолько теплыми, живыми, искренними были скульптуры и барельефы Боженко.

Поздним вечером мы возвращались в Дом колхозника. И вдруг — «Паванна» Равеля. «Паванна», которую и в Москве-то не каждый год услышишь, в воронежском селе!.. Взглянули на ярко освещенное, незашторенное окно ближнего дома... И сразу узнали этих людей — днем мы виделись в клубе. Со скрипками в руках над пюпитром склонились учитель литературы И. И. Щитняк и учитель физики И. И. Гранов. Вот, оказывается, как просто решается проблема физиков и лириков!

А потом... Потом мы слушали совершенно неповторимый семейный квартет. Три немолодых сестры и дочь одной из них пели старинные русские песни. Никто из них никогда не читал нот, не слышал о полифонии и контрапункте, но в их многоголосом пении слышится звучание рожка и жалейки, трели иволги и дрозда, а порой и раскаты органа.

Такое это село, Нижнедевицк. Такая здесь интересная жизнь. Заместитель начальника областного отдела культуры прямо и честно сказал нам:

— Село это одно из лучших по культурно-массовой работе. Пока мы не поднимем до такого же уровня и остальные, нельзя считать, что дела у нас обстоят благополучно.

Ну что ж, образец хороший. Вся задача в том, чтобы он перестал быть счастливым исключением.

Участник первой русской революции С. П. Колтаков ведет экскурсию школьников.

Учитель физики, он же скрипач И. И. Гранов.

В. Г. Боженко, преподаватель географии, все свободное время посвящает резьбе по дереву.

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ И ПОЛНОМОЧНАЯ

За Правительство Республики Индии — 8 августа 1963 года

За Правительство Народной Республики Болгарии — 8 августа 1963 года

За Правительство Мексиканских Соединенных Штатов — 8 августа 1963 года

За Правительство Республики Гана — 8 августа 1963 года

За Правительство Венгерской Народной Республики — 8 августа 1963 года

Это одна из страниц Договора о запрещении ядерных испытаний. Первоначально его подписали три страны — СССР, США и Великобритания, после чего он был открыт для подписания другими государствами.

В громе авроровых пушек, в вихревых штурмах революции рухнула старая Россия, и Октябрьские зори осветили рождение новой власти, неизвестной истории,— власти народа. Для России и для мира наступала эра социализма.

Все возникало вновь в стране с тысячелетней историей: новые отношения между людьми и новые вкусы, новое мировоззрение и новая государственность. На мировой арене, где полыхала война, где в сложном переплетении сталкивались интересы соперничающих империалистических группировок, где деятельность дипломатии служила планам международного разбоя и дележа награбленного, в те бурные дни появился фактор огромной силы — молодое Советское государство с его принципиально новой внешней политикой.

С первых месяцев своего существования Советская Россия оказалась во враждебном окружении империалистических держав. Объединенный фронт внешней и внутренней контрреволюции грозил стране смертельной опасностью. И в одном строю с рабочими, солдатами и матросами, защищавшими революцию, на своем посту стояли первые советские дипломаты. Владимир Ильич Ленин, создатель советской внешней политики, говорил: «...С самого начала Октябрьской революции вопрос о внешней политике и международных отношениях встал перед нами, как самый главный вопрос».

Одним из первых декретов Советской власти был Декрет о мире. И одним из первых шагов по созданию нового государственного аппарата было учреждение внешнеполитического ведомства — Народного комиссариата по иностранным делам. На место чиновничьей машины старого, еще царского МИДа, где из 570 служащих восемьдесят с лишним носили титулы от барона до светлейшего князя, пришел коллектив людей, не искушенных в дипломатической службе, но преданных идеям социализма. На внешнеполитический фронт борьбы за социализм встали профессиональные революционеры, рабочие, матросы. «...Мы еще лишены были необходимого дипломатического воспитания и лоска (люди не рождаются во фраках), выражались в те поры резко, писали ноты концом раскаленной проволоки» — так говорил о том времени В. В. Воровский.

Историю советской дипломатической службы украшают такие имена, как Г. В. Чичерин, возглавлявший НКИД с 1918 года, как С. Г. Шаумян, председатель Совнаркома и комиссар по внешним делам Бакинской коммуны, как первые советские полпреды В. В. Воровский, Л. К. Мартенс, А. М. Коллонтай, как Л. Б. Красин, М. М. Литвинов, Л. М. Карахан, Я. А. Берзин и другие.

Ярко вписана в эту историю легендарная фигура Николая Григорьевича Маркина — крестьянского сына, рабочего-электрика, революционного матроса Балтики, комиссара Военно-Революционного Комитета. Это он, 24-летний секретарь народного комиссара иностранных дел, выполняя поручение Ленина, публиковал тайные договоры империалистических держав, хранившиеся в сейфах царского МИДа. Наша партия, отмечал Ленин, «говорила, что даст немедленное предложение мира и опубликует тайные договоры. И это сделано — борьба за мир начинается». Н. Г. Маркин, дипломат в бушлате, погиб через год на канонерской лодке «Ваня коммунист», сражаясь против белых на Каме.

Первому советскому дипломату в странах Востока Ивану Иосифовичу Коломийцеву было двадцать три года, когда революция послала его во главе миссии в Иран. С его деятельностью связана первая попытка Советского государства заключить с соседней страной договор о дружбе. Ему не удалось довести до конца это благородное дело: русские белогвардейцы, английские империалисты и их пособники, захватив Коломийцева, убили его. Это было в 1919 году. Так сложил голову сын пастуха, дослужившийся до офицерского звания и ставший на сторону революции.

Дипломатическая служба в те годы была всегда подвигом. Такой она осталась и позже.

После разгрома иностранной интервенции и внутренней контрреволюции перед советской дипломатией встала задача — превратить мирную передышку в длительный мир. Эта задача была выполнена. Но она потребовала колоссального напряжения сил, мужества и жертв.

Вспомним.

1923 год. В Лозанне убит Вацлав Вацлавович Воровский. Большевик и соратник Ленина, он был первым дипломатическим представителем Советской России за рубежом. Он был тем человеком, который пробивал бреши в дипломатической блокаде нашей страны со стороны империализма. На его личном деле в НКИД после смерти были написаны слова: «Погиб на боевом посту».

1926 год. В поезде, который шел от латвийской станции Иксюль на Ригу, совершено нападение на дипкурьеров Т. Я. Нетте и И. А. Махмасталя. Теодор Нетте был убит, защищая дипломатическую почту.

1927 год. Новые провокации против Советского Союза. Англия разорвала отношения с СССР. На вокзал в Варшаве сотрудников советской дипломатической миссии вышел встречать полпред СССР в Польше Петр Лазаревич Войков. Здесь, на вокзале, его нашли пули империалистического агента.

1927 год. По Китаю прокатываются революционные выступления рабочих. Восставшие взяли Кантон. Гоминдановские контрреволюционеры окружают город. В пригороде Кантона они нападают на Генеральное консульство СССР. Пятеро сотрудников Генконсульства — А. И. Хассис, В. А. Уколов, К. С. Иванов, П. И. Макаров и Ф. И. Попов — арестованы. Вместе с ними арестовано шесть китайцев. Всех уводят на расстрел. И советские дипломаты запевают «Интернационал»...

Таковы некоторые из героических страниц в истории дипломатической службы СССР.

Несмотря на все происки противников нашей страны, несмотря на ложь и клевету, которую обрушивали они на Советский Союз, в течение полувека все крепче и крепче становился авторитет первой страны социализма.

Вот цифры, которые говорят о росте этого авторитета и вместе с тем об успехах советской дипломатической службы. В 1941 году наша страна имела дипломатические отношения с 24 странами. Сейчас такие отношения СССР поддерживает со 101 государством мира.

Может быть, кто-нибудь думает, что дипломатическая служба — это белый воротничок, коктейль в иностранном посольстве и непринужденный разговор на иностранном языке. Да, есть и белый воротничок и коктейль. Но главное — это напряженный труд, порой бессонные ночи во имя интересов своей страны, во имя проведения принципов ленинской внешней политики. И еще — мужество. Я вспоминаю недавнее посещение посольства в Ханое: противовоздушное убежище во дворе и каски на головах дипломатов...

Советская дипломатическая служба остается чрезвычайной и полномочной представительницей советского народа на мировой арене. Руководимая Коммунистической партией, она, как всегда, строит свою работу на принципах защиты свободы и независимости народов, отстаивания мира и отпора тем, кто пытается его нарушить.

Александр СЕРБИН

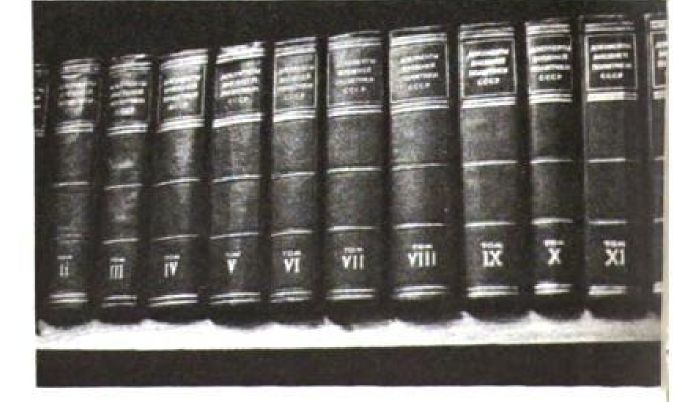
ЖИВЫЕ АРХИВЫ

Изданіе Народнаго Комиссаріата по Иностраннымъ Дѣламъ.

Декабрь 1917 г.

№ 1.

СБОРНИКЪ СЕКРЕТНЫХЪ ДОКУМЕНТОВЪ ИЗЪ АРХИВА БЫВШАГО МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик заявляет, что все изложенное будет полностью соблюдаемо.

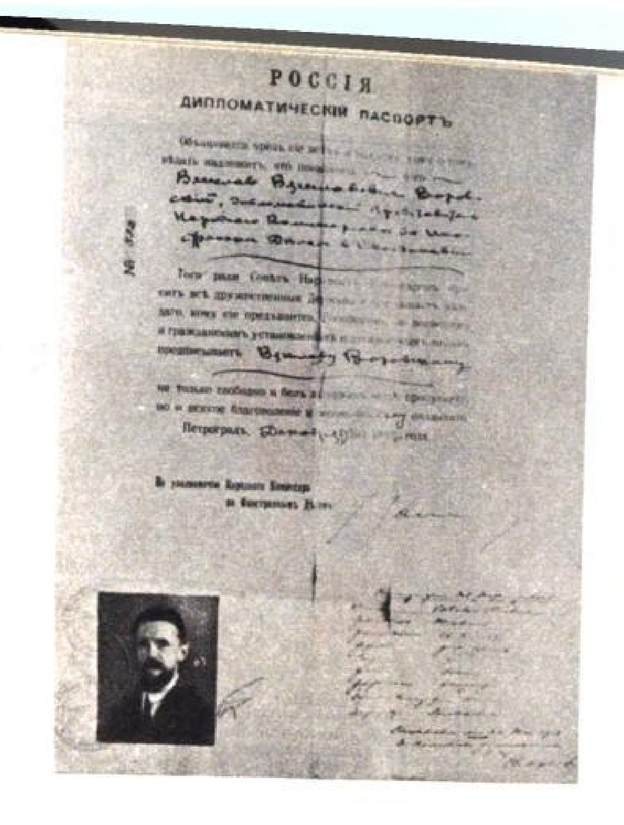
В удостоверение чего Председатель Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик подписал настоящую Ратификационную Грамоту, скрепленную Государственной печатью.

Москва, Кремль
„25“ сентября 1963 г.

Председатель Президиума
Верховного Совета Союза Советских
Социалистических Республик

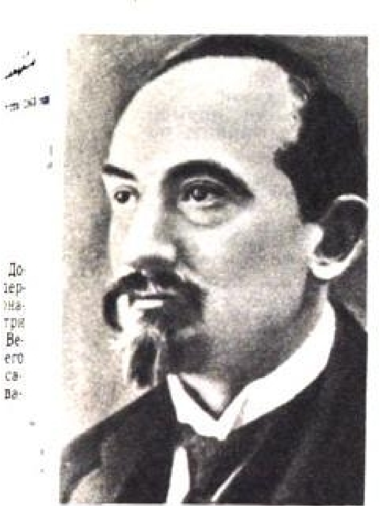
За Министра Иностранных Дел
Союза ССР

Так оформлен один из дипломатических документов, хранящихся в Архиве МИДа, — ратификационная грамота Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, подписанного 5 августа 1963 года. Она скреплена подписью Л. И. Брежнева и государственной печатью.

Один из первых дипломатических паспортов, выданных Советским правительством. Весь документ по размеру больше развернутого номера «Огонька». Совет Народных Комиссаров выдал этот документ В. В. Воровскому.

Сирийская ратификационная грамота Соглашения о культурном сотрудничестве между СССР и Сирийской Арабской Республикой от 19 августа 1962 года. Каждое государство стремится выигрышнее оформить свои ратификационные документы. Сирийский посол передал эту грамоту Советскому Союзу в красивой шкатулке с инкрустациями из перламутра.

Нарком иностранных дел Г. В. Чичерин.

Иван Иосифович Коломийцев заложил основу для дальнейших советско-иранских связей и погиб на посту.

В высотном здании Министерства иностранных дел есть залы, в которые нельзя попасть без специального разрешения. Это Архив МИДа, где хранятся все документы советской внешней политики — договоры, соглашения, ноты, памятные записки, письма послов. В канун пятидесятилетия дипломатической службы СССР двери одного из залов архива распахнулись перед корреспондентами «Огонька».

Нас сопровождает хозяин — заведующий Архивом внешней политики СССР Алексей Александрович Маслаков.

И вот мы в святая святых—в хранилище документов советской дипломатии. Вся пятидесятилетняя история ее — здесь, в этом огромном, светлом и чистом зале, с окнами, наглухо закрытыми металлическими ставнями. Но даже когда ставни открыты, специальные темно-желтые стекла не пропустят сюда потенциальных разрушителей — ультрафиолетовых лучей.

В зале поддерживают постоянную температуру и влажность воздуха, наиболее благоприятствующие сохранению бумаги. Рядами стоят выкрашенные светлой краской массивные сейфы, сделанные по особому заказу. Они выше человеческого роста. Вес каждого из них — три тонны, а с документами будет и все четыре с лишним. В стены сейфов засыпан специальный состав.

— Такие сейфы могут пробыть в огне несколько суток,— говорит А. А. Маслаков,— а документы останутся невредимы.

С трудом открываем массивную дверь сейфа. Внутри — темно-коричневые коробки. Австралия, Австрия, Албания... Достаем одну из них, открываем. На белой суперобложке надпись: «Дело №...» Чуть ниже дата, затем название страны. Под супером кожаная папка — настоящее шевро, внутри документ — договор, соглашение, ратификационная грамота.

Наша страна, наш строй не признают тайной дипломатии. Тогда зачем же сейфы, охрана, сложная система сигнализации и учета? Дело в том, что здесь хранятся подлинники актов, регулирующих отношения нашей страны с другими государствами, международные договоры и соглашения.

Но хранение документов — это лишь одна из задач Историко - дипломатического управления, в ведении которого находится архив.

Специалисты управления — люди высокой квалификации, знающие по нескольку иностранных языков и великолепно ориентирующиеся в истории международных отношений,— ведут большую работу. Ведь работникам министерства в их повседневной деятельности постоянно нужны те или иные дипломатические акты. МИД использует их для выяснения и изучения истории вопросов, что совершенно необходимо при подготовке к переговорам или заключению соглашений, а также для разрешения затруднительных и спорных дел. Одна из самых существенных задач — подготовка документов к печати — кропотливая исследовательская раоота.

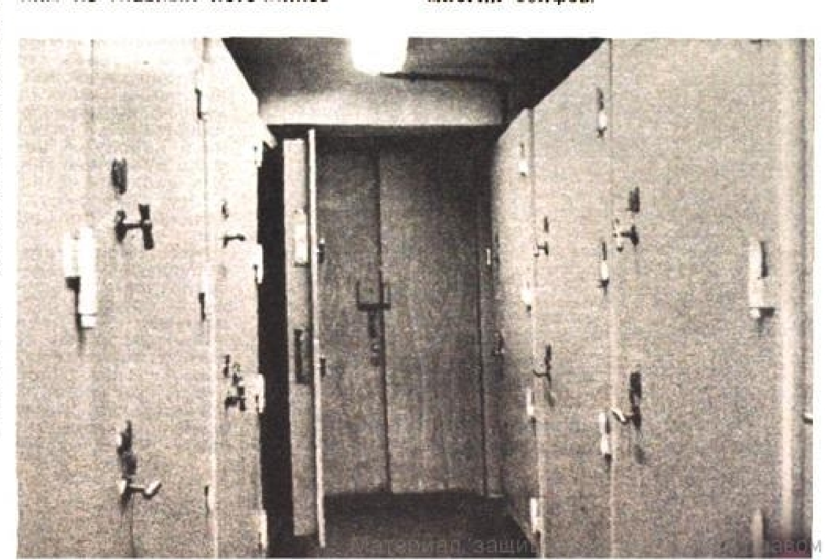
Начало этой деятельности было положено знаменитым матросом Маркиным. Изданный им сборник тайных договоров царизма с Антантой давно уже стал библиографической редкостью. Теперь работа по изданию документов поставлена на широкую научную основу. В 1956 году при МИДе была создана Комиссия по изданию дипломатических документов. Возглавляет ее министр иностранных дел А. А. Громыко. Издано уже несколько десятков томов, раскрывающих внешнюю политику царской России (с XIX века) и Советского Союза. Выпущены также документы, посвященные отдельным проблемам или подобранные по географическим признакам (как, например, столь популярная среди массового читателя переписка И. В. Сталина, Ф. Д. Рузвельта и У. Черчилля или сборник документов о советско-арабских отношениях).

В последние годы МИД начал осуществлять совместные публикации со странами народной демократии. Огромный интерес в кругах историков вызвало несколько лет тому назад появление советско-чехословацкого сборника документов по поводу позорной мюнхенской сделки. В нем приведены документальные свидетельства того, что Советский Союз был готов оказать военную помощь Чехословакии даже без участия западных держав при условии, что сама Чехословакия будет защищаться и попросит о советской помощи.

Высокое качество и историческую ценность наших публикаций вынуждены признать даже наши идейные противники. Один из американских историков, Роберт Аллен, пишет об издании советских внешнеполитических документов: «По завершении всей работы эта серия томов явится одним из главных источников изучения не только русской, но и европейской истории дипломатии...»

Документы внешней политики бесценны для нас, ибо это — живое свидетельство пятидесятилетней истории первого в мире социалистического государства, свидетельство его зрелости, его растущих успехов. Этими документами наша страна может с гордостью отчитаться перед потомками.

А. ИГНАТОВ
Фото Б. Кузьмина.

Святая святых министерства — Архив советских дипломатических документов. Для корреспондентов «Огонька» была открыта массивная дверь одного из многих сейфов.

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ

НОВОГОДНИЕ ПОХОДЫ

Герои Советского Союза И. Фисанович (справа) и В. Стариков.

«Малютка» возвращается

22 июня 1941 года гитлеровская Германия, нарушив пакт о ненападении, подписанный ею в августе 1939 года, напала на нашу страну. Началась Великая Отечественная война. Страна Советов вступила в смертельную схватку с опасным и коварным врагом, вооруженным до зубов, самоуверенным, жестоким. Бои за Брестскую крепость, оборона Одессы и Севастополя, сражения на подступах к Ленинграду... Сколько героических страниц вписали советские воины в книгу боевой славы нашей Родины!

А потом — разгром фашистских полчищ под Москвой, окружение и ликвидация гитлеровцев под Сталинградом!

...Северный флот. Правый фланг огромного фронта войны. Фашисты планировали захватить Кольский полуостров, хотели обосноваться в Мурманске и Полярном в самые первые дни войны.

Командующий Северным флотом адмирал А. Г. Головко в своем дневнике писал: «Соотношение сил на морском театре было не в нашу пользу. К началу войны гитлеровцы располагали против Северного флота 6-й флотилией новейших эскадренных миноносцев, состоявшей из пяти кораблей типа «Редер», тремя норвежскими миноносцами типа «Стег», норвежским минным заградителем типа «Гломан и Лауген», вспомогательным крейсером (около десяти тысяч тонн водоизмещением), шестью подводными лодками дальнего действия типа «У-67», десятью норвежскими сторожевыми кораблями различных типов, десятью — пятнадцатью тральщиками, десятью сторожевыми катерами типа быстроходных морских охотников, а также вспомогательными судами, то есть имели в строю до пятидесяти боевых единиц — целый флот с подходящими базами... Военно-морским силам противника была придана специально предназначенная для действий на театре авиация с первоначальным общим количеством до 230 самолетов».

Лето и осень сорок первого года для североморцев были очень трудными. Бои шли непрерывно на земле, на воде, под водой и в небе Заполярья. Фашисты не прошли. Все их планы потерпели полный крах. Здесь, на севере, на одном небольшом участке даже не была нарушена наша государственная граница...

Богаты подвигами боевые будни Северного флота.

«Над зимним ночным морем хозяйничал ветер,— пишет в своих воспоминаниях Герой Советского Союза адмирал И. А. Колышкин, командир дивизиона, а затем бригады подводных лодок Северного флота.— Он гнал с океана крупную пологую волну, вытрясал из туч густой колючий снег и яростно нес его над черной, вспененной водой. Временами с неба просачивался колеблющийся свет полярного сияния. Угрюмая, леденящая душу картина открывалась взору людей с мостика подводной лодки.

Еще каких-нибудь четверть часа назад лодка была под водой. На перископной глубине при свете и в относительном тепле подводники встречали один из самых веселых и любимых праздников — Новый год. На этот раз для них не существовало ни звона курантов, ни танцев, ни красивой музыки. Монотонно гудели электромоторы, стояла на местах неусыпная вахта. Но настроение все-таки было новогоднее, приподнято-праздничное... В первом отсеке появилась маленькая елочка, прихваченная с береговой базы запасливыми торпедистами. Украсили ее незатейливо, чем могли, повесили два лозунга: «Поздравляем с Новым, 1943 годом!» и «Откроем боевой счет в Новом, 1943 году!»

В ноль часов штурман старший лейтенант Николай Ямщиков доложил командиру:

— Время вышло!

И капитан 3-го ранга Тамман поднял свой стакан:

— С Новым годом, товарищи!

— С Новым годом! С новым счастьем! С новыми победами!

Звякнули стаканы и кружки с «боевой» стограммовой нормой. Виктор Федорович обошел отсеки, пожал руку каждому моряку, поздравил, пожелал боевых успехов.

Прошли торжественные минуты, и «Л-20» всплыла на поверхность. Лодка продолжала поиск в надводном положении: она выполняла вторую после постановки мин задачу, полученную на этот поход.

В 3 часа 11 минут сигнальщик Иван Мазуров в неверном свете северного сияния различил крадущийся вдоль берега конвой. Тут же прозвучал сигнал торпедной атаки. Лодка легла на курс сближения.

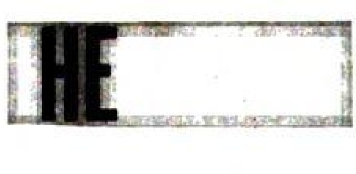
Спустя пять минут конвой был уже виден довольно ясно. Три транспорта шли строем кильватера в окружении нескольких сторожевых кораблей и катеров. Тамман избрал целью средний, самый крупный транспорт водоизмещением около десяти тысяч тонн. Атака получилась скоротечной. В 3.21 легли на боевой курс. Через четыре минуты выпустили по транспорту шесть торпед с временным интервалом.

Вскоре на мостике увидели, как яркая вспышка озарила транспорт в районе грот-мачты, вверх взметнулся огромный столб черного дыма. Сильнейший грохот прокатился над морем. Затем прозвучал взрыв послабее.

В 3.28 лодка погрузилась и отвернула от места атаки, ожидая преследования...»

В ту же новогоднюю ночь одержала еще одну победу подводная лодка «М-171» — гвардейская «Малютка». Она торпедировала транспорт. А краснознаменная лодка «М-172» атаковала сторожевой корабль. Этими лодками командовали Герои Советского Союза В. Стариков и И. Фисанович. Одними из первых на Северном флоте они были удостоены этой высокой награды.

Так сражались с врагом североморцы. Так отмечали они Новый, 1943 год.

В. НИКОЛАЕВ,

специальный корреспондент «Огонька»

Когда приезжаешь в другую страну, то, вполне естественно, не можешь отделаться от одной мысли: а как здесь относятся к твоей Родине? Заинтересованно наблюдаешь, проверяешь свои ощущения на себе, буквально кожей и сердцем чувствуешь то, о чем порой не скажут никакие официальные источники. А когда лицом к лицу встречаешься с Финляндией, то такого рода внимание обостряется вдвойне: не все и не всегда складывалось гладко в наших отношениях. И вот чем больше ездишь и ходишь сегодня по финской земле, тем все с бóльшей уверенностью осознаешь, что народ здесь по-доброму относится к тебе и к твоей стране.

Прошлой весной в Финляндии я явственно ощутил на себе эту атмосферу ровного, можно сказать, надежного уважения к нашей стране и народу. А на исходе 1967 года, в знаменательный для Финляндии декабрь месяц, я снова попал в эту атмосферу, но на этот раз залитую праздничными огнями.

Итог моим впечатлениям был подведен в беседе с генеральным секретарем общества «Финляндия — Советский Союз» Тойво Карвоненом. Оно является одним из самых активных среди многих десятков таких же обществ в разных странах. Достаточно сказать, что в нем около 1 200 первичных организаций. Почетным председателем общества является президент Финляндской Республики У. Кекконен. В общество входят многие выдающиеся политические и общественные деятели, целые фирмы, предприятия, учебные заведения...

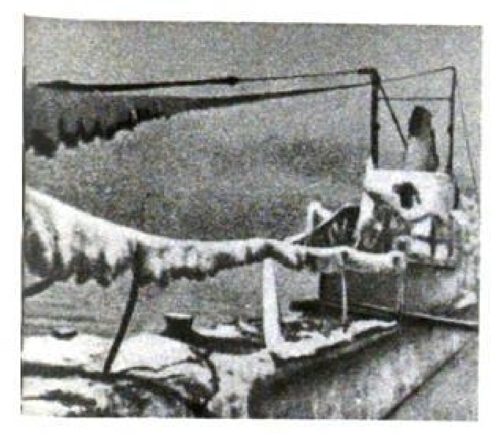
Но в беседе с Тойво Карвоненом мне больше всего сказал о советско-финляндских отношениях факт, который он сам особенно подчеркнул.

— Знаете, как нелегко, просто трудно было работать лет двадцать назад! — вспоминает Т. Карвонен.— Попробуй тогда заговорить о необходимости улучшить отношения и крепить дружбу с Советским Союзом. Одни при этом шарахались в сторону, другие всячески поносили тебя. А теперь совсем иное. К нам часто обращаются с вопросами, как ввести в коллективные члены общества какую-либо фирму или учреждение, какие мероприятия намечает общество на ближайшее будущее, как можно в них участвовать и т. п. Общество уважают, ему верят. Например, вы, наверное, знаете, что многие города Финляндии поддерживают двусторонние дружественные связи с советскими городами. Такими побратимами являются Тампере и Киев, Турку и Ленинград, Лахти и Запорожье. Сейчас уже более тридцати таких городов, а в ближайшем будущем их число перешагнет за сорок. В ряде мест встал вопрос о том, чтобы всю эту большую работу по росту и укреплению таких дружеских связей как-то свести в одно общее русло, скоординировать. И мэры сами сказали,— завершает свой рассказ Карвонен,— что для такого дела нет ничего лучше и надежнее уже давно существующего центра — общества «Финляндия — Советский Союз».

Есть еще, конечно, в Финляндии определенные силы, которым не по душе улучшение советско-финляндских отношений, но не эти силы делают сегодня погоду в стране. Широкая общественность не с ними. Об этом еще и еще раз страна ясно заявила в последние дни 1967 года.

6 декабря Финляндия отпраздновала 50-летие со дня провозглашения независимости. А в канун Нового года отмечалась и другая дата: исторический день 31 декабря 1917 года, когда Советское правительство во главе с В. И. Лениным признало независимость Финляндии. Я был свидетелем этих торжеств и видел их размах и значение. Нам, советским людям, особенно дорого, что сегодняшняя Финляндия помнит и чтит эту дату, воздавая должное и нашей стране и ее великому сыну — Владимиру Ильичу Ленину. Финский народ, как и наш, отдает себе отчет в том, что, несмотря на многие исторические трудности, фундамент для этих торжеств 1967 года был заложен еще 50 лет назад. Кладка оказалась надежной.

Со стороны молодого Советского государства это был не формальный, а в полном смысле этого слова исторический акт. 6 декабря

из новогоднего похода.

Дед Мороз приветствует Нептуна

Накануне Нового года корреспондент «Огонька» связался по радио с одной из подводных лодок Северного флота, находящейся в открытом море, и попросил рассказать, как подводники встречали 1967 год, как встретят 1968-й.

На вопросы ответил заместитель командира лодки по политчасти Владимир Владимирович.

— 1967 год мы встречали в океане, на глубине. В плавании находились уже долго и праздника ждали с нетерпением.

Готовиться к встрече Нового года стали заблаговременно. Комсомольцы Назаров, Кекско, Мишенькин, Петров, Гайцев, Голубев образовали своеобразную инициативную группу. Горячо обсуждались вопросы, как украсить отсеки, где будут праздновать. Для этого нужна немалая выдумка: все помещения на лодке, мягко говоря, тесноваты. Ну потом, конечно, нужны были Дед Мороз и Снегурочка. Вопрос с Дедом Морозом решился просто, подходящих для этой роли было хоть отбавляй. А от Снегурочки пришлось отказаться. Подводники у нас все ребята плотные и, как ни старались, никого, даже отдаленно напоминающего снежную девочку, подобрать не могли. Заменили Снегурочку Нептуном. Как-никак мы находились в его суверенных владениях.

Устроили мы и подводный КВН. Так как почти каждый наш подводник считает себя веселым и находчивым, то пришлось попросту разделить весь экипаж на две команды. КВН прошел с большим успехом.

И, конечно, были у нас елки. Правда, не очень большие — синтетические, но хорошо украшенные и с огоньками разноцветных электрических лампочек.

Когда свободные от вахты подводники уселись за праздничные столы и зажгли елки, появился Дед Мороз. Его встретил Нептун в короне и с трезубцем. Произошел примерно следующий разговор. Нептун грозно спросил Деда Мороза, кто он такой и с каким заданием прибыл в его царство. Тот доложил, что прибыл поздравить с Новым годом советских подводников, пожелать им счастливых плаваний в наступающем году.

— Ну что ж, выполняйте,— ответил Нептун.— Только сначала прикажываю выдать подарки всем матросам этого отличного корабля, а офицеры пусть сейчас услышат поздравления от своих близких.

— Могу совершить это чудо,— ответил Дед Мороз, включая магнитофон, и офицеры услышали голоса своих родных. Их мы записали перед походом, просили жен держать это от мужей в строгом секрете. Для большинства так оно и оказалось, но, к сожалению, не все женщины умеют хранить тайны. Потом Дед Мороз включил пленку с поздравлением командующего флотом, а затем подводники услышали бой курантов и, как положено, подняли новогодние бокалы и произнесли тосты.

А нынешний Новый год мы будем встречать на земле. Скоро возвратимся на берег и зажжем настоящую новогоднюю елку.

сейм принял резолюцию о провозглашении Финляндии самостоятельной республикой. При этом правительству, естественно, было поручено принять необходимые меры для признания независимости страны со стороны других государств (В. И. Ленин еще до этого решения сейма заявил, что Советское правительство предоставляет Финляндии полную свободу). В то время финское правительство попыталось добиться признания, обратившись только к правительствам капиталистических стран. От них оно получило отказ, и тогда обратилось с просьбой о признании к Советской России. В письме, которое финская делегация привезла в Петроград, в частности, говорилось: «Освобождение русского народа принесло свободу также финскому народу... Природа сделала финский и русский народы близкими соседями. Финский народ глубоко надеется, что отношения дружбы и взаимного уважения между этими двумя народами сохранятся навсегда».

Сегодня, через пятьдесят лет, эти слова звучат с особой силой.

Начавшийся год также станет знаменательной вехой в советско-финляндских отношениях. Двадцать лет назад, в 1948 году, между нашими странами был заключен Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Истекающее двадцатилетие ярко показало огромное значение этого договора, политическое, экономическое, социальное.

У Финляндии есть свои внутренние трудности. Их за один день не преодолеешь. Но, именно говоря о них, председатель местного отделения общества «Финляндия — Советский Союз» в Тампере Тинтинен подчеркнул в беседе со мной, как развитие советско-финляндских экономических отношений помогает Финляндии. Многие тысячи финских трудящихся, например, заняты выполнением наших заказов. И мы, советские люди, высоко ценим финскую продукцию — от мощных ледоколов до добротного ширпотреба. А в Хельсинки, над центром города, горят рекламы советских «Волг» и «Москвичей». В стране работают и такие станки, которые получают электроэнергию из Советского Союза. Разворачивает свою деятельность металлургический завод в городе Рахе, построенный с помощью Советского Союза. А жизнь идет дальше, связи ширятся: уже идет обсуждение перспектив строительства газопровода из СССР в Финляндию. И, как бы открывая новую страницу в советско-финляндских экономических связях, 1 декабря прошлого года в Москве был подписан протокол о торговле между СССР и Финляндией на 1968 год. Объем товарооборота — 450 миллионов рублей. Самая крупная цифра в истории советско-финляндских торговых отношений! Она о многом говорит. А главное, и о том, что отношения между Финляндией и Советским Союзом улучшаются год от года.

Маршал-солдат

В советских войсках, находившихся в годы второй мировой войны под командованием И. С. Конева, нередко можно было слышать, когда речь шла о командующем: «Наш маршал», «Маршал-солдат». В этом бытовавшем в полках определении, как мне кажется, нашел себе простое и точное определение образ выдающегося советского полководца.

Маршал-солдат! В сущности, в этом целая характеристика. Я бы только добавил к ней: солдат революции, солдат социализма. Вся его нелегкая и непростая биография является как бы живой историей нашей славной Советской Армии.

Жизнь И. С. Конева типична для большевика, вышедшего из народной гущи, воспитанного партией, поднятого ею на вершины военной и государственной деятельности. Сын бедного крестьянина северной губернии, где земли скупы и неласковы, солдат первой мировой войны, он сразу же после Октябрьской революции становится активным строителем новой жизни, юношей вступает в партию большевиков.

В феврале 1918 года он возвращается с фронта в свой родной край. Здесь, в своем уезде, Иван Конев организует партийную ячейку, вовлекая в нее рабочих, крестьянскую бедноту. В грозные дни, когда кулаки взялись за оружие и выступили против Советской власти, молодой большевик становится уездным военным комиссаром. Во главе наскоро сформированного отряда Конев руководит подавлением кулацкого восстания. После разгрома кулаков юный военком явился к М. В. Фрунзе и попросил направить его вместе с отрядом, уже закалившимся в первых боях, на гражданскую войну.

— Ну что ж, добро! — сказал Фрунзе, оглядывая подтянутого юношу с грубоватым крестьянским лицом.— Добро, революции все вы очень нужны.

Иван Конев с отрядом выехал на фронт. Но до места назначения на этот раз они не добрались. Фронт открылся рядом, в Ярославской губернии. И Конев со своим отрядом сражается с контрреволюцией. Затем его назначают комиссаром впоследствии ставшего легендарным бронепоезда «102». Военные пути-дороги приводят Конева на Дальний Восток. Бронепоезд, которому людская молва присвоила имя «Грозный», скоро прославился своими смелыми рейдами в Забайкалье. Командование выдвигает молодого политработника Ивана Конева в комиссары бригады, затем дивизии. В качестве делегата войск Дальнего Востока он едет на X партийный съезд. И вместе с другими делегатами съезда участвует в подавлении кронштадтского мятежа.

А дальше, после победного завершения гражданской войны, учеба. Иван Конев — на курсах совершенствования высшего командного состава. Потом он командует полком, дивизией, корпусом. И снова учится, завершая свое образование в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Затем командует советскими войсками в Монгольской Народной Республике.

Великая Отечественная война застала генерал-лейтенанта Конева на посту командующего Северо-Кавказским военным округом. В годы войны развернулись по-настоящему, во всей полноте способности этого талантливого военачальника, в котором все время как бы сочетаются командир и комиссар. Он становится одним из самых прославленных маршалов Советской Армии. Сражения на Смоленской земле. Калининская операция — враг остановлен у Калинина и втянут в тяжелые бои, ослабившие его силы, нацеленные на Москву... Степной фронт. Освобождение Белгорода... Харьковская операция, блистательно проведенная во взаимодействии с частями соседних фронтов. Стремительное продвижение через всю Украину, Молдавию. Войска И. С. Конева уже действуют на территории врага... Львовская операция и выход на Вислу... Сандомирский плацдарм. Мощный прыжок через всю Польшу за Одер... Выход в Саксонию... Проведенная совместно с частями 1-го и 2-го Белорусских фронтов операция, окончившаяся окружением и взятием Берлина... Освобождение Праги. Вот далеко не полный перечень операций, проведенных советскими войсками под командованием И. С. Конева. И каждая из этих операций — славная страница нашей советской истории, славная страница летописи советского полководческого искусства.

Маршал-солдат! Это прозвище прочно жило в войсках, сражавшихся под командованием выдающегося полководца. И, говоря об этом, я вспоминаю пресс-конференцию, устроенную для иностранных журналистов в только что освобожденной Праге. Западные журналисты забросали И. С. Конева вопросами: «Господин маршал, чем объясняются столь убедительные успехи войск под вашим командованием?», «Когда и где вы получили военное образование?», «Кажется, вас зовут «генерал-вперед!», в чем корни этого прозвища?»

— Я сразу отвечу на все эти вопросы,— чуть улыбаясь, сказал маршал.— Военное образование у меня советское, а это, как показал ход второй мировой войны и ее финал, неплохое образование... Успехи частей каждого фронта неотрывны от успехов всей Советской Армии, а их можно объяснить тем, что, защищая наше Отечество, мы сражаемся за коммунизм... А победы наши я объясняю тем, что они явились результатом общих успехов социалистического строя и всепобеждающих идей коммунизма...

Кажется, тогда наши западные коллеги остались недовольными этими ответами неразговорчивого маршала, но мы, советские журналисты, присутствовавшие на этой пресс-конференции, и в особенности те из нас, кто шел дорогами войны с войсками, руководимыми И. С. Коневым, по достоинству оценили всю глубину и искренность его ответа.

Маршал-солдат и здесь остался маршалом-солдатом. Солдатом революции. Солдатом коммунизма.

Недавно за заслуги перед Советским государством и Вооруженными Силами СССР и в связи с семидесятилетием со дня рождения И. С. Конев награжден орденом Ленина.

Б. ПОЛЕВОЙ

ЛЮДИ, ИДУЩИЕ РЯДОМ

Ким БАКШИ

Моя поездка в Венгрию началась не совсем обычно. Я отстал от поезда. В Дебрецене время стоянки сократили с семи минут до одной, мне об этом не было известно. Так я оказался в незнакомом городе, без денег и документов и даже без пиджака.

И незнакомые люди помогли мне добраться до Будапешта. Была на вокзале в окошечке справочного бюро Корнелия Надь, она понимала по-русски и быстро все организовала. Был Миклош Панцел, дежурный по станции. Он посадил меня на ночной рабочий «сидячий» поезд — ближайший из всех возможных. Был, наконец, теплый плед. Я обнаружил его на своих коленях, когда проснулся где-то под Будапештом ранним темным утром. Пледом укрыла меня пожилая женщина с корзинками, сидевшая в кресле напротив.

Мы долго въезжали в город. Железная дорога врезалась в него глубоко, и мы просматривали улицы, упирающиеся в полотно, пешеходов, редкие еще автомобили. Проплыли уличные часы — полшестого, рань-то какая!

Каждую минуту поезд останавливался у городских станций, и в вагон входили заспанные люди, едущие в первую смену на заводы. Они здоровались друг с другом, обменивались шутками. В вагоне становилось шумно, тесновато, и оттого пришло ощущение общности, близости. И я представлял себе их раннее утро, чашку кофе при зажженном электричестве. Привычный путь. Остывший за ночь станок, оживающий под рукой, нажавшей кнопку «пуск».

Так я въезжал в Будапешт не в международном экспрессе, а в утреннем рабочем поезде. Потом был прекрасный Дунай и мосты, нескончаемая цепь магазинов, цыгане со скрипками в вечерних кафе. Но первое ощущение города не покидало меня: утро, сырой, резкий воздух, поток людей, текущий по перрону. Люди, шагающие рядом, впереди, вместе со мной.

К одиннадцати часам мы приглашены к профессору Ленарду Палу в Центральный научно-исследовательский институт физики.

Машина не без труда взбирается по брусчатке мостовой на холмы Буды, и я в какой уж раз удивляюсь свойству Будапешта: вы можете выехать из самого центра, затопленного прохожими и автомобилями, и через десять—пятнадцать минут, не покидая города, окажетесь среди высоких зеленых холмов. И дело здесь не столько в особенностях рельефа, сколько в заботе о том, чтобы человеку было где отвлечься от шумных улиц, полежать на траве, поразмышлять. И все это не тратя времени на дальние переезды.

В таком месте, настраивающем на размышления, и расположен городок физиков. От каштанов на асфальте резкие тени, напоминающие рыбачью сеть. Она бежит по белым халатам идущих навстречу людей, словно хочет задержать, запутать.

Потом мы стоим на балконе, вознесенном над атомным реактором, и Норберт Кроо, молодой, если не сказать, молоденький руководитель группы нейтронной физики, объясняет суть дела.

От нижней части реактора отходят охристого цвета перегородки. В них, словно в загонах, располагается громоздкая аппаратура для исследований. Атомный реактор — это мощные потоки нейтронов. Они пронизывают вещество, как миллиарды микропуль. Но, выйдя наружу, они уж не те! Их энергия уменьшилась, направление изменилось. По этим-то изменениям ученые судят о строении и тончайших свойствах вещества, через которое только что прошел поток нейтронов. Нейтронная фотография — удивительное создание двадцатого века! Она не похожа на нашу привычную фотографию так же, как формула H_2O не похожа на снимок стакана чистой родниковой воды.

Охристыми загончиками отделились друг от друга ученые разных специальностей — физики, химики, биологи. Они ведут исследования по разным программам, по-разному вопрошают природу. А природа едина. Она не хочет подчиняться разделению наук, не хочет поддаться человеку, запутывает его сложностью происходящих процессов.

Профессор Ленард Пал, первый заместитель директора института, член-корреспондент Венгерской Академии наук. Твердые, черные с изломом брови, хорошо очерченный подбородок. Взгляд прямой, бескомпромиссный. Ждешь громкого голоса. Но движения и речь сдержанны, мягки. Прекрасно говорит по-русски: окончил аспирантуру МГУ. Кстати, он вспоминает, что был первым на московском физфаке, кто защищал диссертацию в новом здании университета на Ленинских горах.

Когда говорят: «Этот человек — живая история»,— представляешь седовласого патриарха. И тем не менее сорокатрехлетний Ленард Пал — действительно живая новейшая история венгерской науки.

Небольшой город Дьома, хорошая типография. Там работала мать Ленарда, от нее пришла любовь к книге, к науке. В школе Ленард полюбил математику, смог почувствовать — что бывает довольно редко в таком возрасте — красоту и изящество ее логических построений. В 1942 году — университет, 1943—1944 годы — не до учебы. Только после освобождения страны Пал получает высшее образование.

Венгерские ученые на протяжении десятилетий покидали свою родину, потому что там они не находили ни интереса к своим исследованиям, ни материальных возможностей. В то время, когда учился Ленард, в университете даже не было физического факультета.

Можно себе представить, какой путь надо было пройти венгерским ученым до сегодняшнего уровня развития науки. Вместе с ними шел и Ленард Пал. В 1959 году он принял участие в пуске атомного реактора, который был построен с помощью Советского Союза. Четыре года назад в институте начали заниматься одной из интереснейших и передовых областей науки — физикой твердого тела. Ленард Пал возглавил эти исследования.

У венгерских физиков давние связи с московским курчатовским институтом, общие программы исследований, постоянный обмен сотрудниками, информацией. Это лишь один из примеров сотрудничества между учеными Венгрии и СССР.

Мы говорим с профессором Палом о значении Физического института для Венгрии. Ленард Пал перечисляет практические выгоды, которые получает венгерская промышленность полупроводников, радиопромышленность. Рассказывает курьезный случай. Американские фирмы однажды затеяли судебный процесс против венгерских фармацевтов, обвиняя их в том, что они выпускают витамин B_{12} по американским патентам. Судебное дело было выиграно не искусством венгерских адвокатов, а точностью анализа, проведенного институтом.

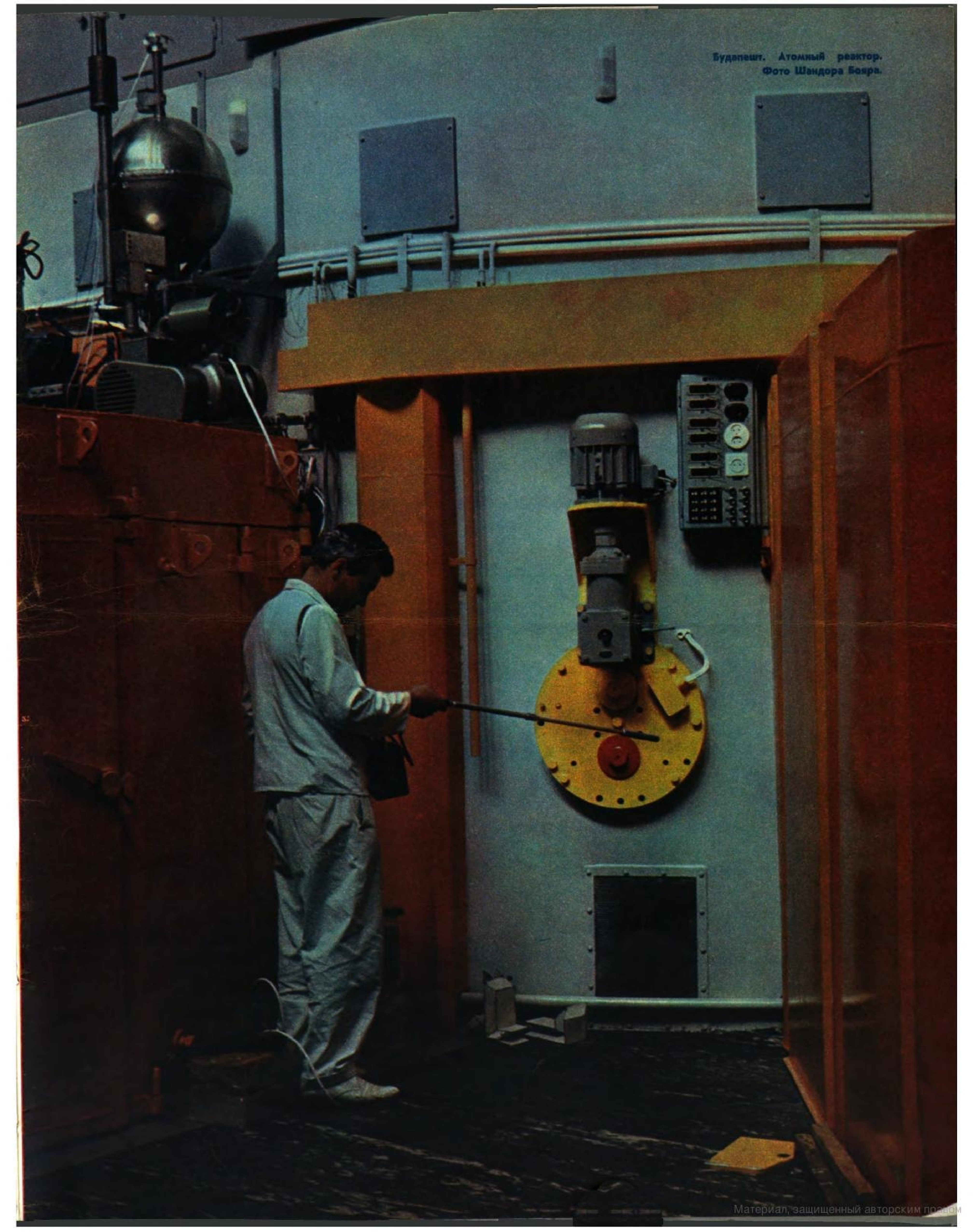
Но, как бы ни были велики практические вклады ученых, значение Физического института, конечно, не только в этом. Ленард Пал говорит об интеллектуальном потенциале народа, о том, что в наше время высокие научные вершины так же нужны, как и всеобщая грамотность. Познание материи, глубокое проникновение в устройство мироздания — разве могут без этого жить люди, если они ощущают себя частью человечества? И кто знает, где родится новый Эйнштейн?

На краю поля стоит плуг. К нему подъезжает трактор и начинает пахоту. Просто глазам не веришь! Плуг большой, борозда глубокая, а трактор маленький. С таким прицепом он не должен был бы и с места сдвинуться. Однако вот же он пашет, и притом быстро: километров десять — двенадцать в час.

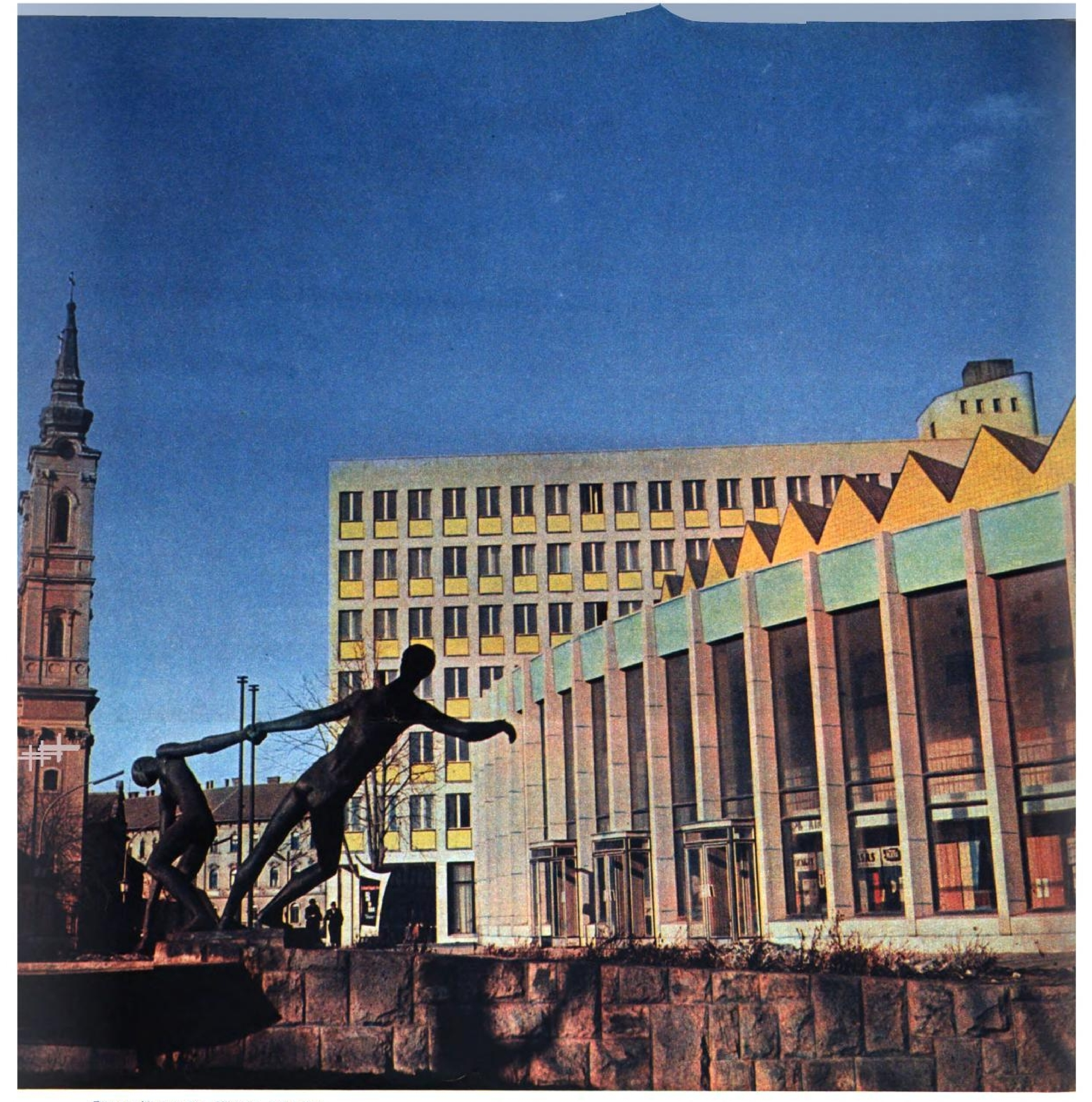
Рядом со мной идет человек: огромный, с большими залысинами лоб, глаза с серыми нездоровыми пятнами вокруг — то ли от недосыпания, то ли след болезни. Иштван Сабо, создатель уникального плуга, который считают не просто новинкой, но чуть ли не революцией в пахоте земли.

Плуг Сабо запатентован в двадцати восьми странах мира, в том числе и в нашей стране. Первую партию новых сельскохозяйственных машин выпустил недавно завод в Мошонмадьяроваре. На мировых соревнованиях плугов в Вене плуг Сабо далеко опередил самых сильных соперников. Впрочем, соперничества не было, потому что Иштван Сабо был допущен лишь вне конкурса. И надо признать, что это справедливо: мотоциклисты ведь не участвуют в велосипедных соревнованиях.

Начиная с незапамятных времен — с эпохи примитивной сохи — и вплоть до современных многокорпусных плугов с дисками и отвалами, которые режут и переворачивают пласт, на протя-

Будапешт. Атомный реактор.
Фото Шандора Бояра.

Город Мишкольц. Новые кварталы.
Фото Ирен Ач.

жении тысячелетий принцип вспашки не менялся: лошадь, а затем трактор тащили по земле за собой некое сельскохозяйственное орудие.

Иштван Сабо не может сейчас точно вспомнить, когда к нему впервые пришла эта мысль. Может быть, тридцать лет назад, когда он работал механиком по сельскохозяйственным машинам. Или, быть может, позже, когда он руководил отделом ирригации и мелиорации в одном из крупных государственных предприятий. Помнит лишь, как однажды при нем рабочие пытались сдвинуть с места тяжелый несгораемый шкаф. Сколько труда потратили, пока не поставили его на две трубы... Но зато как легко затем покатили!

Тащить или катить? Здесь не может быть двух мнений: катить легче. Но эта очевидная истина не нашла применения в практике вспашки. Иштван еще мальчишкой, помогая отцу, не раз до болта, до гайки разбирал сеялку, жатку, плуг. Он и сам пахал и не с чужих слов знал, как выворачивается из-под лемеха жирная земля, как от трения скругляется, стачивается лезвие, до зеркального блеска отъясниваются крутые отвалы. Где же здесь место колесу? Как же сделать, чтобы плуг покатился?

А что, если выбросить отвалы? Да, да, совсем! И заменить их роликами. Они поедут по земле, будут рыхлить и в то же время прикатывать пашню.

Первые, вторые, сотые опыты оказались неудачными.

Чтобы понять, как же все-таки был создан плуг, можно и не знать, каким образом Сабо нашел самые подходящие размеры роликов и — самое главное — применил специальный эластичный, похожий на резину состав, предохраняющий ролики от налипания даже влажной земли. Следует только учесть одно свойство самого Иштвана Сабо — то, что он по своей природе изобретатель. Роликовый плуг — его сто одиннадцатое изобретение, а всего у него сто семнадцать изобретений и усовершенствований!

Так устроен этот человек. Даже сейчас, на пенсии, после того как перенес инфаркт и несколько тяжелых операций, Иштван получил еще один патент на новое изобретение.

Мы шли с Иштваном Сабо, я смотрел на его усталое лицо, на коричневатые глаза и думал о великом инстинкте, который знатоки проблемы называют инстинктом творчества. Он присущ всем людям, но не в одинаковой степени. Некоторых захватывает без остатка, буквально сжигает. Словно всю жизнь они слышат зов, который гонит их, толкает к новому и новому освоению мира. Забывая о семье, порой лишая себя маленьких и больших радостей, такие люди тем не менее выполняют высокое предназначение жизни.

Вишеград. Излучина Дуная. Заняв всю ширь мостовой, как мушкетеры у Дюма, навстречу нам идут молодые ребята — пиджаки внакидку. Подняли такой шум, словно обсуждают результат сборной Венгрии по футболу. Это физики, у них здесь симпозиум по элементарным частицам. Останавливаемся, здороваемся. Вот удача: их шеф — доктор Феньвеш, бывший вице-директор Объединенного института ядерных исследований в Дубне, — старый знакомый. В разговоре узнаем новость: Венгрия приступила к сооружению на Дунае первой атомной электростанции типа нашей Нововоронежской.

Затем мы поднимаемся на гору, к средневековой крепости. Отсюда, с огромной высоты, Дунай против солнца — как серебряная кривая сабля. Он потерял признаки реки и стал — будто с самолета — почти как на карте. Синие горы заходят одна за другую. Где-то внизу на том берегу изгородь пирамидальных тополей. На горизонте дымит пароходик. Свежим веет с реки. Так красиво, что дух захватывает. И грустно оттого, что это не заберешь с собой.

...Мы едем в Эстергом, древнюю резиденцию королей Венгрии, она всего в нескольких минутах хорошего автомобильного хода. Эстергом красив и гармоничен своими старинными не только домами — целыми улицами, открывающимися одна за другой.

Но у древнего города удивительно молодое население. Ходишь по нему и думаешь: какие же люди должны вырастать здесь, в этой красоте...

Смеркалось. Начиналась вечерняя жизнь — с зажигающимися окнами, с семьями, садящимися ужинать. Мне захотелось снова отстать от поезда, но поезда не было. Тогда я отпросился у моих спутников и зашагал по улицам, не замечая обратной дороги. На маленькой площади зашел в «Экспрессо».

Длинная, как коридор, первая комната с буфетом и неизменным автоматом для варки кофе. Я сел за стол в соседней комнате, такой же узкой и длинной, как первая. Рядом сидели девушки лет по семнадцать-восемнадцать. Перед ними маленькие чашки кофе. Курят.

Они собрались на девичник. Одна из них, черноглазая, серьезная, самая красивая, выходит замуж и пригласила подруг. И вот они пьют вермут, невеста заказала всем по рюмочке.

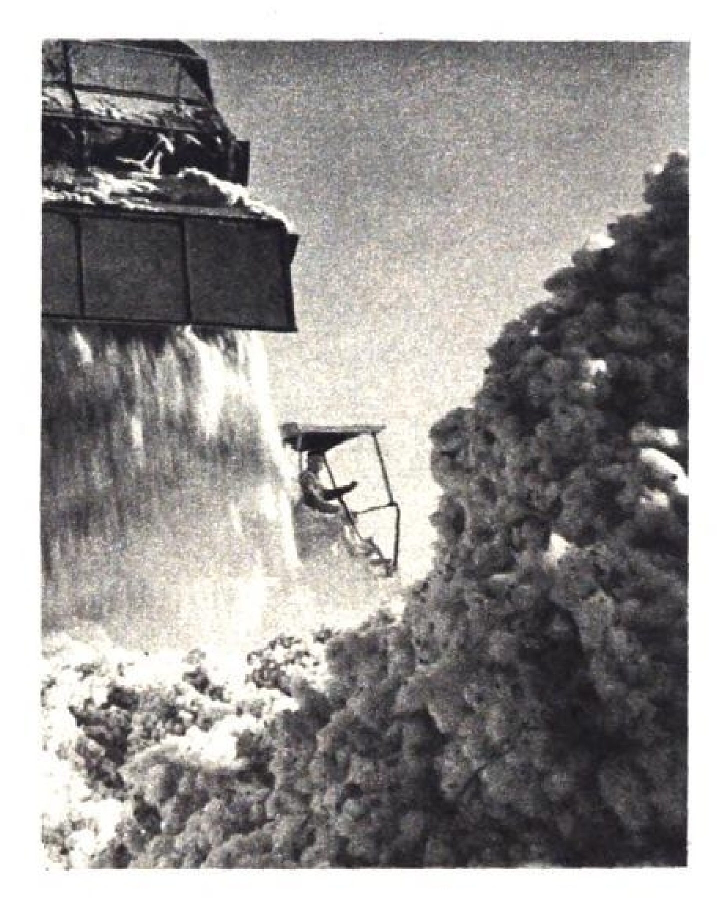
Я узнал обо всем этом, когда мы познакомились. И еще я узнал, что они будущие учительницы младших классов из здешнего училища. Съехались со всей Венгрии. Что у невесты будущий муж уже работает в деревне учителем. Там же есть место и для нее.

Мы говорили о битлзах, о поэтах, о том, надо ли малышам преподавать алгебру. Невеста считает, что надо с детства прививать задатки абстрактного мышления, она слышала, что в Советском Союзе есть интересный опыт. Не знаю ли я о нем?

С ней заспорила другая девушка. Она уверена, что дети должны лепить, строгать, вырезать, больше рисовать, наблюдать за природой. А абстрактное мышление придет к ним позже.

Мои спутники разыскали меня, и мы возвращаемся в Будапешт.

...На дороге свет фар вырывал из темноты сухие кукурузные будылья. Поля озими казались ослепительно зелеными, изумрудными. Я ехал и думал, что в Венгрии надо ждать доброго урожая.

Идет хлопок Узбекистана. Фото ТАСС.

ЧЕТЫРЕ МИЛЛИОНА

4 миллиона. Эта цифра сейчас самая популярная в Узбекистане. Ее назовет вам и пожилой дехканин из Каракалпакии, и молодая работница с «Ташсельмаша», и малыш-первоклассник из Ферганы. Более четырех миллионов тонн — вот сколько белого золота дал стране Узбекистан в юбилейном году.

Замечательная победа далась не просто, ее пришлось завоевывать в трудной борьбе. Природа нынче как бы устроила узбекским хлопкоробам экзамен на прочность. Наводнения и град весной, суховей и маловодье летом, дожди в уборочную страду — все эти беды в изобилии обрушились на поля республики. Но хлопкоробы Узбекистана выдержали испытания и с честью сдержали слово, данное Родине.

В юбилейном году, ознаменованном таким выдающимся успехом, узбеки с гордостью и благодарностью вспоминали о том, что у истоков нынешней победы стоял В. И. Ленин. В мае 1918 года, когда Республику Советов душили гражданская война, голод и разруха, Владимир Ильич подписал декрет «Об ассигновании 50 миллионов рублей на оросительные работы в Туркестане и об организации этих работ». А в апреле 1920 года на III Всероссийском съезде рабочих-текстильщиков вождь революции назвал Туркестан единственным источником хлопка.

Огромный путь прошло хлопководство Узбекистана с тех пор, как был подписан ленинский декрет.

В 1917 году — первом году Советской власти — республика дала стране всего 250 тысяч тонн белого золота. И обрабатывали поля и собирали хлопок тогда вручную. А в ушедшем году 1 540 тысяч тонн собрано машинами, почти сорок процентов урожая! Весь Узбекистан с признательностью произносит имена тех людей, которые первыми прокладывали дорогу комплексной механизации. Герой Социалистического Труда Валентин Тюпко, лауреаты Ленинской премии Джават Кучиев и Турсуной Ахунова, Герои Социалистического Труда Маннап Джалалов, Мамажан Дадажанов и Шаймардан Кудратов. Они были первыми. А сейчас в Узбекистане идет уже разговор о комплексной механизации уборочных работ, об уборке всего хлопка без применения ручного труда. Верные друзья земледельцев — работники заводов, где производят сельскохозяйственные машины, готовят технику для этой цели, технику недалекого будущего. И в республике уже звучат названия машин завтрашнего дня — «Пахтакор» и «Ташкент». Уборочный агрегат и трактор хлопковой модификации...

Когда у вас праздник, то все друзья спешат вас поздравить. Вот и солнечная республика получает множество поздравлений. Сердечные, искренние, они летят со всех концов страны и из-за рубежа. Отовсюду, где знают и ценят узбекский хлопок, где знают и любят тружеников Узбекистана.

РАССКАЗ О СПАСЕНИИ НЕФТЯНОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ

Бульдозеры готовят плацдарм для решительного штурма.

Победители.

К. В. Ткаченко (слева) и М. И. Земский.

Под исполинским водяным шатром.

РАССКАЗ О СПАСЕНИИ НЕФТЯНОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ

Укрощенный смерч

Юрий ЛАДОНИЦКИЙ

Фото Е. МЕГРАБОВА.

Пламя «свечки» высотой 130 метров! Видели ли вы такое? На что нефтяники и пожарные — люди, закаленные и испытанные, не раз встречавшиеся лицом к лицу с коварными шутками глубоких горизонтов,— и тем стало не по себе от вида пылающего смерча на 58-й скважине Эльдаровской нефтеразведки.

Фонтан ревел на одной пронзительной ноте, словно стартующая эскадрилья турбореактивных истребителей. От невидимого устья накатывали и рвались в небо клубы зловещего огня и тяжелого дыма. И хотя до кратера было с полкилометра, земля под ногами дрожала, а в лицо бил тугой и липкий жар. У огня начинали свой стремительный бег хороводы двухметровых смерчей, этих непременных ассистентов огненного дракона.

Как же он вырвался из земных недр. как вышел из подчинения людям?

Эльдарово — это то же Эльдорадо с золотым дном. Только золото здесь черное. На новом месторождении уже получено несколько фонтанов-работяг. И на этой 58-й скважине буровики много месяцев ходко шли к верхнемеловому горизонту. И 12 октября, когда долото достигло 3 815 метров и вскрыло «рубашку» верхнего мела, пласт взбунтовался. Из скважины хлынул глинистый раствор вместе с газом. Давление было настолько сильным, что сорвало патрубок. Удар металла о металл высек коварную искру. Вспыхнуло пламя.

Не прошло и 20 минут, как 53-метровая конструкция на глазах буровиков рухнула в пылающий костер. Пламя растеклось метров на 20 в поперечнике. Произошло это потому, что одна из стальных ног вышки упала на устье скважины и раздробила ревущую струю нефти и газа. Нефть не успевала сгорать и разливалась по земле.

Специалисты прикинули: в устье скважины давление достигает почти 250 атмосфер. За сутки сгорает 2 тысячи тонн нефти и миллион кубометров газа. Как утверждают старожилы и вторят им архивариусы, подобного по мощности горящего фонтана не было не только в Чечено-Ингушетии, где нефть добывают уже три четверти века, но и на других промыслах страны.

...Сразу же после набатного телефонного звонка экстренные меры приняли руководители «Грознефти» и обкома партии. Был создан штаб по ликвидации открытого фонтана. Возглавил его приехавший из Москвы в Эльдарово первый заместитель министра нефтедобывающей промышленности СССР С. А. Оруджев.

У культбудки буровиков, где разместился штаб,— группа людей в длиннополых зеленых плащах с капюшонами, нефтяники и пожарные. Был полдень, а на крыше светились глаза прожекторов. И не потому, что их забыли выключить,— было темно от дыма, словно день только занимался.

...К этому серому вагончику ведут все дороги — дальние и близкие. Поднялся по стремянке и переступил порог штаба высокий и широкоплечий человек в офицерской фуражке и плотном защитном плаще.

— Полковник Ткаченко,— представился он.

Эта фамилия хорошо знакома нефтяникам. Начальник управления пожарной охраны Азербайджанской ССР К. В. Ткаченко известен как покоритель горящих газовых и нефтяных фонтанов. Вместе со своими боевыми помощниками он успешно боролся с огнем на промыслах Азербайджана и Туркмении. Руководил тушением фонтанов в Индии и Афганистане.

— Константин Владимирович, скажите, как будете гасить «свечку»?

— Скважина над оврагом. Подойти к ней трудно. Поэтому попробуем сбить пламя направленным взрывом. Если же не получится, то применим новинку — турбореактивные двигатели. Но прежде необходимо тщательно подготовиться к решительному штурму.

...Амфитеатр перед скважиной бурлил. Пыльную грунтовую дорогу утюжили тяжелогрузные самосвалы и тракторы. Поистине громадны масштабы подготовительных работ. Об этом красноречиво свидетельствуют такие цифры: на 58-й одновременно трудились от 500 до 750 человек. Под горой разбили два палаточных городка, две столовые. На помощь грозненским пожарным пришли их бакинские коллеги. Прибыли две турбореактивные машины. Приехали заместитель начальника управления пожарной охраны Министерства охраны общественного порядка СССР М. И. Земский, офицеры пожарной охраны из других нефтяных районов страны.

Недалеко от Терека на канале смонтировали две насосные станции. Воду подвели в район пожара по трем шестикилометровым артериям. Бульдозеристы, работая посменно круглые сутки, вырыли два пруда более чем на 10 тысяч кубометров воды, коллектив монтажников за трое суток из рулонной стали воздвиг шесть резервуаров емкостью почти 8 тысяч кубометров.

К бурлящему вулкану устремились пожарные под прикрытием стальных щитов и вооруженные лафетными и ручными стволами. Водяной занавес им обеспечивали начальники боевого участка В. Погорелов и А. Петров. Жара нестерпимая. Люди шли вперед, словно в большом водяном облаке. Так, метр за метром отвоевывалось пространство у огня.

Справа действовали бульдозеристы. Мощные машины, кабины которых закрывала кошма, засыпали овраг, готовя плацдарм для решительного наступления. Дым ел глаза. Одно неверное движение штурвала грозило бросить машину в огонь. Но водители внимательно следили за маневрами соседних машин, страховали друг друга. Когда бульдозерист Х. Хугаев попал в беду: его машина накренилась и стала,— ему на выручку тотчас же пришел И. Штефан и помог выбраться из промоины.

К дамбе примчался известный «фонтанщик» Герой Социалистического Труда И. Д. Олейников — начальник штаба горноспасательной части Северо-Кавказского промышленного района.

Второй цепью в наступление пошли нефтяники, возглавляемые прорабом вышкомонтажной конторы треста «Грознефтеразведка» И. Кибалко. Крюки-якоря, канаты и тросы забрасывали вручную, а затем с помощью тракторов вытаскивали из огня буровое оборудование, исковерканный металл.

Теперь, пожалуй, можно и атаковать огонь. Первая попытка оторвать пламя от устья скважины с помощью направленного взрыва 400-килограммового заряда аммонита закончилась неудачно. И тогда пустили в ход турбореактивные установки.

Пожарные пушки, как их иногда называют, разят пламя огнегасительной струей, состоящей из отработанных газов и воды. Скорость струи превышает 500 метров в секунду. Три машины одновременно обрушили свои разящие мечи на факел. Несколько минут окрестности сотрясались от невероятного рева скважины и турбореактивных двигателей. И огненный смерч пал. Теперь из скважины бил бурый фонтан нефти. Люди ликовали. Но недолго. Снова огонь. И снова громовая симфония.

Специалисты встревожились: в чем причина самовоспламенения? Решили, что вся беда в одном слабо укрепленном отводе крестовины. Именно здесь, должно быть, возникает искра.

Три смельчака — инженер горноспасательной службы М. Корниленко, инженер Эльдаровской нефтеразведки В. Яковлев и командир одного из пожарных подразделений Л. Задков — под плотным водяным «зонтом» проникли к устью скважины и набросили на отвод петлю стального каната. Рывок тягача — и с отводом покончено.

5 декабря турбореактивные установки окончательно погасили факел. Но битва с фонтаном не закончилась. Теперь вся полнота власти перешла к горноспасателям, руководимым И. Д. Олейниковым. Через пять дней ценой невероятных усилий, когда каждое неточное движение, как у минеров, может стоить жизни, они — М. Корниленко, М. Чаплыгин, Л. Арутюнянц, Д. Горшенев — сняли с устья скважины старое оборудование и на его место установили новое. Работать приходилось очень осторожно, ибо все пространство над скважиной было сильно загазовано.

Большая нефть, заключенная в стальную арматуру, пошла по трубам в хранилища. Эльдаровское месторождение спасено.

Гигантская «свечка» упиралась в низко нависшую тучу.

...И углами И пи

Сотников в 1964 году:

— Рубль — моя главная забота...

Обещанного три года ждут... Три года назад председатель колхоза «Россия», что в Северной Таврии, обещал мне поделиться со временем своими новыми заботами, если таковые будут. А тогда, в конце 1964 года («Огонек» № 49, очерк «Сотников и его заботы»), я писал о том, что противоестественно сдерживать хозяйственную инициативу таких толковых руководителей артели, каким всегда оставался мой друг и единомышленник Нектарий Михайлович Сотников. Потом был март 1965 года, и был Пленум ЦК КПСС, и стало ясно, что государство наше сильно именно такими вот — рвущими на ходу путы антиэкономики — хозяйствами, как «Россия».

Я вернулся в Майское через три года. Теперь никто не уличает Сотникова в том, что он «развел коммерцию», теперь подсчитывают рентабельность, прибыль, дивуются на оборот артельного рубля. Нектарий Михайлович награжден орденом Ленина. Бригадир А. Е. Полюшкин удостоен Звезды Героя Социалистического Труда. Ордена и медали на груди многих колхозников и специалистов. Но я-то знаю, что Сотников еще и полный кавалер строгих и самых строгих, «с занесением», взысканий. В конце концов даже хорошо, что все куда-то «заносилось», ведь боевыми ранами победитель гордится не меньше, чем наградами. Столь неожиданное отступление важно для одного: дабы помнить, какими мыслями, с каким душевным настроем, какими заботами жил мой герой до октября 1964 года...

Чтобы высветить в общем-то не новые, а для кого-то, быть может, даже и скучные соображения о том, из чего нынче складывается прибыль в колхозах, я приведу пример из литературы, а точнее, из жизни литератора. Примеры всегда оживляют... Будучи в Майском, я — для контраста с окружающей меня действительностью — читал старую, забытую книгу старого писателя Н. Гарина «Несколько лет в деревне». Гарин писал о себе. В начале 80-х годов прошлого столетия писатель, добрый и чрезвычайно деятельный человек, купил имение и занялся преобразованием сельского хозяйства. Своими новшествами он хотел побудить окрестных мужиков к самовозрождению, хотел приобщить их к плодам цивилизации. Гарин, сам инженер-путеец по образованию, рьяно взялся за претворение в жизнь благих прожектов. И потерпел крах. Он со всеми его реформами был чужеродным элементом в деревне, потому и не прижился. Сейчас мы это называем несовместимостью тканей. Невежество одних крестьян и злая воля других — богатеев — помешали благому порыву. Но для меня дорого то, что сам-то Гарин видел еще и свою вину — слепой натиск реформатора. Он, как мы теперь бы сказали, применил явно административные методы руководства в своей деревне. Он гнал крестьян к лучшей жизни...

— «Вот что, старики. Вижу я, что от хозяйства вы вовсе отбились... Либо вы принимайтесь за дело, как следует, ...либо отставайте вовсе от земли...».

Старая книга помогает увидеть те грандиозные изменения, которые очевидны в расстановке сил «деревня — цивилизация». К слову говоря, деревня на своем веку повидала предостаточно радетелей. Разочаровавшись в мужике, пылкие доброхоты скоро забывали и свои благие намерения, и деревню с ее бедами и нуждами. Понадобились годы и годы, насыщенные социально-экономическими преобразованиями, чтобы пробудить у пахарей и сеятелей интерес к новшествам технического и культурного порядка, исходящим от города.

— А ты знаешь,— горячо заговорил Нектарий Михайлович после того, как мы вместе подивились «открытию» Гарина,— я сам иногда чувствую себя этаким заезжим реформатором!.. Подожди, подожди возражать, тут все не так просто... Конечно, у меня временные связи с деревней совсем иные, политически и социально иные. Ну, а все-таки иногда испытываешь яростное нетерпение, хочется форсировать новинку, с ходу преодолеть извечное недоверие к новому. Иногда не все понимают, что и пахать, и сеять, и дело вести можно по-новому, более современно, что ли! Ну, да это все производственные вопросы, а возьми быт, культуру, внешний вид бригадных сел и поселков, а вернее сказать, поселений. Тут мы явно не торопимся за веком!..

Так вот ты о чем заговорил, Нектарий Сотников, экономическая душа! В какой день ты вдруг оторвал взгляд от арифмометра и глянул трезво на дороги, на стены домов, на обои в клубах, на одежду людей, на мир вокруг себя? Что тебя заставило говорить о таких «нематериальных» предметах?

— Все та же экономика! — был ответ Сотникова.— Да, да... С некоторых пор я заметил, что современному ведению хозяйства мешает несовременное отношение к труду, к себе как производителю главнейших материальных ценностей, к своему житью-бытью, к своим запросам, потребностям.

Это нечто новое для меня. Я хорошо знаю Нектария Михайловича, он исповедует одну веру: экономика, экономика, много раз экономика, которая, по Ленину, есть политика. Все в дом, все во имя интересов артели, а значит, и государства. Теперь разве что какой-нибудь уж безнадежно заработавшийся кабинетчик по старинке окрестит Сотникова «спекулянтом». Ограниченность в понимании происшедших перемен в стране у таких людей контрастирует с размахом, я бы сказал, с рентабельностью будничных деяний людей типа Сотникова. Он меньше всего просто коммерсант. Я открыл для себя какую-то пусть неуловимую, но принципиальную разницу между определениями «коммерсант» и «нормальный государственно мыслящий человек». Сотников из нормальных. И другое, а вовсе не то, как пролезть верблюду артельных интересов в игольное ушко инструкций, совсем другое волнует сегодня председателя.

Запрограммировано устранить грань между городом и деревней. Но в чем и с какого такого красного дня начнет проявляться это великое сближение? Если оно и началось, то темпы его отстают от желания миллионов, и по-прежнему еще деревня остается в большинстве случаев за барьером средних общесоюзных достижений в организации быта и труда. Мы знаем город, и не нам, горожанам, его идеализировать. И мы все-таки понимаем, почему молодежь иногда стремится правдами и неправдами покинуть свое родное село. Привлекают, очевидно, не только многоэтажность, разбег огней, доступность развлечений (и это, конечно, и это!), но и коллективный интеллект города, темпы будней, стремительная круговерть труда машинизированного, а главное, ничем, в сущности, не ограниченные возможности проявить себя. Есть кого посмотреть и есть кому себя показать! Сейчас село экономически окрепло. Но когда изба красна пирогами, то вдруг замечают, что вовсе не красна она углами. После пирогов хочется чего-то иного, большего — для души. Если этого «иного» нет, колхозник стремится на сторону или работает кое-как, себе же в убыток — пироги есть, чего ж еще?.. Вот он, круг, и замкнулся, вот мы и вернулись к любой Сотникову экономике. А может, бог с ними, с красными углами-то? А может, проще «нажать» на такого «шибко сознательного»? Вот-вот, и Гарин о том же...

— Нажимали, разве не знаешь? Слышал припевку: «Хватит нас ужо пужать»?— засмеялся председатель.— Нет, лучше уж засучить рукава да перестроить Майское заново!

«Россия» года два назад начала перестраиваться. Приобретен (не буду излагать, с каким превеликим трудом) план генерального строительства. Он уже потихонечку (но почему, почему всегда обязательно потихонечку?) осуществляется. Недавно артельский штаб, бухгалтерия и специалисты переехали в новое здание правления. Построено по индивидуальному проекту! В Союзе, уверен, другого такого нет. Это хорошо спланированное, с прозрачным, как виноградина, холлом здание. «Зерна» в этой виноградине — мозаика, выполненная рижскими мастерами. А рядом кран поднимает блоки — монтируется уже третий этаж первого четырехэтажного дома. А напротив — почти остекленное оригинальнейшее здание будущего детского сада. Тоже индивидуальный проект — целый комплекс, ребячий мир! Интерьер, его художественное оформление, проект меблировки и организацию территории взяли на себя все те же рижане из фирмы «Максла». У колхоза с фирмой договор на сотни тысяч рублей.

— Не в рублях дело,— клонит к своему председатель.— Я сейчас между двух огней. С одной стороны, на все материалы дефицит. А тут еще некоторое неприятие нового со стороны колхозников. Нужно организовать территорию, въезды и выезды на поля и с полей, разбить цветники, положить асфальт, доску почета сделать такой, чтобы не пугала... Но люди пока равнодушны к эстетике рабочего места, будь то коровник, или мастерская, или даже склад, хотя это никому не грозит убытками. Убытки теперь в другом — в неэстетичном виде села, поля, тракториста и свинарки. На чем сидим? Чем едим? Из чего пьем? Где отдыхаем?.. А ведь от этого зависит, как пашем, сколько доим, почем на базаре хлеб и виноград. И далеко ли еще до города?

Нет, Сотников положительно не может, чтобы без экономики! Конечно, я сразу понял, не о мозаике в коровнике (она будет — решено!), и не о модерновой форме доски почета (она уже есть — при мне ее монтировали!), и не о цветниках (при мне приехала архитектор «Зелентреста»), и не только об асфальте с таким волнением говорит Нектарий Михайлович. Тут как раз можно решительно ломать устоявшиеся взгляды тех, кто по неразумению или по недостаточной воспитанности чувства прекрасного готов всю жизнь месить улицы сапогами, лузгать семечки в так называемом Дворце культуры о восьми колоннах... Нет, новые заботы Сотникова о другом — это я почувствовал по тому, как нелегко ему, рыцарю рубля, сформулировать свою мысль, как нелегко и мне связать концы с концами, перебросить логический мостик от материального благополучия к факторам внешнего и нравственного облика колхозной деревни.

Когда Нектарий Михайлович вошел в кабинет своего соседа и учителя, председателя колхоза имени Крупской Василия Ивановича Черфаса, он потерял дар речи. Старое в общем-то правление, тесный кабинет (в углу артельное знамя с орденом!) — и великолепная мебель. И торжествующая улыбка Василия Ивановича. Сотников обалдел: «Как же так?.. Где?..»

Ух, вот такую бы мебель да в модерновое правление «России»! Сосед дал один адресок, но и сам не уверен, что Сотникову пофартит. Мебели для кабинетов, для жилья (телевизоры стоят на табуретках), для будущего Дворца культуры, для почти готового ребячьего мира — нет и нет. Ну, хорошо, Сотников достанет (ох уж это «достанет»!), но ведь колхозов — тысячи, а сел, деревень — сотни тысяч. Телевизионные антенны над избами — это отрадно, но это и предмет горьких раздумий, потому что давно уже не красна старенькая родительская изба углами.

Сколько раз встречал я председателей, которые хвалятся не работой клуба, а затратами на люстры («Как в Большом театре»), на «городской» бархат... И все бы ничего, можно бы и притерпеться, если бы не сказывались эти антивкусы, этот обуженный не по моде кругозор на артельной экономике. Но для Нектария-то Михайловича, я знаю, экономика — альфа и омега! Рубль — альфа,

ОГАМИ

Где отдыхаем
На чем сидим
Из чего пьем

Николай БЫКОВ

а после марта 1965 года не только рубль, но еще и культура быта и труда, душевная зрелость современных землепашцев. И вот он, Сотников, однажды, когда уже был выключен телевизор и детишек взял угомон, догадался: а все ли верно в механизме действия долгожданной реформы? Хорошо ли смазаны рычаги материальной заинтересованности?

— Понимаешь, рубль решает многое. Но не все, вот в чем дело. Каждый гектар дал нам нынче шестьсот рублей! Учти, что год был безвиноградный... Значит, с того же гектара можно получать и больше. И будем получать! А дальше? Мы уже сейчас по мошне обогнали иных горожан. Мошна тугая, у нас в банке лежат два миллиона рублей, их бы в оборот... Но что, что дальше?

Колхоз «Россия» один из первых перевел бригады и другие хозяйственные подразделения на хозрасчет, здесь действует целый промышленный район, есть своя — колхозная! — железнодорожная ветка. По-городскому выглядит обстановка в некоторых домах, все больше улиц с водопроводом, огромная нужда в газовых плитках, в холодильниках и в стиральных машинах. Но это внешние признаки городского. Важнее иное. Говорить об этом ином председателю нелегко. Короче говоря, рубль начисляется по новой системе оплаты, а качество труда нередко остается старым. И Сотников видит тут прямую зависимость усердия от уклада деревенской жизни, все от тех же вопросов: на чем сидим, чем едим, по какой дороге выбираемся из деревни в город, какова работа клуба? Вроде и производство развивается, и заработки растут, а вот производительность труда почти на прежнем уровне, выходы на работу все те же; нет его, рвения; перекуры, пересуды в поле все той же продолжительности, что и прежде. Иногда кажется, что люди утратили чисто крестьянское отношение к земле, к тому самому дню, который год кормит. Они как-то разучились думать за весь колхоз, а главное, за дело, которое поручается персонально ему. Сотников при мне объяснял в каждом звене на уборке винограда и картофеля: не я, Сотников, вам плачу, это — ваше, вы сами себе платите!.. А я ходил стороной и подбирал оставленные женщинами клубни. Но почему так много потерь — неподобранного? Эти женщины лучше меня знают, что картофель — редкость в Таврии, ценится он здесь, как зерно. Нынче Сотников отказал сотням покупателей, сотням заявок на картошку! Убыток... А колхозницы оставляют каждый десятый клубень в поле. Ох, и медленно же отогревается душа и мысль хлеборобская! А может, ответ в том вопросе, который председателю задали на картофельном поле?

— Нектарий Михайлович, — спросила самая бойкая из женщин, — почему нас от магазина гонят?

— Как так?

— А так вот, председатель! Пришли мы — о хорошем товаре узнали, а продавец вышла да и объявила, что не откроет магазин, пока, мол, колхозники из очереди не уйдут! Что, у нас деньги другие, что ли, не советские?

Зашумели женщины. А дело в том, что в Майском до сих пор нет своего промтоварного магазина, но есть рядом, через улицу, магазин рабочего поселка, но это «государственный» магазин, в нем для колхозников, оказывается, товаров нет... Вот и призывай тут наклоняться за каждой картофелинкой... Надо бы, конечно, колхозу построить с в о й магазин (по линии сельпо), да нельзя пока: ведь принят к осуществлению план генерального строительства центральной усадьбы, а это значит, что начала действовать цепная реакция проблем сельского строительства. И снова вернулись мы к тому самому, что связывает моральные и материальные факторы в развитии колхозного села. Ведь былые старания в борьбе с так называемой крестьянской психологией, третирование понятия «хозяин», как видно, не прошли даром. Рубль собрал воедино хозяйство, раскусоченное во времена антиэкономических поветрий, — нужна теперь «живая вода», которая бы сделала бытие в деревне творчески наполненным, интеллектуально содержательным.

Сотников в 1967 году:

— Рубль — это еще не все...

— Когда я вижу ребят из нашей десятилетки, — не раз говорил мне председатель, — сердце кровью обливается. Не может того быть, чтобы не было среди них Моцарта или Шостаковича! Ведь есть, обязательно! Но вот обидно знать, что новый Гагарин себя проявит, и даже новый Циолковский не пропадет, и тем более Мичурин будущего, а вот Моцарта, Уланову, Пеле можем проглядеть, черт возьми! У нас три пианино и ни одного музыкального педагога, у нас штанги, мячи, будет стадион, и нет толковых тренеров...

Он прав, Сотников, с его новой заботой. Бегут из села не потому, что нет телевизоров и не приезжают сюда артисты, а оттого, что каждому человеку хочется немедля проявить себя уже в раннем детстве, позднее — в творческом коллективе, в изостудии, в радиокружке или в спортивной секции. Но его, это проклюнувшееся зернышко, сметают в общий ворох товарного зерна. Доброго «зерна», но здесь запрограммированные самой наследственностью качества могут так и не развиться. Значит, требует наша деревня обновления культурной среды, создания по мере экономической возможности среды, самой благоприятной для всестороннего развития личности. И личности современного пахаря, скотника, хозяина артели — тоже!

Мы в разговоре с председателем как-то незаметно от пирогов и углов избы перескочили к вопросам воспитания чувства личной ответственности колхозника за дела артели. «Живая вода» и тут нужна!

Почему все это волнует сегодня председателя? Может быть, у него нет других забот и ему не надо уже быть главнодостающим? Не надо прощупывать дальние северные рынки, не приходится больше изворачиваться, обивать пороги дальних городов, чтобы заполучить дефицитные стройматериалы, фонды и наряды? Нет и еще раз нет. Сотников остался Сотниковым. Но после мартовского Пленума ЦК КПСС этот обаятельный, высокого творческого заряда руководитель не хочет отставать от времени, убыстрившего ход. Космические лаборатории недавно сообщили о температуре атмосферы утренней звезды — звезды поэтов и председателей колхозов! Острое ощущение времени обнаружил человек. И я понимаю его: селу экономически невыгодно отставать в чем-то от города.

— Пойми, я сегодня думаю не столько о дисциплине вообще, сколько о мере ответственности каждого, о душевных качествах человека земли. Казалось бы, люди у нас в колхозе грамотные, опытные, и каждый из них может сейчас многое брать на себя. Не берут... Но ведь убыточно тянуть воз в одиночку. Я не хочу оставаться главнопогоняющим и главноотвечающим! У нас — артель, но об этом старики забыли, что ли, а до молодых это как-то не доходит.

Сходство между колхозом и совхозом — в их социалистической природе. Близнецы-братья! А далее идет, я бы сказал, цепная реакция отличий правового, политического, финансового, организационного и психологического характера. Я за общее, но я и за отличия в том случае, если они на руку деревне и государству, если не сброшен со счетов принцип кооперации, какой она представлялась Ленину.

— Знаешь, у меня из головы не выходит образ слепого одиночки-реформатора. Если сделать поправку на время и взять мысль Гарина в голом виде применительно к нашему хозяйству (условно все это, страшно условно!) — так вот...

Я слушал его и не мог не согласиться. В самом деле, там, где председатель по чьей-то или по своей воле, или из-за низкой профессиональной культуры специалистов одинок в благородных устремлениях, там не может быть и речи об интенсивном ведении хозяйства. Ибо сегодня достоинства председателя не в том, что он талантливо недосыпает, талантливо подменяет и бригадира, и механика, и диспетчера, и парторга, и тренера футболистов. Где колхозная демократия мнимая, там выкрики на собраниях, недовольство, таящееся по углам хат, растащиловка общего добра. И вот ведь беда: там, где «мир» сам по себе, а «верхушка» сама по себе, где рядовой колхозник боится войти в кабинет к председателю («К тебе боятся войти?» «Не думаю, нет»), там нередко теряется чисто человеческий контакт между руководителем и колхозником. Нигде не звучит так нелепо слово «начальник», как в колхозе, где декларировано: каждый — полноправный хозяин артели. В «России» я не слышал слова «начальник». Но и не каждый здесь еще достоин звания артельного хозяина! Главное — не каждый почему-то к этому стремится. Вот в чем открытие Сотникова. И он старается терпеливо — всей своей каждодневной работой, всем своим темпераментом и преданностью общему делу — внушить односельчанам, что невыгодно их колхозу, если большинство не участвует в обсуждении насущных забот! Общественное мнение — как его уловить? Взять того же Сотникова. У него семьдесят процентов времени уходит на разъезды в райцентр и в область, на бесконечные вызовы и совещания; процентов двадцать идет на деловые встречи. И как немного остается для разговора по душам с колхозниками! Да и где повести этот откровенный разговор? Вызвать на правление? Зайти — к каждому — в дом на чай? А их две тысячи, домов... Клуб? Там только кино да собрания. Словом, негде встретиться людям в колхозе с годовым доходом в 4,5 миллиона рублей!..

Неразвитость демократических начал в повседневной жизни артели оборачивается теми же убытками. Но верно и то, что надо много терпения, политической зрелости, чтобы воспитать в коллективе (а это значит — в каждом!) способность пользоваться, так сказать, демократическим «допуском» в управлении артелью. Всем памятны годы, когда крестьянин забывал, что он крестьянин, заколачивал дом и уходил на сторону. Причин тому много, среди них и та, что большая культурная жизнь более полно развивалась за околицами деревень... Уже сейчас, я уловил, некоторые удивляются, откуда, мол, у колхозников вдруг такое чувство достоинства, такие потребности в духовных «излишествах». Не заметили эти люди перемен в стране. Развитие демократизма внутри артели неизбежно повлечет еще большую самостоятельность, упрочит гражданскую позицию и председателя и рядового члена артели «на выезде», за околицей. В диалогах с разными государственными учреждениями важны теперь не только миллионы на банковском счете, не только с лихвой перевыполненный план-заказ, но и чувство достоинства, чувство хозяина, воспитанные всем укладом артельной жизни. А все это приходит, кстати, вместе с модной одеждой и вместе с развитой речью, с глубоким интересом к науке, с умением работать, с ощущением личной причастности к веку технической революции. У культурного очага колхозной деревни прочный фундамент — достижения рабоче-крестьянского государства, ленинская политика союза серпа и молота.

Вот такие они, новые заботы Нектария Сотникова, председателя «России». Нет, не легче с годами жизнь! Новый день — новый трудный шаг по миру, новая дума живого о живом. Все правильно, друг!..

КУБКИ «ОГОНЬКА» ВРУЧЕНЫ

Год назад в редакции «Огонька» состоялось совещание общественников—руководителей клубов для подростков по месту жительства. Тогда было решено начать конкурс на лучший домовый юношеский клуб в двух городах — Минске и Горьком. В канун 50-летия Великого Октября жюри подвело итоги соревнования. В городе Горьком первая денежная премия, переходящий кубок журнала и годовая подписка на «Огонек» присуждены клубу имени Василия Иванова, что по улице имени XXII партсъезда, в Сормове; в городе Минске — клубу при домоуправлении № 5 по Долгобродской улице.

Сегодня мы рассказываем об этих двух клубах, победителях конкурса.

Юные гандболистки на тренировке.

Где-то в Сормове...

Тихая улица, розовая от новых домов, трехэтажных и пятиэтажных. Прямо в окно смотрятся рябины, березы и клены. А за деревьями рядом с асфальтовыми дорожками — каток. Сделан он по всем правилам — с бортиками, электрическим освещением. Лучший самодельный каток во всем Горьком. Хоккеистов тьма. От начинающих, с октябрятскими звездочками до участников соревнований юниоров, отстаивающих честь Калининского поселка и Сормовского района. Десятки команд, потому что почти в каждом доме есть своя команда, а таких домов 22. На этой улице, носящей имя XXII партсъезда, и примыкающей к ней Марсовой, Просвещения, Страж Революции Геннадию Кошкину — главному тренеру пришлось установить строгий график тренировок.

Но кто такой Кошкин? Мастер спорта? Ничего подобного. Просто любитель, слесарь-сборщик подшефного завода. Живет тут же в одном из домов, которые окружают каток. Спортом увлекается давно, еще со школы. А учился он в той самой школе, которая находится рядом, в ста метрах от катка. Еще тогда занимался он легкой атлетикой, хоккеем и велосипедом.

Вышел однажды Гена Кошкин с шайбой во двор на асфальтовый гололед — катка еще не было — и не заметил, как оказался в окружении шустрых, как снегири, ребят. Столь не соответствующей его возрасту компанией он не пренебрег. Может быть, этому эпизоду и не суждено было приобрести организационные формы, если бы всю эту сцену не наблюдала из окна своей кухни тетя Катя. Завязавшаяся внизу баталия так увлекла ее, что она забыла про пирог с капустой в духовке. Батюшки, самый трудный из ее подопечных, отчаянный Женька Потанов и тот втянулся в игру, перестал кормить снегом малышей и носится вихрем

Ко двору

Центрфорвард плакал. Плакал по-настоящему. Предстоял ответственный матч. Его, лидера, ребята ждали, а мать была неумолима: получил двойку — никаких футболов. Хорошо, что пришел дядя Володя и уговорил Сашину маму отпустить центра нападения на одну игру. На одну! А там пускай — дядя Володя даже одобряет — переживет дисквалификацию, пока не исправит двойку по ботанике.

Саша отыграл важный матч блестяще. И пока не разделался с плохой оценкой, больше не выходил на футбольное поле. К счастью для него, для ребят и для всех болельщиков «Вымпела», дисквалификация не затянулась.

Вспоминая эту историю, Владимир Павлович Минкевич,— тот самый дядя Володя, который приходил хлопотать за форварда,— улыбается и вздыхает:

— Вот так и живем — радости и конфликты, праздники и горький вкус разочарований... Подростки же страшно чувствительны. Ну, а кто привязан к ним — обречен на все...

Полковник запаса Минкевич сам пришел в домоуправление и предложил свою помощь. Ему, обитателю крупного «жилого массива», хотелось, чтоб мальчишки и девчонки не скитались хмурыми группками от скамеек к подъездам и обратно, не тянулись к жизни пустой и праздной. Один бы он, конечно, ничего не добился. Но пятому домоуправлению везет на отзывчивых людей. Пенсионерка Нина Александровна Артамонова взялась за художественную самодеятельность в домах по Долгобродской и Ботанической. И вот наконец — праздник дворов, посвященный 50-летию Советской власти. Талантов обнаружилось — хоть другим домоуправлениям взаймы давай: гитарист Толя Корнейчик, певец и танцор Валерка Фельберг, певица Рита Пашкевич. Даже пьесу большую поставили, и все здорово.

Леонид Уласевич, рабочий инструментального завода, вдруг обнаружил способности футбольного и хоккейного тренера. Степан

Разве скажешь, что эти елки самодельные?

Своими руками...

за шайбой. Тетя Катя опомнилась, когда в кухне зачадило. Она заохала, заахала, прикрыла пирог полотенцем, чтобы отошел, набросила на плечи полушалок и побежала к соседке выяснять, что за молодец объявился в их дворе. И узнала: парень недавно вернулся из армии, обзавелся уже семьей, работает на заводе и живет тут у отца. В тот же вечер тетя Катя постучала к Кошкиным. Так, мол, и так. Не мог бы ты, Геннадий Кошкин, организовать при нашем домовом клубе имени Васи Иванова секцию хоккеистов? Желающих очень много, сам видел.

Геннадий оказался человеком покладистым. Что из этого получилось, может увидеть каждый посетитель клуба. В одной из комнат вся стена украшена почетными грамотами за спортивные достижения. А для призовых и оставленных на вечное хранение за неоднократные победы кубков пришлось соорудить специальные полки. Шайбы и клюшки ребята делают сами в своем столярном кружке. С хоккея все началось. А потом — футбол и волейбол, настольный теннис и лыжи, шахматы и ручной мяч. Команда девочек старшего возраста, например, в это лето заняла по гандболу первое место в городе.

Столь активная работа Геннадия Кошкина не осталась незамеченной. По настоянию общественников и родительского совета клуба ему предоставили в доме номер 34 — а клуб находится в доме № 32 — отдельную квартиру. Это был желанный для него подарок. К тому времени Гена стал уже папой — родилась дочка.

В активе тети Кати не один Кошкин. Слесарь-сборщик Витя Шмарин — тоже, кстати, молодой семьянин — главный турист. В это лето с большой группой ребят он совершил поход по живописным местам области. Ребята не только купались, собирали ягоды, ловили рыбу и варили уху. В колхозах, школах и поселках они знакомились со старыми большевиками и участниками становления Советской власти. В деревне Поповка, Борского района, встретились с организатором и первым председателем местного колхоза, в прошлом рабочим «Красного Сормова», Михаилом Васильевичем Синтяловым. Возвратившись домой, юные туристы послали Синтялову в подарок самодельную елку.

Старый колхозник прислал в ответ ребятам теплое письмо. Это письмо, так же как и фотографии, сделанные в дороге членами кружка фотолюбителей клуба, вместе с планами походов и подробным их описанием вошли в специальный альбом. Далеко пролегли маршруты туристов. Вот пароход, на котором они плыли в Волгоград и Астрахань. А вот виды Москвы и Ленинграда. Были и здесь юные горьковчане.

В клубе есть дневник, который ведут члены совета клуба, капитаны команд, старосты кружков — словом, все местное ребячье самоуправление. Он так и называется «Дневник клуба Васи Иванова». В хронике — праздник русской зимы, кроссы и эстафеты, вечер, на котором провожали в армию Женю Потанова, того самого Женю, который, кажется, совсем недавно доставлял всем столько хлопот. Впечатления об экскурсиях по пушкинским и гайдаровским местам. Рассказы о том, как ездили в лес за подснежниками, как делали из них букеты и вручали их в День Победы родным и близким Героя Советского Союза, летчика Василия Иванова, чье имя носит клуб. Как в тот же день возложили венки на его могилу.

Дневник был начат в 1964 году. Теперь самое время рассказать и о ней, о Екатерине Сергеевне Егоровой. Первый раз привела ее в домовый клуб дочь, пятиклассница Галя. Сказала, что попросили родителей помочь выпустить стенную газету.

Стихия, конечно, отступит перед такими пожарными из Сормова.

Началось с малого, а потом и не заметила, как стала забегать в клуб чуть ли не каждый вечер. То это надо, то то. Так незаметно и втянулась. Клубом заведует четыре года. А в клубе в его разных кружках работает не одна сотня ребят. Разных — больших и малых, неукротимых и тихонь. И всем надо найти занятие по душе.

Вот и сейчас заседает вместе с Егоровой под председательством Марины Закамской, ученицы девятого класса 115-й школы, совет и решает, как лучше использовать свою премию.

Кто хочет поехать летом на Кавказ, кто предлагает приобрести настоящую хоккейную амуницию, кто подает голос за инструменты для эстрадного оркестра.

Заседает где-то в Сормове, на тихой, розовой улице ребячий совет...

Г. КУЛИКОВСКАЯ

Фото В. Бородина.

Афанасьевич Севастьянов создал общественную библиотеку, Зинаида Георгиевна Утыцина согласилась воспитывать будущих балерин. Иван Иванович Попов принял на себя роль хормейстера.

«Вот так и живем». За этой будничной фразой Владимира Павловича Минкевича встречи с интересными людьми, и выпуск стенной газеты «Голос юности», и «зеленые патрули»...

Но дело, разумеется, не только в обилии так называемых мероприятий. Владимир Павлович прав, рассуждая так:

— Успех, по-нашему, приходит тогда, когда удается повлиять на формирование характеров трудных ребят, воспитать привычку жить интересами всех. Вот пример, кажется, обыденный: пришла как-то Таня Мордуева, принесла несколько старых для нее учебников. «Пускай,— говорит,— лежат в общей комнате, может, у кого-нибудь из ребят как раз таких нет...» Потом Лена Богданова тоже принесла книги, Инна Шприц... И что вы думаете — пригодились же книги!

Верно. Очень верно! И в конце концов это и есть самое главное. Помогли Саше Пузыреву — одержали победу не менее, если не более важную, чем на каких-нибудь состязаниях спортсменов или олимпиаде. Сейчас вот с одним парнишкой возятся. Пока не очень успешно. У паренька дома обстановка скверная, школа его в свое время упустила, улица вредную бациллу занесла. Словом, трудный — точно по формулировке — подросток. Но Владимир Павлович и все его помощники воюют за Ваню.

— Теперь мы верим в свои силы,— Владимир Павлович для убедительности еще раз перечисляет завоевания молодежного клуба,— хотя хвалиться чересчур и не хочется: рано. Многое еще не получается. Во многом помощь нужна. Примеры? Отчисления от квартплаты на массовую работу нам не дают использовать лучшим образом — то один параграф к виску приставят, то другой; инвентарь приобрести трудно. В прошлом году все, что можно обошли, объехали, а хоккейных доспехов ребятам так и не нашли; технику бы списанную нам кто-нибудь «подкинул» — автомобильный мотор, радиоприемник, киноаппарат...

Я слушаю Владимира Павловича и думаю: бесспорно, он прав... Хвалить мы научились, а вот помогать — не всегда. И еще думаю: как хорошо, что рядом с подростками есть такие люди, как Минкевич, Артамонова, Севастьянов, Уласевич! В пятом домоуправлении они как раз пришлись ко двору.

А. ЩЕРБАКОВ

Минск.

Евгений КАЦМАН,
член-корреспондент Академии художеств СССР
заслуженный деятель искусств РСФСР

ТРИ ВСТРЕЧИ С ЛАКТИОНОВЫМ

А. Лактионов. АВТОПОРТРЕТ. 1931 г.

Ноябрь — декабрь 1967 года. Центральный выставочный зал Манежа. Юбилейная Всесоюзная выставка...

Идут и идут люди. Вереницей, тихо переговариваясь, улыбаясь или хмурясь, проходят они по залам. Но в двух из них это равномерное течение, словно остановленное порогом, начинает бурлить. Здесь всегда теснится людская толпа. Тихие разговоры сменяются горячими, непримиримыми спорами. И всему причиной две картины: «Портрет космонавта Комарова» и пейзаж «Тишина» — живописца Александра Лактионова.

Почему же именно около этих двух работ каждый день с утра до вечера толпится зритель? Почему целый день идут споры?

Вот я и хочу попытаться ответить на эти вопросы...

Кто же такой художник Александр Лактионов?

Встреча первая, ГОД 1931...

На Верхней Масловке в доме художника у меня на квартире собрались как-то несколько художников. И вдруг пришел ко мне товарищ и сообщил, что в коридорах мастерских уже около недели живут двое парнишек, страшно грязных и оборванных. А когда он ушел, мы забыли про этих беспризорников. Но через полчаса он вернулся и протянул два альбома: «Они, оказывается, художники...» Мы начали рассматривать альбомы и были поражены большим мастерством карандашных рисунков и живописных этюдов.

Были здесь натюрморты, портреты, пейзажи... Мне до сих пор помнится, как особенно хорошо были выполнены складки материи и тонкие ветки деревьев. В своем мнении о рисунках все мы, четверо художников-профессионалов, оказались тогда единодушны. Мы были поражены. Рисунки эти напомнили нам рисунки Репина, Шишкина... Большое мастерство, которого обычно человек достигает с годами, к ним пришло рано: ведь тем юношам, что явились к нам на Масловку, было лет по двадцать...

И вот перед нами авторы рисунков. Два парня: один большой, высокий, ладный — Лактионов, другой поменьше — Тимков, тоже теперь известный художник. Оба они были невероятно грязны, одеты в тряпье. Но меня и моих товарищей поразил контраст: рваные, грязные ребята и великолепные рисунки, мастерская живопись. Мы расспросили гостей, кто они такие. Ребята сказали, что приехали из Ростова, что хотят стать художниками. Вели они себя очень застенчиво. Они были растерянны, потому что не знали, куда идти: у них не было ни денег, ни жилья. Ребятам казалось, что их дело безнадежно...

Так что на первых порах вопрос стоял буквально о двух кроватях, о подушках и еде.

В нашем доме художника была столовая. Самым нуждающимся там выдавались бесплатные обеды. И обоих юношей мы причислили к этой столовой. А жили они месяца два в столярке на чердаке.

Я рассказал моим друзьям об этих двух замечательных парнишках, и в короткое время мы собрали для них одежду. Ребята оделись, обулись, наелись и сразу принялись за работу. По манере трудиться для меня стало ясно, что в дальнейшем это будут крупные советские художники.

Наступила осень. Приехал как-то ко мне в гости Бродский. Я его специально пригласил поговорить об этих юношах. Бродский стоял тогда во главе Российской академии художеств. Он был не только выдающимся художником, талантливым педагогом, но и очень добрым, отзывчивым человеком. Помню, мы просмотрели тогда с ним все привезенные Лактионовым и Тимковым работы. И вопрос о ребятах был решен буквально в одну минуту. Всегда молчаливый, не любивший длинно говорить, Бродский, поглядев на рисунки, сказал: «Я беру их к себе в академию».

Дальнейшая судьба одаренных юношей была определена. Они поступили в академию, которая тогда находилась в Ленинграде. Учились отлично. Бродскому они нравились очень. Особенно Лактионов. Через шесть лет оба получили дипломы.

При наших встречах Бродский всякий раз очень хорошо отзывался о Лактионове. Он говорил, что Саша замечательно учится и будет большим художником, что это его надежда.

Незадолго до смерти Бродского Лактионов сделал изумительный портрет, запечатлев любимого учителя сидящим в кресле.

Встреча вторая, ГОД 1947...

Когда в 1944 году Лактионов приехал в Москву, то квартиры для него не оказалось, и он поселился в Загорске.

Приходит ко мне как-то художник Перельман и говорит: «Евгений, Лактионов заканчивает картину. Замечательную! Я хочу, чтобы ты на нее взглянул. Ты помнишь его?» «Ну, конечно, помню!»

...Стояла зима. День был пасмурный. По заснеженной дороге шли мы к старому монастырю. Там, в одной из келий, среди древней русской красоты и жил Лактионов. Это была его «квартира». Находилась келья на втором этаже, куда со двора вела деревянная лестница.

Лактионов уже заканчивал свою картину «Письмо с фронта», на которой и была изображена верхняя площадка этой самой лестницы с деревянными перилами. Позировали художнику его жена и дети, а лестницу он построил сам.

В тот пасмурный зимний день я словно бы унес с собой из той кельи, где создавал свое замечательное произведение Александр Лактионов, частицу тепла. Солнечного, человеческого, творческого...

Когда я сегодня прихожу в Третьяковку и встречаюсь с картиной Лактионова «Письмо с фронта», мне всегда вспоминается далекое время и то, как яркий луч лактионовского искусства согрел тогда сердца людей...

Тогда сразу я понял, что передо мной шедевр.

Было удивительно, как мог художник так великолепно написать большое полотно на столь близком расстоянии без отхода! Поражало совершенно живое солнце, живые дети, великолепно выполненные ступни ног, руки, складки материи. Солдат там стоит, курит. Вьется махорочный дымок. И не только видишь, как тает он, растворяясь в золотом от солнца воздухе, но словно чувствуешь его запах...

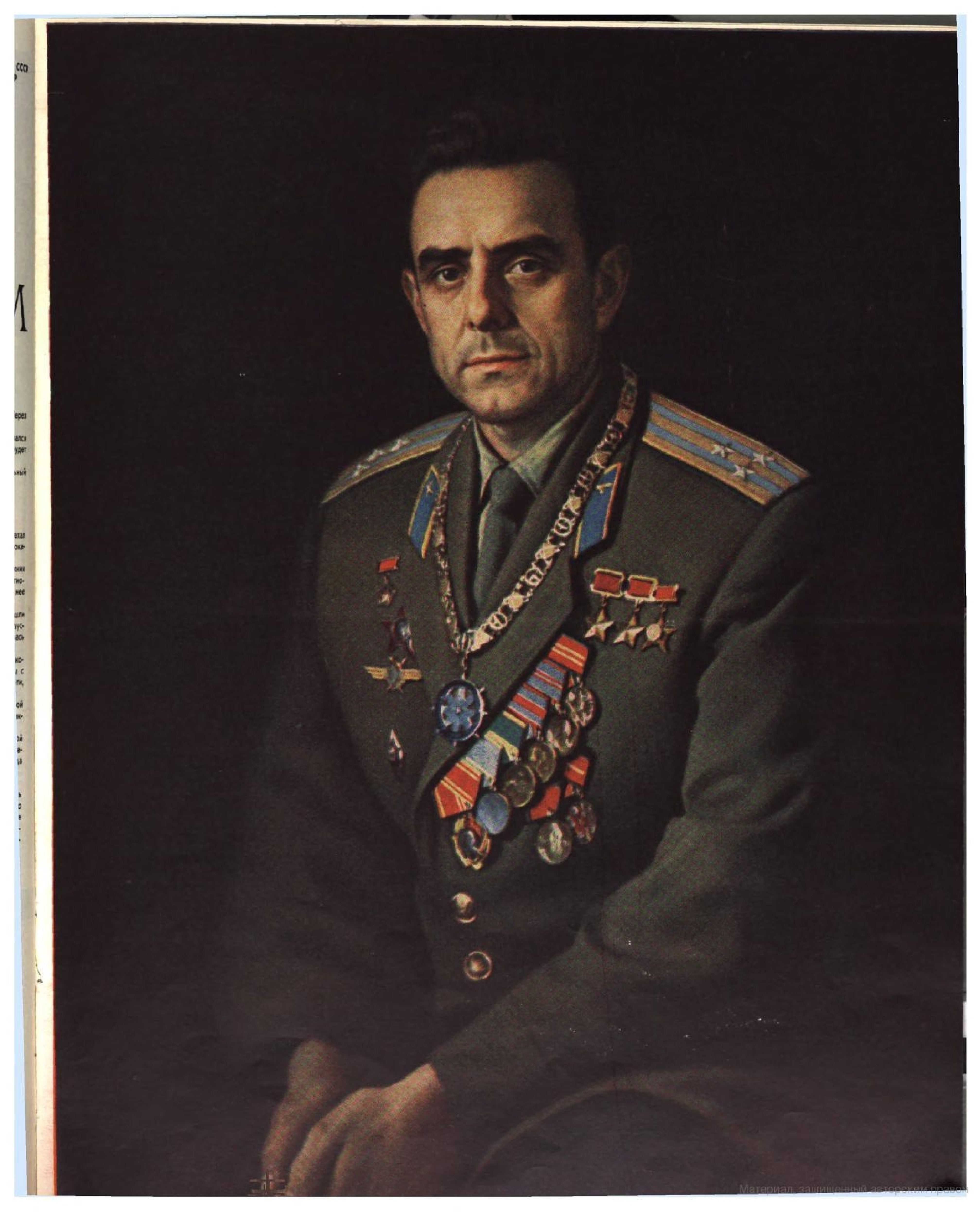
Лактионов ставил людей и писал с них, писал прямо с натуры. Так работали великие — Репин, Верещагин...

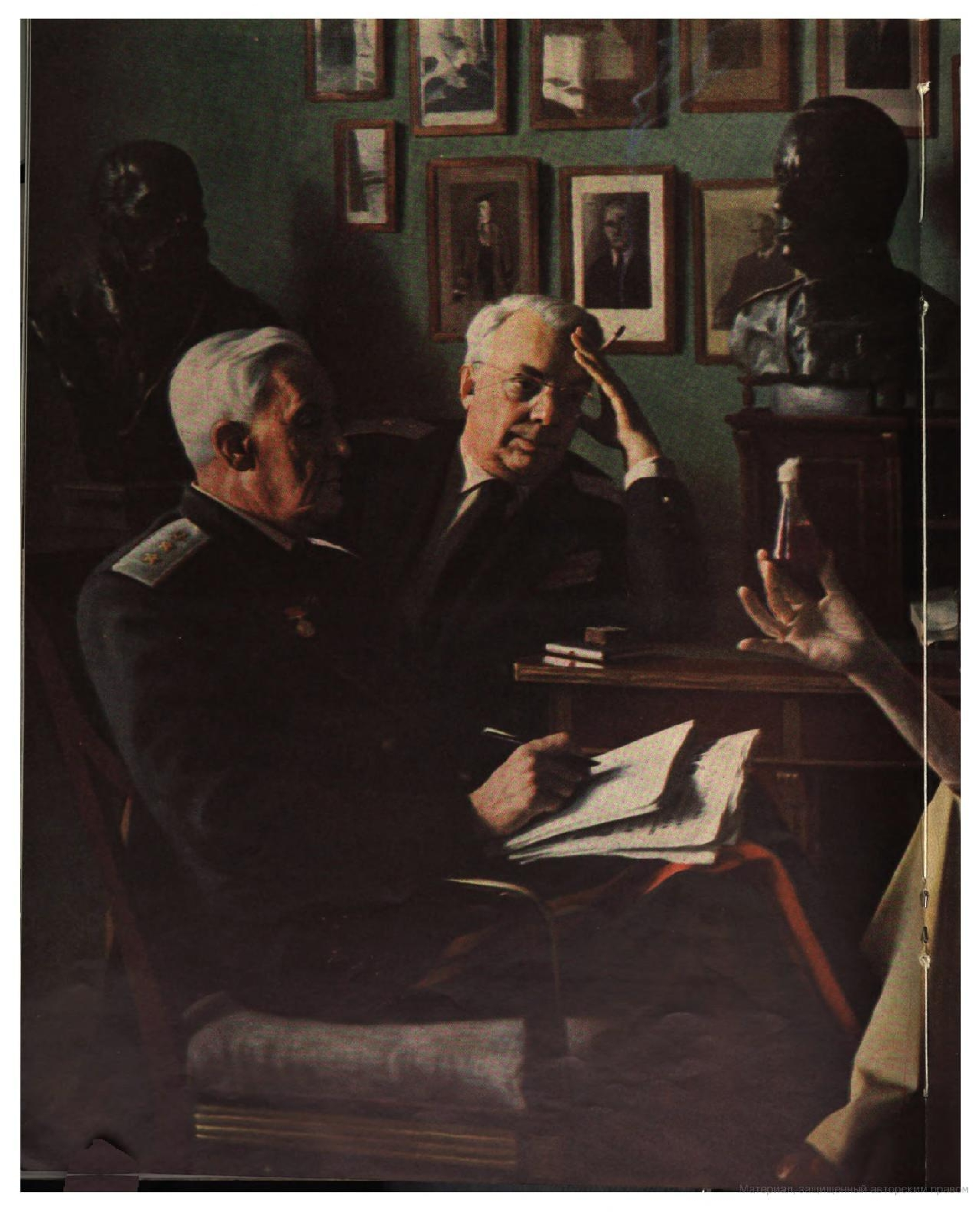
И от той второй встречи снова осталось у меня в памяти, как скромно были одеты все члены семьи и сам художник. Нас тогда ничем не угощали. И даже мысли об этом не возникало. Такая была в доме бедность. Но Лактионов, однако, никогда не жаловался на нужду.

Мне рассказывали, что, когда картина «Письмо с фронта» была отобрана на выставку, туда пришел А. А. Жданов. Картина висела в тени, но и там ее нельзя было не заметить, так как она словно бы излучала яркий солнечный свет.

● **А. Лактионов.** ПОРТРЕТ ДВАЖДЫ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЛЕТЧИКА-КОСМОНАВТА В. КОМАРОВА.

На развороте вкладки:
ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ ПРОФЕССОРОВ Д. АРАПОВА, А. БОЧАРОВА, С. ЮДИНА и Б. РОЗАНОВА.

А. Лактионов. АРХИТЕКТОР А. ДУШКИН.

ПОРТРЕТ ЖЕНЫ ХУДОЖНИКА.

Когда картину повесили на свет, то раскрылось все совершенство мастерства, с которым она была исполнена.

«Письмо с фронта» с той минуты заняло достойное место не только на этой первой для нее выставке, но и в сердце народа: книга отзывов Третьяковской галереи, пожалуй, впервые после истории с репинским «Иваном Грозным» оказалась заполненной отзывами, посвященными одной картине.

За эту свою картину Лактионов тогда получил Государственную премию первой степени. О нем, наконец, заговорили.

Встреча третья, год 1967...

Гуляю я как-то недавно по улице Горького, и вдруг меня кто-то сзади обнимает и говорит: «Я вас узнал, Евгений Александрович, со спины. Здравствуйте». Оглядываюсь: стоит Лактионов. «Вы представляете,— продолжает он с улыбкой,— где мы встретились: вот, рядом, моя квартира. Зайдемте». У меня были какие-то дела, но я согласился. Мы поднялись.

Я стал рассматривать работы, которыми были увешаны все стены комнаты. Прямо передо мной висел портрет архитектора Душкина. Работа высококлассная, великолепная. Несмотря на то, что мне скоро будет 78 лет, я с удовольствием учусь. И работы Лактионова всегда мне что-то дарят новое для творчества. А какую же громадную ценность лактионовские рисунки представляют для любого молодого художника!..

И вдруг я увидел портрет Валентины Терешковой — рисунок, исполненный сангиной. Я был поражен сходством и виртуозной легкостью передачи сходства. И принялся расспрашивать художника, как и когда он сделал портрет. Вот что я узнал.

Однажды в звездном городке Лактионов начал писать портрет Терешковой. Сеанс продолжался всего два часа... Я переспросил с изумлением: «Так вы этот портрет писали всего два часа?!» «Да».

И я подумал: какой же он молодец — в какие-нибудь два часа решил все проблемы портрета! Сходство было просто поразительным. Нет, не только внешнее сходство, но и характер непременно передает художник, умеющий так, как Лактионов, всматриваться в живую натуру.

Давно это началось — условное разделение художников на формалистов и натуралистов. Лактионова причислили к натуралистам... Но ведь было время, когда в натуралистах числился Верещагин.

Так что же такое все-таки натурализм и реализм? Я попытаюсь здесь сформулировать свой ответ на этот вопрос. И творчество Лактионова в этом смысле для меня дает самый благодатный материал.

Давайте поговорим...

Для меня аксиома, что мастерство Лактионова перекликается с высотами верещагинского мастерства. Вспомните картину «Ворота Тамерлана». Перед этой картиной, как и перед лактионовскими работами, всегда народ. Вспомните, как детально выписаны у Верещагина створки ворот. Но разве мы видим здесь только чудесное умение художника копировать натуру, передавать материал? Нет. Благодаря изумительному мастерству Верещагина люди чувствуют душу Востока, постигают жизнь других народов и их историю. В этих дверях перед нами одновременно: символ тирании и жестокости и сходная с чудом архитектура Востока, возникшая в воображении ее зодчих и воплощенная руками народных мастеров. А если бы эта картина была сделана небрежно или неграмотно, действовала бы она так на людей? Говорила бы столько? Конечно, нет.

Имея в виду такие творения, как картины Верещагина, Айвазовского, Репина, Шишкина, Бродского, нельзя не воскликнуть: нет, это не натурализм! Натурализм — это безыдейность, нищета содержания, натурализм не зависит от манеры художника. Если нет содержания — вот это и есть натурализм.

В Монреале была выставлена среди других вещей знаменитая картина Бродского «Ленин в Смольном». И именно она прославилась там больше всех произведений советского искусства. В ней человечность искусства, которой теперь так недостает западным художникам. Люди устали от хаотической жестокости, бездушия и бессмыслицы их «творений». Люди ждут от искусства простого, теплого, доброго и умного слова.

Вот мне кажется, что мы и близки к объяснению причин, отчего толпится народ возле работ Лактионова, одобряя их. Дело в том, что Лактионов — художник, идущий большой дорогой русского советского искусства, отмеченного великим мастерством его творцов и глубоким содержанием.

Знакомясь с биографией любого выдающегося, талантливого или гениального человека, мы всегда отмечаем одну и ту же черту — великий труд, необычайную трудоспособность. Люди так любят свое дело, что считают нелепым и лишним отдыхать и все время своей жизни отдают любимому труду. И именно любовь-то к труду позволяет одолеть все препятствия.

Эдисон, чтобы изобрести электрическую лампу, проделал более десяти тысяч опытов! Когда у Верещагина спросили, сколько дней он работает в году, тот ответил — 364 дня. Репин начал работать с пяти лет и всю жизнь до 86 лет работал с рассвета до темноты.

Мне посчастливилось в 1926 году быть у Репина в Куоккале вместе с Бродским, Радимовым и Григорьевым. Правая рука художника из-за сверхчеловеческой работы была уже тогда парализована. Когда мы уезжали и прощались, я поцеловал эту создавшую столько великих произведений руку...

Все это я рассказываю для того, чтобы мой читатель понял, что успех Лактионова в великом труде. Гениальных среди бездельников нет и не будет. Гений — это труд.

Вот что говорит о себе Александр Лактионов: «Пока светит солнце, озаряя мастерскую, пока есть силы держать в руках палитру и кисти, я не могу оторваться от любимого дела. Писать, рисовать с натуры, компоновать — нет для меня высшего наслаждения. Работать до седьмого пота, изо всех сил служить делу народному — вот смысл всей моей жизни.

Работать, не мудря, не мудрствуя лукаво, бесконечно учась у природы, черпая из этого чистого родника вечную свежесть познания бытия,— вот истинное счастье...»

Маленькая подробность. Около картины Лактионова «Портрет космонавта Комарова» значится: «народный художник СССР». Лактионов не имеет этого звания. И когда мы его спросили: в чем дело? То Лактионов улыбнулся и говорит: «Я сам когда увидел, для меня это было неожиданным. Но я решил не вмешиваться. Видимо, народ считает меня художником народным».

Да, по-моему, самый народный из народных сегодня — Лактионов. Не случайно именно ему сейчас поручена самая, может быть, благодарная и благородная для портретиста работа. По заказу государства он пишет с натуры портреты всех космонавтов. «Портрет космонавта Комарова» — из этой серии портретов, которые в ближайший год должны быть закончены.

Лактионов очень скромный человек. Даже тихий. Я никогда за все годы знакомства с ним не слышал, чтобы он повысил голос. Он нигде не произносит речей, никогда ничего не добивается лично для себя. Своеобразно реагирует он и на споры вокруг его работ — он улыбается доброй улыбкой. И никогда не впадает в уныние, когда его ругают, ему несвойственна и злобность. Если изобразить творческий путь Лактионова, то получится прямая линия. И он идет этой своей прямой дорогой, никуда не сворачивая, всю жизнь.

Мне думается, что больше всего он огорчается тем, что, к сожалению, против его работ протестуют главным образом художники, которые мало сделали, а может быть, ничего и не сделают. Их удручает мастерство Лактионова, и они инстинктивно защищают свою бездеятельность, полагая, что можно стать большим художником без труда, без мастерства, на одной хлесткости. Удача придет сама собой и сделает их гениями.

Но история искусства пока не знает примеров рождения истинного дарования без огромного, порою нечеловеческого труда...

* * *

«Профессор Юдин с учениками». Групповой портрет. Как известно, это одна из самых сложных форм изобразительного искусства. Ведь что может быть труднее: срежиссировать, заставить общаться в картине людей разных характеров, темпераментов. И не случайно в истории русского и мирового искусства, пожалуй, менее всего удач именно в этом жанре. Лактионов уже пробовал свои силы в групповом портрете. Но мне думается, что эта его последняя работа значительно выше и по характеру и по колориту. Читателю, вероятно, любопытно узнать, что прежде чем начать писать, мастер сам построил весь интерьер кабинета профессора Юдина: он выкрасил стену **той** самой краской, он повесил **те** самые фотографии и поставил **подлинный** стол ученого и скульптуры его любимых учителей.

Мне могут возразить: но ведь эта скрупулезность, эта тщательность художника, может, и есть тот самый зловещий натурализм. Нет. Я вспоминаю, как Федотов тщательно создавал макеты интерьеров своих замечательных жанровых картин, и я вижу здесь художническую честность, стремление к предельной правде жизни. Короче говоря, святую любовь к изучению природы, любовь к труду. И напрасно меня пытаются убедить, что можно однозначными схемами опрокинуть этот многолетний, наполненный истинным горением творческий процесс.

Человек и интерьер. Посмотрите на портрет архитектора Душкина. Ведь он исполнен всего в две краски, то есть это почти гризайль (одноцветная живопись). А какое богатство извлекает Лактионов из черного цвета угля и красно-коричневого цвета сангины! Ведь лишь от умения сопоставить холодный цвет угля и теплый цвет сангины рождаются сочетания самых разнообразных тонов, порой голубоватых, порой палевых и розовых. Посмотрите, насколько скуп фон портрета: маска Бетховена да охотничьи доспехи на стене, а к столу приделаны простые слесарные тиски.

Едва ли художник, просто копирующий натуру, смог бы разыграть в этих двух рассмотренных нами картинах такое богатство фактуры, такое композиционное разнообразие.

Это свойство Лактионова **видеть** человека еще яснее предстает в портрете Комарова. Все детали интерьера ушли в глубину. Перед нами мужественный человек с волевым, суровым лицом, с превосходно вылепленной формой. Мне думается, что лицо Комарова — одна из наиболее блестящих страниц русского портретного искусства. И тут встает как бы вторая половина портрета. Это костюм героя. Его награды. Знаки различия. Ведь думается, что при столь блестяще написанной голове художник мог лишь несколькими эскизными мазками наметить эти якобы мешающие детали. Но сколь бы мы ни пытались не заметить глаз героя, его твердых сомкнутых губ, его открытого, словно скульптурного, лба, с любого расстояния этот образ поражает и запоминается навсегда.

Пройдет сотня лет. Выцветут все цветные фотографии, пожелтеют газетные полосы. Но на века останется этот замечательный образ нашего современника во всей его реальности и конкретности.

Это натурализм? Боюсь, что читатель не согласится с такой трактовкой искусства-но реалистического, наполненного отношения к искусству.

Здесь-то и заключена, очевидно, сегодня основная привлекательность работ Лактионова для самой широкой аудитории, для зрителя самых разных возрастов, профессий и увлечений.

Шахтерский сын

В эти дни, озаренные праздником полувека Советской Украины, моя республика отмечает юбилей одного из своих самых звонких певцов — Владимира Сосюры. И это символично. Рожденный революцией, поэт прошел плечом к плечу с народом, верным сыном которого был и навсегда остался, весь победный путь — от штурма Зимнего до штурма космоса...

Родина его — Донбасс. Там, в Третьей Роте, ныне городе Верхнем, он, шахтарчук, как называли тогда детей горняков, познал всю тяжесть подневольного труда. Там, еще мальчишкой, он был чернорабочим содового завода, а потом и углекопом, добывавшим в подземных глубинах «солнечный камень». Там, в убогой лачуге, где ютилась большая семья Сосюр, он сложил свои первые строки: шла мировая война, и стихи были против нее.

«Бабахнула шестидюймовка Авророва» — и эхо сигнала к борьбе за власть Советов прокатилось над шахтерским краем и позвало его людей на бой. В горниле гражданской войны мужал молодой Сосюра как революционный солдат и поэт. Сначала участие в вооруженном восстании рабочих дружин против кайзеровских пришельцев и их сателлитов — гетманцев. Потом:

Зима. На фронт, на фронт!.. А на перроне люди...
Мы возле поезда запели «Чумака»...
И дышат радостно и вольно наши груди.
Борьба сплотила нас на долгие века.

Прошедший суровую школу Красной Армии, поэт-коммунист создал свою знаменитую лиро-героическую «Красную зиму», которая волнует читателей почти полстолетия и которой суждено жить вечно. В новой, советской украинской литературе (да, пожалуй, и не только украинской) этой замечательной поэме принадлежит одно из почетнейших мест.

Юношей попав на фронт, когда «мы шли Петлюру бить», Сосюра всегда имел при себе винтовку и тетрадь. Пулей и стихом он воевал за счастье народа.

И, конечно, не случайно двадцать лет спустя, когда над нашей Родиной опять нависла смертельная опасность, рядом с нами, бойцами нового поколения, шагал по фронтовым дорогам уже немолодой поэт. Перенося все тяготы ратного бытия, он никогда не отставал от строя. А боевые стихи, созданные им в часы коротких передышек, то со страниц газет и сборников, то по эфиру звали на битву и были полны глубокой веры в будущее:

Мы победим,— зима звенит,
Снега твердят об этом.
Об этом ветер говорит,
Летя над белым светом.
Об этом звезды говорят,
Горя в ночном просторе,
И брызжет их лучей каскад
Всем палачам на горе.
Поет об этом солнце нам,
Сверкая с небосвода.
Мы знаем, что победа там,
Где правда и свобода.

Вернувшись в освобожденный Киев, поэт с сыновней нежностью воспевает родную землю, очищенную от фашистской скверны. Он пишет стихи и поэмы, в которых отразилась душа народа, познавшего большое горе, широко открытыми глазами глядящего в мирные дали. Он посвящает своим землякам — героям Краснодона — полную любви поэму «Олег Кошевой». Он поет о шахтерах и строителях, сталеварах и хлеборобах. Как и на обожженных огнем сражений полях, он вместе со всеми людьми доброй воли ведет битву за мир. Его книга стихов «Чтоб сады шумели», отмеченная Государственной премией, и «Счастье семьи трудовой», за которую поэту присуждена была премия имени Тараса Шевченко, полностью служат этой высокой цели.

...Владимир Сосюра. Его песня оборвалась несколько лет назад. Но и теперь, когда мы отмечаем семидесятую годовщину со дня его рождения, он по-прежнему в строю многоязыкой советской поэзии. Живут его чудесные стихи. Значит, и он сам бессмертен.

Микола УПЕНИК

Киев.

Пешк

4. НАЧАЛИСЬ КАНИКУЛЫ

История с тюльпанами быстро не забылась. В классе хотели провести сбор на тему «Пионер — друг растений», но вожатая сказала, что не стоит отравлять конец учебного года, я и так достаточно поплатился. «Поплатились», конечно, мои родители, но я не стал этого уточнять. Дома мне по уши хватало разговоров о том злополучном вечере. «Что это ты сегодня желтый, как... тюльпан?» — спрашивал папа. В субботу, перед приходом бабушки Тамары, мама сказала: «Ну вот, блеск и чистота, еще бы букетик тюльпанов на стол... Да, Толя?..» Папе очень хотелось найти причину, которая толкнула меня на преступление.

— Дело прошлое, Петушок, но что тебя все-таки толкнуло на эту клумбу?

Я не мог сказать ему ничего вразумительного.

— Ничего не толкнуло. Просто взял и нарвал.

— Так не бывает. Иду я, допустим, по улице и вдруг взял да и разбил витрину магазина. Это поступок психа, у нормального человека на это есть причина.

Бабушка Тамара выручила меня.

— Та же причина,— сказала она,— которая перенесла тебя через забор за авдеевыми грушами.

Папа задумался, улыбнулся и перестал меня допрашивать. А я потребовал:

— Расскажите про авдеевы груши!

Перед войной, когда папе было столько лет, сколько мне сейчас, вся их семья снимала дачу в деревне. Дом был очень хороший, на обрыве возле реки, с садом и огородом. Хозяева уехали проведать внуков, и все, что росло в саду и огороде, разрешили рвать и есть бабушкиной семье. Там росли какие-то необыкновенные груши и сливы. Папа мог есть их без счета. Но он почему-то ночью забрался в соседний сад деда Авдея, залез на дерево и стал рвать твердые, как камни, недозревшие груши. Дед Авдей поймал его и привел к бабушке. Еще он принес длинную хворостину и посоветовал бабушке выстегать папу.

— Стегала? — спросил я бабушку.

— Надо бы,— ответил за нее папа,— и тебе следовало бы всыпать за тюльпаны.

— Теперь нет такого закона,— сказал я,— теперь другое время.

— Ему кажется, что мы жили при царе Горохе.— Мама вздохнула.— Петя, в каком году началась война?

Я сразу ответил:

— В тысяча девятьсот сорок первом.

— А день?

День я забыл.

— Вот видите, он все это учит, для него что битва под Сталинградом, что на Куликовом поле — цифры из хронологии.

— Война закончилась девятого мая в День Победы,— сказал я.

— Пять,— рассмеялся папа,— очень хорошо, что она закончилась как раз в День Победы! Представляешь, что было бы, если бы война затянулась еще дня на три?

Я понял, что надо мной издеваются.

— Был бы еще один праздник,— сказал я таким голосом, чтобы он знал, что я его раскусил,— День Победы и День окончания войны.

Подошел последний день в школе. На ли-

Продолжение. См. «Огонек» № 1.

ом в мамино детство

нейке директор школы поздравила всех с окончанием учебного года и стала вручать похвальные грамоты и подарки лучшим ученикам. Борьке дали грамоту и толстую книжку «Советы юным кролиководам». Мне вынесли устную благодарность. Потом нас послали домой переодеваться. Будет общегородской воскресник. После тюльпанов я в первый раз зашел к Борьке. Отец его тоже поздравил нас с окончанием учебного года, полистал Борькины «Советы кролиководам» и спросил, что подарили мне. Я не растерялся:

— «Советы юным пчеловодам».

Борька хихикнул, но отец его ничего не понял.

— Молодцы! — сказал он.— А теперь кончил дело — гуляй смело.

— Гулять некогда,— сказал я,— у нас воскресник. Будем собирать макулатуру.

— Воскресник во вторник! Трудовое воспитание.— Борькин отец поморщился.— Кого же из вас растят? Мусорщиков?

— Макулатура — сырье для тетрадей и книг,— объяснил я ему,— общественно полезное дело.

Борькин отец согласно закивал головой. Он не стал спорить. Был уверен, что выращивает Борьку сам и мусорщика из него не получится.

Утром, хотя был еще конец мая, начались летние каникулы. Целый день я слонялся по двору, не зная, чем заняться. Каникулы, каникулы... Ждешь их целый год, а приходят, и никакой радости! К вечеру, перелистав все старые журналы, я позвонил Аленке.

— Эй, людоедка,— сказал я ей,— приходи в гости!

Аленка радостно взвизгнула и спросила:

— Ты уже сделал уроки?

Эти слова согрели мое сердце.

— Никаких уроков, Аленка! Все! Капут. Понимаешь, кончились уроки. У меня каникулы!

Аленка пришла и с любопытством осмотрелась по сторонам.

— Где твои каникулы?

Я рассмеялся.

— Дурочка ты, Аленка. Каникулы — это свобода, вольная жизнь, сплошные воскресенья.

Аленке это понравилось. У нее тоже были хорошие новости. Родители уезжали с театром на гастроли, а ее удалось пристроить в детский сад. С ним она поедет на дачу.

— Много, много детей,— рассказывала она,— дача в лесу стоит, и все дети рвут грибы и ягоды.

— И еще там волки, медведи,— решил я напугать ее,— придут и съедят тебя.

Людоедка Аленка ничего не боялась. Но мама почему-то решила вступиться за нее.

— Не говори ребенку глупостей,— сказала она и позвала нас на кухню пить чай.

Когда мы пили чай, мама спросила:

— А ты сам как думаешь проводить каникулы?

Я пожал плечами. Как будто кто считается с моим мнением!

— Будет у всех отпуск, и поедем куда-нибудь. Как в прошлом году.

В прошлом году мы все ездили к морю. Снимали комнату у одного старичка рыбака. У него были лодка и ослица Ланка. Сначала нам все понравилось. Море было в двух шагах, вечером разводили костер и варили уху. Мама и бабушка Тамара говорили, что лучшего отдыха быть не может. Но через несколько дней папа стал портить всем настроение.

— Как вы не видите,— говорил он о нашем хозяине-рыбаке,— это же отъявленный спекулянт! Ночью он здесь проворачивает такие делишки!..

Мама и бабушка не верили и доказывали, что у папы просто действует профессиональная привычка. Он никак не может выключиться из своей следовательской работы. Разве может такой дряхлый старичок быть преступником? У него даже скатерти на столе нет, и нас он впустил к себе в дом, чтобы немного подзаработать. И разве можно назвать домом эту рыбачью хибарку? Но через день папа объявил нам, что у бедного старичка в городе двухэтажный дом и «Волга», а сам он матерый спекулянт рыбой. Рыбу он сам не ловит. Ему доставляют ее ночью, а он уж сплавляет дальше.

Бабушка Тамара просила папу, чтобы он не ввязывался в это дело. Папа рассердился. Он сказал, что вот из-за таких благодетелей, как его мама, и процветают темные личности. Сам он заниматься этим делом не будет. У него отпуск. Но в двадцати километрах отсюда есть районное отделение милиции. И там уже все знают.

Мы переехали в пансионат. И здесь нашему отдыху пришел конец. Сначала нас не хотели поселить в одной комнате оттого, что у папы и мамы разные фамилии. Мама толкала меня в спину прямо на худую администраторшу и говорила:

— Это его и мой сын.

— Сын меня не интересует. Меня интересует этот гражданин. Кто он?

— Этой мой муж.

Администраторша коварно улыбалась.

— Чем вы можете это доказать?

В конце концов комнату нам дали. Но доверием мы особенным не пользовались. Каждое утро к нам входила делегация работников пансионата и проверяла по списку простыни, полотенца и остальные вещи. Мы бы все это еще терпели, но вдруг в пансионате появилась толстая дама с маленьким мальчиком, который подбегал ко всем и на всех кашлял. Кашлял он ужасно, как будто кто его душил за горло. Бабушка сказала его матери:

— Что вы делаете? У него же коклюш.

Толстая дама ответила:

— Поэтому я и привезла его к морю.

Коклюшем я не болел. Поэтому мы уехали раньше срока.

Если говорить правду, то ехать опять к морю мне не хотелось. Я перешел в шестой класс и в школе уже считался старшеклассником. Когда читаешь газеты или слушаешь радио, то просто обидно становится за свою жизнь. Люди ходят в походы, живут в палатках, пекут картошку на костре. И ничего плохого с ними не случается. Я так и сказал маме:

— Я бы пошел в поход. Но кто меня возьмет с собой? И кто меня отпустит?

— Ты действительно этого хочешь?

Я понял, что попал в точку, и загорелся:

— Знаешь, как я мечтаю об этом! Чтобы не в машине, а своими собственными ногами идти куда-нибудь далеко-далеко. Ночевать на дереве, костер разводить от разных зверей, купаться в незнакомых речках.

Я разошелся и нарисовал такую картину, что Аленка не выдержала:

— Петя, возьми меня в поход!

— Вот, даже Аленка,— сказал я,— и та понимает, что такое поход.

Мама ничего не сказала. А назавтра, когда мы несли из магазина картошку, она спросила:

— Петя, ты умеешь хранить тайны?

Я вздрогнул. Всей душой я понял, что сейчас произойдет что-то необыкновенно важное.

— Я завтра подам заявление об отпуске. И мы с тобой пойдем в поход. На много дней и ночей, и все пешком и пешком. Пойдем в мое детство.

5. ПЕШКОМ В МАМИНО ДЕТСТВО

— Ты никогда не спрашивал у меня, какой я была маленькой.

Мы вышли на улицу, чтобы побродить и обсудить план нашего похода.

— Я знаю,— ответил я,— знаю, что у тебя была очень трудная жизнь. Наверное, ты рада, что все это кончилось.

— Мал ты еще, Петька, и очень благополучен, чтобы понимать жизнь! Детство всегда хорошо, какое бы оно ни было. Но вот наступает такая пора, Петенька, когда человеку хочется пройти по дорогам, по которым он бегал в детстве, встретить людей, которые помнят его маленьким.

Моя мама размечталась, и мне пришлось вернуть ее на землю:

— Надо составить маршрут, запастись едой, нужны рюкзаки. Поход — дело серьезное.

Мы зашли в магазин, купили пасту и новые зубные щетки, обсудили, у кого можно одолжить рюкзаки. Зубные щетки чуть нас не подвели. Папа стал нас подозревать.

— Почему эти обновки только двоим? — спросил он, увидев на столе щетки.

Мама притворилась рассеянной.

— Где же третья? — И с серьезным видом принялась искать.— Точно помню, что было три щетки.

Я выскочил из комнаты, чтобы не рассмеяться. Но папа насторожился. Он был следователем, а мы — не очень опытными конспираторами. Мы давали ему улики. Очень большие. У него на столе остался черновик нашей маршрутной карты.

— Что это? — спросил папа.

Я обомлел от страха, потом взял себя в руки.

— Это тайна.

Папа не стал допрашивать.

— Чужие тайны надо уважать. Надеюсь, вы не собрались бежать в Антарктиду?

Он что-то знал. Сказал «вы», а не «ты».

— Нет,— ответил я ему,— до Антарктиды слишком далеко.

Через день, в пять часов утра, мы тихонько поднялись, взяли в руки рюкзаки и положили на стол записку: «Толя! Не сердись. Мы тебя любим и обязательно вернемся. Лена. Петя».

Мы сели в первый трамвай и ехали до окраины города. Впереди был пустырь, за ним — большая стройка консервного комбината, а за ним начиналась дорога, которая поведет нас далеко-далеко — в мамину станицу.

— Товарищ начальник маршрута,— сказал я,— горизонт чист, тучи не угрожают нам грозой, пора двигаться в путь.

Мы поправили на плечах ремни рюкзаков и зашагали. Больше часа мы шагали бодро. Я пел песни и сбегал с дороги, чтобы сорвать цветок или погоняться за бабочкой. Кругом никого не было, и я мог орать, сколько влезет: «Идут знаменитые Колумбы! Всемирно известный Робинзон Петька и его Пятница Елена! Эй, звери-птицы, видите, кто идет?!»

Скоро я перестал кричать. Почувствовал, что рюкзак нудно давит спину и никаких зверей и птиц рядом нет. Есть только солнце, которое против нас: жарит, слепит и мучит жаждой. Фляжка с водой была у мамы. Воду мы подсолили, как советовал справочник туриста. Я глотнул и выплюнул. Мама тоже выплюнула. Колодец мог быть только в населенном пункте. Я шел, глотал слюну и мечтал о холодной воде. Нам повезло. Колодец стоял

прямо в начале поселка. Мы бросили деревянное ведро на веревке в темную, холодную бездну и, зачерпнув, вытянули его в четыре руки. Я припал к ведру и не мог оторваться. Мама сказала, что сейчас у меня лопнет затылок и вода забьет фонтаном обратно в колодец.

Женщина с ведрами подошла к нам и сообщила, что из этого колодца воду берут только для стирки и скотины, а питьевая вода недалеко отсюда в колонке. Мама потрогала ладонью мой живот.

— Дизентерию ты себе уже обеспечил.

Потом порылась в рюкзаке и достала мешочек с лекарствами. Я выпил две таблетки и лег на траву, в животе хрюкало, и мне захотелось заболеть. Пусть бы меня положили куда-нибудь в тенек и не беспокоили. Я готов был уснуть и проснуться дома. Мне больше никуда не хотелось идти. Эта женщина подошла к колодцу специально, чтобы убивать нас разными ужасами. Когда мама спросила: «А какой здесь колхоз?» — она гордо повела плечами и ответила, что это город. Оказалось, что это совхоз и он входит в черту нашего города. Эта новость убила нас окончательно.

— А вы куда направляетесь? — спросила женщина.

Мама посмотрела на меня и ответила:

— Направляемся к морю.

Тогда женщина принялась рассказывать, как нам пройти к автобусной остановке. Как раз через полчаса будет проходить автобус на Новороссийск. Он шел по нашему маршруту.

Я выразительно посмотрел на маму. Она ничего не сказала. И мы молча, как два дезертира, направились к автобусной остановке. Там мы сняли рюкзаки и стали оправдывать себя в собственных глазах. Во-первых, мы не собирались путешествовать по городу. И если уж получилось, что мы зря шагали десять километров по городу, то сейчас можем проехать немножко в машине.

Автобус подошел, места в нем были. Я с удовольствием сел в кресло с полотняным чехлом. Что уж говорить, я готов был ехать так до самого Новороссийска. За окном мелькали деревья и цветы, ветер дул из открытого окна, и если бы можно было закрыть глаза и поспать, то большего счастья и придумать трудно. Я с сожалением поглядел из окна на пешеходов, потом закрыл глаза, но мама не дала уснуть.

— Это с непривычки, Петя, — сказала она, — поднялся очень рано и устал в дороге. Нам скоро выходить.

Она взяла билеты по двадцать пять копеек, и мы скоро вышли у маленького домика с надписью: «Дорожный мастер». Жена дорожного мастера продала нам молока и объяснила, как идти дальше, чтобы было не по шоссе, а по более спокойной дороге.

Мы снова двинулись в путь. Дорога, по которой мы шли, лежала за лесополосой. Лесополоса отделяла ее от шоссе. Но вдруг дорога завернула вправо, и мы пошли в сторону от шоссе. Потом нам встретился кустарник вокруг маленького болотца. Здесь было прохладно, и мы с мамой решили отдохнуть. Сели, посидели, потом наломали веток, легли головами на рюкзаки и не заметили, как уснули. Первой проснулась мама.

— Петя, — затормошила она меня, — вставай, темнеет уже.

Я поглядел на небо. Солнце садилось, но было еще светло. Я пошел за мамой следом и почувствовал, что она волнуется. Я решил подбодрить ее:

— Товарищ начальник маршрута, приготовьте оружие, дикие звери притаились и ждут темноты, чтобы напасть на нас.

Небо и все вокруг стало серое. Темнота приближалась, и маме не стало веселей после моих слов.

— Встретить в пути плохого человека хуже диких зверей, — сказала она, и мне стало страшно.

А тут еще дорога раздвоилась, и мы совсем растерялись. Я погадал на пальцах. Оба указательных пальца два раза проехались мимо, и это означало, что ни по одной из дорог идти не стоит. Но мы свернули налево: эта дорога, по нашим расчетам, вела к шоссе. Темнота нагрянула сразу. Я понял, что всякие трусливые мысли надо сейчас гнать подальше.

— Вот это как раз то, о чем я мечтал, — говорил я маме, — чтобы темно и таинственно, чтобы ночь и костер. У нас есть спички, и у нас будет костер. А может быть, мы не сбились с пути и придем в станицу. И нас пустят ночевать на сеновал. Я читал, что путешественников всегда отправляют ночевать на сеновал.

— Ты вправду не боишься, Петя? — спросила мама.

— Кого бояться? — бодро ответил я. — Кто посмеет напасть на отважного Робинзона и его Пятницу?

Но в душе я боялся. И мама не очень верила моей храбрости. Она сказала:

— Надо представить, Петя, что мы несем важный пакет своему командиру. И пусть темно и опасно, а мы идем, потому что это очень надо.

Молодец моя мама! А как же в войну партизаны действовали в тылу у врага? Они боялись? Боялись. Бояться — это от человека не зависит. Главное, чтобы не стучать зубами от страха и чтобы никто не заметил, что ты боишься. А чего бояться нам? Мы идем по своей земле. Нигде не стреляют, и враги не караулят нас за кустами. Просто мы не привыкли ходить по ночным дорогам. Мы ложились спать и не думали о том, что далеко за городом бегут в разные стороны дороги, и ночь накрывает кусты и тропинки своей темнотой, и страшно бывает тому, кто идет в этой темноте, не зная дороги.

Мы шли и шли. Тропка виляла, и иногда начинало казаться, что мы кружим вокруг одного и того же места. Мама, не оборачиваясь, спрашивала:

— Ну, как ты там, живой?

Я шел за ней живой и бодрый. Днем мы все-таки хорошо выспались в кустарнике.

В черном небе показались звезды. Я загляделся на них, споткнулся и боднул головой мамин рюкзак.

— Ты что? — остановилась она.

— Звезды. Смотри, сколько звезд!

Мама остановилась, и мы стали смотреть на небо. Яркие точки были планетами, а мерцающие звездочки были солнцами, только находились очень далеко и поэтому никого не грели.

— Можешь представить себя на месте космонавта? — спросила мама. — Земля спит, а ты один в ракете вот в такой необъятной пучине неба.

Я представил.

— А ты смог бы?

Я не хотел ей врать. Когда на экране телевизора с воем крутилась центрифуга, я закрывал глаза и глотал слюну. Я не годился в космонавты. Но если мне и хотелось в жизни быть на кого-нибудь похожим, так это на Андрияна Николаева. Мне нравятся его спокойствие, выдержка и сила. И еще мне нравятся его брови. По таким бровям сразу можно определить, что за человек. Маме я ответил:

— Об этом еще рано говорить. Если все улетят в космос, кто же останется на Земле?

Звезды подмигнули мне с черного неба. Мама поднялась и, ничего не сказав, зашагала вперед. Я не стал ее особенно догонять.

— Тебе хочется, чтобы я говорил, как все, — кричал я ей вслед, — пожалуйста! Я буду космонавтом!

Я догнал маму, она смеялась.

— Петька, — сказала она, — а куда мы все-таки идем?

Тут смех напал и на меня.

— По-моему, к трамвайной остановке. Мы уже незаметно сделали крюк и теперь приближаемся к своему дому.

Темнота больше не пугала нас.

— Эй, — крикнул я, — что вы прячетесь? Выходите, не бойтесь, мы вас не съедим!

Я кричал просто так. В темноте всегда кажется, что кто-то есть рядом, но не виден. Я кричал:

— Подлые трусы! Испугались старушки и маленького ребенка!

Я хитрил. На старушку с маленьким ребенком даже разбойник не будет нападать.

— Можешь изображать из себя ребенка, но из меня старушку не делай, — попросила мама.

Я вспомнил, кто мы такие.

— Непобедимый Робинзон и его верный Пятница вызывают вас на поединок! — кричал я. — Поднимайте забрала, выходите на честный бой!

Я добился своего. Черная тень человека появилась впереди нас на тропинке. Мы остановились. И замерли. Я вцепился двумя руками в мамин рюкзак.

— Кто тут глотку дерет? — спросил старческий, скрипучий голос.

Это был дед. Он подошел к нам и зажег спичку.

— Кто такие? — Голос его звучал сердито.

Мама ему все подробно объяснила.

— Век живи, век дивись, — сказал дед и зашагал от нас в сторону.

Он не пригласил нас с собой, но мы с мамой, не сговариваясь, побежали за ним. Тропки не было, и мы прыгали по каким-то колючим, больно царапающимся листьям.

— В междурядья ноги ставьте, — послышался дедов голос, — вы мне всю бахчу потопчете.

Скоро мы увидели маленький белый домик, на стене которого светил фонарь. Дед снял фонарь и поставил его на скамейку. Потом он принес откуда-то ведро воды и сказал:

— Управляйтесь.

Мы достали полотенца и умылись, поливая друг другу прямо из ведра. Кружку мы просить постеснялись. Воды хватило и на ноги, мы вымылись и сели на скамейку рядом с фонарем. Дед принес нам хлеба и миску с клубникой. Мама полезла в рюкзак.

— Мы вам заплатим.

Дед рассердился:

— На базаре платить будете!

Он опять куда-то исчез. А мы принялись за клубнику. «Кто не ел ее ночью с хлебом, тот по-настоящему и не ел клубники». Это сказала мама. Ягоды были огромные, я откусывал каждую по два раза. Осилить всю клубнику мы не смогли, в миске осталась почти половина.

— Не знаю, как и благодарить вас, — сказала мать, — имени вашего не знаем.

Дед ответил, что зовут его Иваном Макаровичем. Он что-то все хотел сказать, все вздыхал, потом решился:

— Где вам ночевку организовать, все думаю. Дом у меня нежилой, вроде склада. Там кровать есть, да всяким барахлом завалена.

— А вы сами где спите?

Он спал на сене, под навесом. Навес был с камышовой крышей на трех столбах и стоял вдали от домика. Иван Макарович повел нас за собой, освещая путь фонарем. Потом он ушел, сказав на прощание: «Свалились вы на мою голову».

Я лег на колючее сено. Мама легла рядом.

— Старик злится, — сказал я, — что мы к нему нагрянули.

Мама укрыла меня старым дедовым пиджаком.

— Хороший он человек. Кто мы ему такие? А он последнее свое отдал.

6. НА БАХЧЕ

Я проснулся и долго не мог понять, где мы. Рядом спала мама. Я отряхнул с себя сено и вышел из-под навеса. Ночью я, конечно, не мог всего этого видеть. Вокруг меня лежало огромное зеленое поле в желтых цветах. Кое-где цветы повяли и отвалились, вместо них оставались мохнатые зеленые шарики. Я сорвал один. И вдруг как-то сам догадался. Это же арбуз! Детеныш-арбуз. Кто бы мог подумать, что полосатые пузачи в начале своей жизни бывают такими! Первым делом я кинулся к навесу, хотел разбудить маму, но на ходу передумал. Еще успею. Пусть спит.

Арбузы росли ровными рядами, я шел между ними по холодной утренней земле, и только изредка колючие резные листы царапали мне ноги. Ночью они кусались злей, ночью не сразу нащупаешь ногами междурядье.

Я посмотрел на небо и увидел солнце. Там, где облака редели, оно пробивалось через них, и казалось, что где-то вдалеке идет дождь из солнечных лучей. Это было утро. Я смотрел по сторонам, ожидая встретить Ивана Макаровича. Может, ему не понравится, что я разгуливаю по его бахче. Я уже собрался повернуть обратно к навесу, как вдруг увидел в мохнатых резных листьях белые уши. В первую секунду сердце мое остановилось, потом стало тарахтеть, как мотор забуксовавшей машины. Заяц! Белый заяц грыз шарик арбуза.

Раздумывать было некогда, я плашмя, грудью бросился на зайца и ухватил его трясущееся тело обеими руками. Я бежал, не разбирая междурядий, к белому домику и орал не своим голосом:

— Заяц, заяц, заяц! — Я увидел Ивана Макаровича, перевел дух. И высоко поднял свою добычу за уши.

— Я поймал зайца!

Мне показалось, что Иван Макарович улыбнулся.

— Попался, бродяга,— сказал Иван Макарович и сунул моего зайца в мешок.

— Он вредитель, да? — спросил я.

— Ясное дело, вредитель. Уж я им говорил, я их предупреждал, зайчатников этих, теперь я им представлю доказательство.

— Каких зайчатников?

— Ребятишек с фермы. Это ведь они их разводят, а смотреть за ними не смотрют.

— Зайцев разводят?

Иван Макарович похлопал ладонью по мешку.

— Ну, не зайцев, так кроликов. Одна их порода — грызуны.

Я чуть не заплакал. Стыд какой! Бежал как угорелый, зайца поймал голыми руками. Я расстроился, от этого задал глупый вопрос:

— Вы видели, как я бежал?

— Видел, милок, видел. Бежал, будто тебе заряд дроби в одно место влепили.

Он мог бы и не говорить такого. И без его слов мне было тошно. Иван Макарович вскинул мешок за спину и позвал меня:

— Пошли чай варить.

Мы пришли с ним к белому домику. Кролика вместе с мешком Иван Макарович сунул в старую, рассохшуюся бочку, а меня послал за водой к колодцу. Когда я вернулся с ведром воды, на черном, выжженном на земле кругу уже горел маленький костер и пламя его лизало бока прокопченного чайника.

— Вы что же, вроде как к святым на поклон идете? — спросил он.

Я ничего не сказал, и Иван Макарович, прикурив от щепки папиросу из газеты, объяснил:

— В старину вот так пешком в святые места грехи замаливать ходили.

— Какие там грехи! — сказал я.— Просто пешком интересней. Машина мчится, многого не увидишь.

Иван Макарович закашлялся, обдал меня едким дымом своей газетной папиросы и покачал головой.

— А я в твои годы про машину и знать не знал. Жили мы тогда в Сибири. Отец надумал переезжать сюда, на кубанские земли. «Поедем,— говорит,— в даль дальнюю». «А на чем поедем?» — спрашиваю я. А он мне: «На машине». Ох, и настрадался я тогда с этой машиной! Подберусь огородами к поповскому дому, приложусь глазом к окошку и страдаю. Как же, думаю, все наше семейство на такой машине уместится? У попадьи машина швейная в горнице стояла. Вот, кроме этой машины, я себе другой и представить не мог. А ты говоришь: мчится шибко, ничего не разглядишь...

Чайник закипел. Иван Макарович снял его, и я заметил, что позади нас стоит мама.

— А вы давно здесь живете? — спросила она.

— На бахче или как?

— В этих краях.

— Ну вот, как приехали в девятьсот шестом, так с тех пор и живу.

— Сергея Тимофеенко знали?

Иван Макарович снял с костра чайник, налил в кружки и только после этого ответил:

— Сергея я знал. Его все знали. А ты случаем не родня ему?

— Дочка.

Сергей Тимофеенко — мамин отец. Он был первым председателем колхоза, и его убили кулаки, когда маме было пять лет. Бабушка Настя, мамина мама, договорилась с одним человеком, чтобы он ночью отвез ее на подводе в город. В городе бабушка Настя устроилась уборщицей в школе, там ей дали комнату. Маме совсем не надо было выходить, чтобы попасть в свой класс. После уроков она убирала классы, мыла полы, потому что бабушка Настя очень болела. Когда фашисты стали подходить к городу, директор школы сказал:

— Вы, Анастасия Васильевна, родом из деревни. Поезжайте туда с дочкой, там вам будет спокойнее.

— Нет,— сказала бабушка Настя,— я клятву себе дала, туда не вернусь.

И они пошли с мамой по дороге, по которой, спасаясь от фашистов, шли тысячи людей. Потом их привезли в Сибирь, в город Томск. Там через два года бабушка Настя умерла.

— Это правильно, что решила проведать родные места,— сказал Иван Макарович,— и мальчонку правильно, что с собой ведешь. Деда, стало быть, его, Сергея Тимофеенко, народ помнит. Сколько ж тебе тогда было?

— Пять лет.

— А Настя жива?

— Умерла. В войну. В Сибири.

— Прокляла она нас, Настя, мамаша твоя. Наши ездили к ней в город. В служанках служила, с хлеба на воду перебивалась, а гордая — не вернулась.

— Она уборщицей в школе работала.

— Одно и то ж. Только, я тебе скажу, люди не виноваты. Время такое было: волком кое-кто за свое богатство сделался.

Он рассказал, как нам идти дальше, а потом пошел провожать. Шел молча впереди, потом остановился и сказал: «Ну, теперь сами идите». И повернул назад.

Окончание следует.

ЭТО НЕ ФИЛЬМ: ЭТО ПО-НАСТОЯЩЕМУ

Вал. КСЕНОФОНТОВ

Год 1953-й. Жительница Подмосковья с огорчением пишет на Центральную студию телевидения: «Накопила деньжат, купила телевизор, а кино — не каждый день...» ...Фильмов действительно показывали мало. О телевизионных же фильмах никто вообще даже и понятия не имел: их просто не было.

Год 1954-й. Инициативные люди, студенты ВГИКа Ю. Чулюкин и Г. Шатров, раздобыли камеру, пленку, свет. И сняли первые два фильма специально для телевидения.

Год 1955-й. Казалось бы, дело пошло. Но, стремясь к созданию собственных фильмов, руководство телевидения натыкается на странную логику: «Кесарю кесарево: театрам — ставить пьесы, киностудиям — снимать фильмы, телевидению — делать «живые» передачи...»

Год 1958-й. Центральная студия телевидения сумела представить на Международную выставку в Брюсселе кинопрограмму, сделанную работниками телевидения для телевидения.

Год 1960-й. Советские телевизионные фильмы — документальные и художественные — начинают пересекать границы СССР, возвращаясь с наградами и памятными реликвиями.

Год 1967-й. Вернее, самый конец года, декабрь, и начало нового 1968 года. В Москву приехали гости уже из 60 телестудий и 10 киностудий страны; они привезли с собой более ста документальных, художественных и цветных телефильмов. Состоялся II Всесоюзный фестиваль телефильмов; теоретики кино и телевидения на своем пленуме попытались разобраться, что же такое телефильм и чем он отличается от кинофильма.

Не думайте, что ответ прост; одна телезрительница, например, на вопрос, понравился ли ей телефильм «Мальчишке 14 лет», ответила: «А это не фильм! Это по-настоящему! Это судья спрашивает людей...»

Очевидно, таким и должен быть телефильм, если он сделан «по-настоящему»!

Но пусть еще поспорят теоретики, благо, уже есть о чем спорить!.. Телезрители же с удовольствием посмотрят в 1968 году телефильмы 1967 года, получившие 26 призовых мест. В первую очередь это, конечно, 50 серий «Летописи полувека». А затем и другие отличные телефильмы: «Шинов и другие», «Наш Ваня», «Альфа и омега», «Хроника районного городка», «Только земля и люди», «Майор Вихрь», «Стена», «Пауза», «Акварели одного лета», «Рядом с вами», «А кругом тундра», «Шедевры Эрмитажа», «Красное, синее, зеленое».

На снимке: кадр из телефильма «Пауза»; в ролях артисты Г. Жженов, Э. Леждей. Фильм создан по мотивам рассказа В. Катаева; сценарист и режиссер А. Щербаков, оператор В. Вязов.

Валентин СИДОРОВ

Любовь

* * *

О наша внутренняя слепота!
Она — незрячесть
иль она незрелость?
А может быть,
утраченная смелость?
А может быть, она недоброта?
Привыкли мы:
мол, кто не видит,—
слеп.
А как же мы?
А что же делать с нами?
Мы обладаем зоркими глазами.
Мы ясно различаем тьму и свет.

И все-таки нас кружит темнота,
И все-таки мы суете подвластны.
Мы сдуру восклицаем: «Красота!»
А это лишь насмешка над
прекрасным.

Какую ж надо чистоту иметь,
Какое ж зренье в человеке зреет,
Чтоб он себя сумел преодолеть,
Чужую боль почувствовал своею!

А мы малы,
мы так еще малы!
И мы боимся своего прозренья.
Ведь это шаг в другое измеренье,
В необъяснимо сложные миры,
Где, может быть, предстанет
красота
В своем обличье.
Истинном обличье.
О наша внутренняя слепота!
Страшнее ты незрячести обычной.

* * *

К одиночеству я привыкаю.
Я решимости полон опять.
Отрицаю тебя, отвергаю
Всю тебя — с головы до пят.

Пусть трещит телефон обалдело,
Я сегодня помедлю вкласть.
Не хочу, чтобы тело имело
Над душою такую власть.

Бормоча про себя заклинания,
Я роняю сухие слова.
От прерывистого дыхания
Почему-то звенит голова.

Возникает во мне, как мерцание,
Смутный отблеск неверной зари.
Отрицание отрицания
Наполняет меня изнутри.

И от злости свой голос срывая,
И кляня мягкотелость свою,
Я кричу,
ничего не скрывая:
— Я вернусь!
Я приду!
Я люблю!

* * *

Любовь оправдывает все,
Как цель оправдывает средства.
Но мне подсказывает сердце:
Не все оправдано.
Не все.
О этот лозунг знаменитый,
Сто крат повторенный,
сто крат!
У вас, отцы-иезуиты,
Его берем мы напрокат.

И мы приветствуем разлуку,
И нам порой ничуть не жаль,
Что обрекаем на разруху,
Что предрекаем мы печаль.

Сомненья смутные свои
Мы от самих себя скрываем.
И все-таки подозреваем
Неправоту своей любви.

С самим собой наедине
В тиши ночей я представляю,
Как мучиться я заставляю,
И сам я мучаюсь вдвойне.

И почему я злу причастен,
И почему я так привык,

Дамский мастер с улицы Горького

Л. МАКСИМОВА

В предпраздничный день обстановка в парикмахерской, в которой я постоянно причесываюсь, напоминала вокзал, где все пассажиры страшно боятся пропустить последний поезд. Женщины суетились, стараясь успеть еще и в косметический кабинет и к маникюрше. Раскалялись под непрерывно жужжащими сушилками головы, одетые в бигуди. Кто-то громко спорил из-за очереди, кто-то, ахая, вспоминал, что дома подходит тесто... И в этой суматохе неторопливо священнодействовал мастер Давид Моисеевич. Он все мог. Мог по желанию жгучую брюнетку превратить в блондинку или, наоборот, блондинку — в брюнетку, сделать изящную седую прядь, коротко остричь на французский манер или взбить высокий начес.

— А вы знаете, у нас большая новость,— как-то заговорщицки, но громко, чтобы слышала не одна я, на публику, сказал мне мастер, когда наконец подошла моя очередь.

— Какая же?

Я понимала, что Давиду Моисеевичу не терпится рассказать эту новость, но торопить его не было смысла — сам выговорится.

— В нашем Свердловском районе работает парикмахером молодая женщина, которая только что вернулась из Парижа.

Мастер многозначительно оглядел нас — «Каково, а?» — и продолжал:

— Была там по приглашению. Десять дней. А все началось с того, что в Москве эта Галя Айвазян причесывала госпожу де Голль.— И мастер вновь многозначительно глянул на нас.

Посыпались вопросы: как, что, почему, какая она, Галя Айвазян? Полностью удовлетворить наш интерес мастер не смог: он сам знал немного. И только сказал:

— Она такая худенькая, скромная, Галя. Нет, не армянка, русская. Айвазян — это по мужу.

Через неделю (ох, и любопытны же мы, женщины!) я отправилась искать Галю Айвазян. Причесаться у нее мне не удалось — большая очередь,— но я узнала о дамском мастере с улицы Горького много любопытного.

Да, она причесывала госпожу де Голль во время визита президента Франции в СССР. Случилось так, что позвонили в парикмахерскую с просьбой прислать парикмахера к госпоже де Голль. Выбор пал на Галю. Она собралась, взяла инструменты и на специально прибывшей за ней машине отправилась в резиденцию высоких гостей. В дни пребывания г-на де Голля и его супруги в Москве Галю вызывали туда не раз. Она не без труда, но могла разобрать, что ей говорили по-французски, тем более, когда это были комплименты в адрес мастерицы.

Перед отъездом домой госпожа

себе верна...

Что строю счастье
на несчастье,
На отрицании других?
Или любовь себе верна:
Иначе
чем через распятья,
Через разлуки
и проклятья
Не утверждается она?

* * *

И вот перрон, и шум вокзальный,
И запыленные цветы,
И жадный поцелуй прощальный
Среди вокзальной суеты.

И все часы остановились,
И мгла тебя заволокла,
И глухо-глухо доносились
Откуда-то издалека
И смех, и крик, и всхлип частушки
(Вагоны двигались, скрипя),
И голос ласковой старушки,
Стоявшей около тебя.

Ты помнишь, как он был участлив,
Как из тумана он возник.
— Не зацелуйте свое счастье.
И снова гомон, плач и крик.

— Не зацелуйте!
Лязг и грохот,
И, дым серебряный стеля,
Дрожат сквозь замутненность
окон
Столпившиеся тополя.

Теней причудливых скрещенья,
Полей чернеющий провал...
Наверно, счастье в час вечерний
Я все-таки зацеловал.

И в дымной дали не проглянет,
Как прежде, светлое лицо,
И меркнет медленно в тумане
С зеленым камешком кольцо.

Свадьба

Был непохож, увы, нисколько
На свадьбу свадебный обряд.
Кричали, спохватившись:
«Горько!»,
Но это было невпопад.

В чаду и сутолоке тесной,
Не пригубившая вина,
Застыла статуей невеста,
Теперь уж мужняя жена.

И взгляд ее скользил устало,
Дрожал в глазах поблекший свет.
Ах, эта свадьба запоздала,
Наверное, на двадцать лет!

Жених, морщинистый и дробный
(Он был невесте по плечо),
О чем-то ей вещал подробно,
Дышал в лицо ей горячо.

Пиджак торжественно одернув,
Блюдя старинный ритуал,
Победоносно и задорно
На цыпочки он привставал.

И пил он шумно,
пил он много,
Нарочно будто и назло.
Жила в нем тайная тревога,
И неспокойствие росло.

И что-то доказать он тщился,
В чужой встревая разговор,
Лез на рожон и петушился,
Нес околесицу и вздор,

Как будто он хотел напомнить,
Кому обязаны гульбой,
Как будто он хотел наполнить
Весь этот дом самим собой.

А гармонист гармонь примерил,
Раздул мехи что было сил,
Все кнопки до одной проверил
И чуб свой набок уронил.

Плечами обозначив вызов
(А ну-ка, где вы, мужики?),
Поплыли бабы в дыме сизом,
И покачнулись потолки.

«Ходи, изба, ходи, печь!
Хозяину негде лечь».

Свистело, ухало, звенело,
И поднималась пыль столбом,
И каблуки осатанело
Дробь выбивали.
А потом,
Как бы веселью поддаваясь,
Глазами и лицом смутна,
Из-за стола, не поднимаясь,
Запела мужняя жена.

«Ты — война, ты — война,
Ты меня обидела.
Ты заставила любить,
Кого я ненавидела».

О, как она протяжно пела
(Был голос груб и хрипловат)
О той войне, что отгремела
Уж двадцать лет тому назад,

Что похоронена в болотах,
В глухих лесах, в слепых снегах,
А для кого-то,
для кого-то
Все не кончается никак.

Средь наступившего покоя,
Объятой дымом тишины
Ее глаза, как на иконе,
Недвижны были и страшны.

де Голль спросила Айвазян, не хочет ли она побывать в Париже. Галя ответила:

— Так же, как французы мечтают повидать Россию, так и я, москвичка, мечтаю побывать в Париже.

На том они и расстались. А потом Галя Айвазян в составе советской делегации по приглашению клуба техники и искусства парикмахеров Франции приехала в Париж. Дамский мастер с улицы Горького стала внеконкурсной участницей международного фестиваля причесок, где состязались признанные мастера-виртуозы, законодатели мод — парижане, итальянцы, австрийцы, канадцы...

Все это происходило в отеле «Пале д'Орсе», где жила Галя, при большом стечении публики, на сцене, в присутствии множества корреспондентов.

Несколько дней москвичка готовилась к своему выступлению перед парижанами. Один раз репетировала она с манекенщицей — очаровательной молоденькой француженкой по имени Мишель. На репетиции все получалось хорошо. А каково будет там, на сцене?..

Настал день выступления. Взволнованная, выходит она на сцену в своем коротеньком красном платье, украшенном брошью, подаренной ей мадам де Голль. Прожекторы слепят глаза. Глянула в публику — лица всякие: добрые, равнодушные, злые... И вот началось!

— Потом, когда я рассматривала фотографии, где была снята за лихорадочной работой — надо было короткую прическу, оформление после бигуди, сделать всего за 4 минуты,— сама удивлялась своим немыслимым позам. И вспоминала, как перед выступлением друзья из общества «Франция — СССР» советовали мне: «Вы, Галина, танцуйте, танцуйте вокруг манекенщицы, и все будет отлично!» Вот я и танцевала! Но тогда, на сцене, я ничего этого не помнила и ужасно боялась уронить расческу. Меня подбадривали: включали русскую музыку, русские песни. Хлопали в такт музыке, аплодировали. И наконец, когда работа была окончена, раздались аплодисменты и крики «Браво!». Но самое сложное было впереди. Мишель уходит за занавес. Быстро переодевается в вечернее платье. Потом снова выходит ко мне. Без зеркала, как и в первый раз, я должна была за считанные минуты сделать новую, теперь уже вечернюю прическу с шиньоном. Моя милая переводчица Анна Петровна стояла за сценой. Ей одной я доверила драгоценный шиньон. Ох, и мудрила я с ним ночью! Все расчесывала и так и эдак, потом снова мочила, снова расчесывала. Старалась понять дух современной парижской прически. Но ведь надо было сказать и «свое слово»! А времени в обрез. На сцене Мишель в вечернем наряде. И снова прожекторы, фотоаппараты нацелены на меня. От волнения руки трясутся, шпильками больно колю Мишель. А она, золото мое, только улыбается. Чем больше колю, тем прелестнее улыбается. И опять музыка, русская музыка: «Подмосковные вечера», «Калинка-малинка моя...». Хлопки, возгласы: «Браво, Галина!» Когда все это кончилось, захотелось плакать. Это от волнения. Помню, как, взявшись с Мишель за руки, мы ходили по сцене, обнимались, целовались, и мне эту француженку с чуть распущенными локонами хотелось назвать сестрой. Я уже не видела злых глаз — все сразу стали добрыми, ласковыми. А когда публике рассказали, что я имела честь причесывать француженку № 1, тут и вовсе атмосфера потеплела. И даже попросили меня сказать несколько слов...

Что добавить к этому рассказу Галины Айвазян? Ей 30 лет. Десять из них она посвятила профессии дамского мастера. Окончила десятилетку, работала на заводе, училась музыке, а стала парикмахером.

Чем-то — то ли изяществом фигуры, то ли высоким лбом, ясными глазами — Галина Айвазян напомнила мне Галину Уланову. Что ж, в каждой профессии есть свои Улановы. И хочется пожелать Галине Айвазян стать таким же виртуозом, как и Галина Уланова. На парижском артистическом фестивале она была награждена кубком почета и дипломом.

«Ленин в Октябре».
В. Ванин в роли
рабочего Матвеева.

Неповторимый

Ю. А. ЗАВАДСКИЙ ОБ АКТЕРЕ
В. В. ВАНИНЕ

13 января исполняется 70 лет со дня рождения замечательного актера Василия Васильевича Ванина.

Корреспондент «Огонька» Н. Алексеева обратилась к народному артисту СССР Юрию Александровичу Завадскому, главному режиссеру театра имени Моссовета, с просьбой рассказать о совместной работе с В. В. Ваниным.

— Я считаю, что встреча с таким необыкновенным актером, как Ванин, была большим событием для многих из нас; и, конечно, для меня тоже... В памяти моей сохранилось огромное количество репетиций, проведенных с Василием Васильевичем. И каждая из них становилась явлением, единственным в своем роде, по той чисто русской щедрости, с которой актер всегда отдавал свои силы работе.

Ванин был неповторим. И неиссякаем. Помню, мы готовили «Нашествие»; Ванин долго репетировал с молодым актером один и тот же эпизод. Все устали; Ванин просил отпустить его. Но едва лишь я заметил, что надо было бы поработать еще хоть немного, как Василий Васильевич снова вышел на сцену — откуда только силы взялись! Та же необыкновенная энергия, одержимость, заразительная вера в происходящее...

Не всем, конечно, удалось видеть работу В. В. Ванина, народного артиста СССР, на сцене нашего театра. Но зато все кинозрители, наверное, помнят его Ефима Соколова в фильме «Член правительства». Помнят Матвеева в фильмах «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году». Даже по этим сравнительно небольшим ролям можно судить о самобытности и оригинальности таланта.

Все было в игре актера: и внутренний подтекст, и озорство, и ум, и темперамент. Никогда не забуду поразительного Медведенко, сыгранного Ваниным в «Чайке»: это было и смешно, и горестно, и глубоко человечно. Актеры часто бегали смотреть из-за кулис, как Ванин играет сегодня. И всегда казалось: лучше, чем вчера!

В любой своей роли Василий Васильевич умел оставаться самим собой. И в то же время совсем не повторялся. Видишь новую его роль и думаешь: «Вот она наконец, главная «ванинская»!..» Но приходит новый спектакль, и опять он еще больше Ванин — неожиданный и яркий... Интересно возник Ванин и как режиссер. Особенно увлеченно ставил он «Свадьбу Кречинского».

Сын своего народа, необыкновенно обаятельный, эдакий поразительный по таланту и смекалке лесковский Левша, он ушел из жизни в расцвете творческих сил. И, как всякий большой актер, правдивый и увлекающий, остался в памяти своих современников. Остался на всю жизнь.

АНДАЛУССКАЯ ПОЭЗИЯ

Поэзия мавританской Испании, или Андалусии, как ее называли испанские арабы, складывалась на Пиренейском полуострове в VIII—XV веках. Она вместила в себя любовную и застольную лирику, элегические размышления, сатиры, эпиграммы. Эту самобытную, блистающую богатством красок и образов страницу мировой лирики впервые открывает нашему читателю книга «Андалусская поэзия», выпускаемая издательством «Художественная литература».

АХМЕД ибн ВАДДАХ аль-БУКЕЙРА из МУРСИИ (1135)

* * *

Пример вероломства являет нам лук.
С голубками в роще дружил этот сук.
Сегодня в подруг посылает он стрелы.
Коварства такого немало вокруг!

Ибн ЗАМРАК (1333—1393)

* * *

Где плещут потоки, долину тревожа
И камни срывая с кремнистого ложа,
Вдали от селений, на склонах безлюдных,
На пастбищах древних, меж трав изумрудных,
Где эхом подхваченный всадника клич
Пугает порой осторожную дичь,—
Ты видел оленей, что статью своей
Походят на дивных арабских коней.
За стадом неистово, как на ристалищах,
Ты гнал скакунов, точно звезды, блистающих,
И в облаке пыли, как звезды падучие,
Стремглав проносились олени могучие.
Летит крепконогий вожак перед стадом.
Стремятся олени живым водопадом.
И лук твой резной с тетивы напряженной
В них мечет стрелу, словно факел зажженный.
Всадил ты в оленя копье — и оставил...
Он далее мчится, хоть грудь окровавил.
И копья парят над оленем со свистом,
Как стая пернатых над древом ветвистым.

Ибн аль-АББАР (1198—1260)

НОРИЯ

Аллах! До чего эта дивная нория схожа
С небесною сферой, свершающей круг изначальный.
Воздвигли ее на реке и велели трудиться,
Чтоб людям жилось усладительно и беспечально.
Тяжелых ее черпаков круговое движенье —
Как пленника поступь, гремящего цепью кандальной.
Вода поднимается вверх, низвергаясь оттуда.
Я в облаке вижу прообраз машины черпальной:
Оно благодетельным ливнем сады орошает,
В далеких морях запасаясь водой поливальной.
О нория, жажде чужой ты без устали служишь —
Точь-в-точь виночерпий, не пьющий из чаши
хрустальной!

Ибн аз-ЗАККАК

* * *

Колышет ветер чашечки тюльпанов.
Восход зари на них наводит глянец.
Секущий ливень сделал их краснее,
Чем старого вина густой багрянец.
— Скажи мне, ливень, в чем они повинны?
— Воруют у прелестных щек румянец!

Перевела Вера Потапова.

Гравюры Ю. Космынина.

УДОБНАЯ КРАСОТА

Алла ГЕРБЕР

Интерьер... Еще недавно это слово было достоянием специальных статей и теоретических дискуссий. Теперь оно стало бытовым, обиходным. Им так здорово научились пользоваться, что даже дети на пионерских сборах обсуждают интерьер своего класса. Короче, худо ли, бедно, но в последнее время мы приодели наши квартиры по последней моде.

Прошло еще немного времени, и мы занялись интерьером кафе, ресторанов, гостиниц. Словом, он стал заботой целого города. И не косметикой, не вечерним гримом, а естественным утренним лицом.

О Вильнюсе сейчас пишут и говорят много. Он вобрал в себя и раннюю готику, и позднее барокко, и классицизм, и ренессанс. Турист запомнит его костелы, крепости, башни, старые кривые улочки, бережно не выровненные, потрескавшиеся стены XV века, любовно не обновленные. Он оценит эту бережливость города к своему прошлому, к своей истории, своему народному искусству.

В каждом городе есть памятники — людям, эпохам, войнам; есть красивые улицы и некрасивые, есть парки... Но не в каждом чувствуешь себя уютно и спокойно, не каждый становится твоим. Я много думала, откуда это состояние какой-то внутренней тишины, душевной ясности и умиротворенности. Откуда эта праздничность с утра, покой в предвечерние сумерки — самые грустные для командировочного часы... Может быть, причиной тому солнечная, долго не старевшая в том году осень? Или вежливость и услужливость тех, кто встречает вас в гости-

Чеканка. В мастерской Иозеса Калинаускаса.

Зита Каушилайте, студентка художественного института, будет преподавателем.

Сувениры. Автор Г. Ледихова.

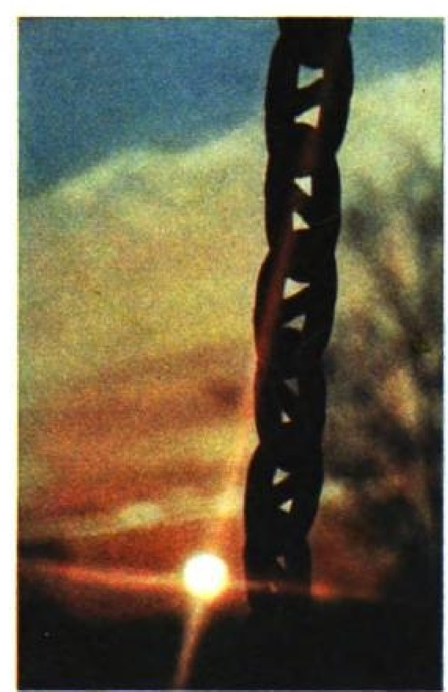
Фото Л. Шерстенникова.

Тракай. Литовская старина.

В музее школы искусств имени Чюрлениса. Здесь школьники собрали работы народных мастеров.

●

Баните Аглете, ученица 11-го класса школы искусств, увлекается витражами.

●

Краски Прибалтики.

Работа К. Валайтиса «Солнце» украшает один из баров Вильнюса.

нице, подает обед в ресторане, выдает покупку в магазине?.. Или чистота и свежесть всего, что вы едите, за чем сидите и на чем в конце концов спите? Пожалуй, и это тоже. Но главное — красота. Спокойная, неназойливая, умно вмонтированная в повседневную жизнь. Надеюсь, меня не осудят за утилитарность — я назову эту красоту удобной.

И, что удивительно, обслуживая, красота эта незаметно обогащает, учит понимать прекрасное. Вовсе не обязательно идти в музей, чтобы научиться видеть гармонию цвета или скрытые тайны стекла, металла, дерева. Можно сидеть в кафе и смотреть не на выпущенные массовым тиражом картинки, а на отличную живопись. Она не экспонат, а дополнение к интерьеру этого кафе. В том же кафе можно не только порадоваться прекрасному сочетанию красок и форм посуды, мебели, но и осмыслить принципы декоративного искусства, может быть, перенять или по крайней мере оттолкнуться от них в создании своего домашнего убранства.

...В маленькой овощной лавке на окраине города продавцы в голубых халатах (заметьте, это ведь овощная лавка) терпеливо перекраивали готовую витрину, потому что груши, как им казалось, плохо смотрелись рядом с яблоками, а свекла как-то не гармонировала с репчатым луком.

На окнах придорожного кабачка «Мельница» — тяжелые железные цепи. А сидите вы на деревянных скамьях или мешках, наполненных, как во времена старого мельника, мукой (впрочем, может быть, песком, но не все ли равно!). А у входа в кабачок чугунные фонари с симпатичными, веселыми чертями. Все это вводит вас в мир давний, но возрожденный с современным вкусом и, главное, с учетом вашего вполне естественного желания побыть после городского шума в сельской тишине.

Вильнюсский интерьер — это маленькие гроты цветочных магазинов, белый простор университетской столовой, цветные витражи Дворца профсоюзов, бокалы ресторана «Дайнава», которые никак не могут быть бокалами кафе «Неринга», панно в гостинице, которое не перевесишь в школу, детская живопись, которая украшает стены школы искусств. Это чеканка и стекло, дерево и необработанная штукатурка, глина, алюминий, грубый кирпич и простая фанера.

Эту любовь к прикладному искусству, это уважение к любой деревяшке или металлической пластинке прививают детям в школе искусств. Развивают в институте живописи. И, наконец, претворяют в жизнь лучшие вильнюсские художники, скульпторы, архитекторы. Они главные люди на любой стройке. Они покидают ее лишь в тот момент, когда туда входит первый новосел. Они подбирают краски для стен, занавеси для окон, советуют, как расставить столы и стулья, ставят в вазы цветы... Даже трест столовых и ресторанов приглашает художников на все свои совещания, заключает с ними договоры по надзору, не экономит, когда ремонтируется обычная столовая.

Скажете, дорого?

— Нет,— говорят работники Вильнюсского треста столовых,— это окупается.

Вот почему с первого курса художественного института будущий художник слышит: твой город — твоя мастерская. А будущий строитель понимает, что художник — хозяин. А самый маленький житель Вильнюса знает, что этот город — его дом.

СПАСИБО, СЕРДЦЕ!

В ночь со 2 на 3 декабря прошлого года впервые в истории медицины была произведена успешная пересадка сердца от человека человеку. Три недели весь мир с неослабным вниманием следил за здоровьем Луи Вашканского, в груди которого билось чужое сердце.

Сердце... Оно во все века было в редком почете не только у поэтов, но и у врачей. И нет сегодня второго такого органа человеческого тела, которое было бы изучено так же тщательно, подробно, детально, как сердце. Но и оно таит в себе удивительные загадки, не решенные по сей день.

Испанцы утверждают, что приоритет открытия кровообращения принадлежит Мигелю Сервету, французы отстаивают имя Франсуа Рабле, александрийцы — Эразистрата, арабы — Ибн-ан-Нафиса, китайцы — императора Хуань-ди, а итальянцы выставили сразу несколько кандидатур: Карло Руини, Фра Паоло Сарпи, Андреа Чезальпино и даже Леонардо да Винчи. Однако весь мир, отдавая заслуженную дань всем претендентам, открытие кровообращения связывает с именем Вильяма Гарвея. 1628 год, когда знаменитый англичанин опубликовал «Анатомическое исследование о движении сердца и крови», вошел в историю человечества как год рождения подлинно научной физиологии.

Итак, наш рассказ: СЕРДЦЕ

М. ХРОМЧЕНКО

НИ СНА, НИ ОТДЫХА

И сказал анатом: сердце — это полый четырехкамерный мышечный мешок, центральный орган кровеносной системы.

А физиолог добавил: функцией сердца является ритмическое нагнетание в артерии крови, поступающей к нему из вен.

Основное в деятельности сердца — перекачивать кровь. И только. Для этого-то оно (как справедливо утверждал анатом) и сконструировано в виде полого мышечного мешка. Для этого же (прав и физиолог) оно ритмически сокращается. Беда лишь в том, что ни тот, ни другой не знают, почему сокращается наше сердце, что заставляет его биться. Не знали и не знают пока.

...Много веков назад на огромной территории, которую современные политики называют Средним Востоком, не было равных Авиценне — врачу и мудрецу. Об исцелениях его ходили легенды. Он оправдывал их.

Однажды его пригласили к больному племяннику богатого горожанина. Многие врачи пытались вылечить юношу — ничего не помогало. Авиценна взял больного за руку, нащупал пульс — зеркало сердца и попросил слугу медленно произносить вслух названия улиц города. На одну из них пульс отозвался чуть более заметным толчком. Тогда Авиценна попросил слугу называть подряд дома этой улицы. Один из них вызвал еще более сильный удар пульса. Авиценна попросил слугу перечислить всех живущих в этом доме. И когда слуга назвал имя девушки, дочери хозяина, сердце больного забилось так учащенно, словно хотело вырваться из груди. Причина тяжелого заболевания была установлена: молодым не разрешали быть вместе. Согласие же на свадьбу влюбленных немедленно излечило юношу...

Сердце отзывчиво. Оно реагирует на все радостные и горестные известия. Еще в прошлом веке братья Веберы обнаружили, что раздражение подходящих к сердцу так называемых блуждающих нервов тормозит его работу. Известный русский физиолог И. Ф. Цион описал учащение ритма сердечной деятельности в ответ на раздражение другой группы нервов — симпатических, а его ученик И. П. Павлов разыскал нервные волокна, увеличивающие силу сердечных сокращений. Наконец, А. В. Кибяков поступил еще «проще»: взял и перерезал все нервы, подходящие к сердцу. Через несколько дней оно остановилось.

Все эти данные и вынесли на свой щит многочисленные сторонники теории, утверждающей, что именно приходящие извне нервные сигналы возбуждают мышцу сердца и регулируют ее сокращения.

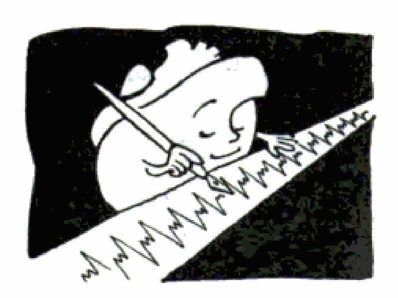
Но радость была недолгой. Первые же сомнения в справедливости этой, называемой нейрогенной, теории возникли также в прошлом веке, богатом физиологическими открытиями.

Кибяков перерезáл нервы, и сердце останавливалось. А вот если вынуть сердце лягушки и промывать его кровью или специальными растворами, оно будет продолжать сокращаться как ни в чем не бывало, причем ритмически, сутками. А в лаборатории советского исследователя профессора Н. П. Синицына преспокойно жили лягушки с пересаженными от их собратьев сердцами, хотя, понятно, прежде чем сердце пересадить, вначале необходимо прервать все его связи с прежним хозяином.

Больше того. Пользуясь методом промывания, А. А. Кулябко в 1902 году оживил сердце ребенка спустя несколько часов после смерти. А уже в наши дни в лаборатории С. В. Андреева удавалось заставлять биться изолированные (!) сердца людей, погибших от инфаркта, дифтерии и многих других болезней, спустя почти двое суток (!) после смерти.

Наконец, совсем недавно ученый мир стал свидетелем удивительно красивого эксперимента. Вырезали сердца молодых крысят, разрушили вещество, цементирующее отдельные мышечные волокна друг с другом, и эти отдельные волокна поместили в питательную среду. И что же? Каждая мышечная клетка начинала и продолжала ритмически сокращаться с собственной частотой. Когда же удавалось соединиться, скажем, двум или нескольким клеткам, они мгновенно находили общий язык и начинали биться в едином ритме. И так они занимались своим привычным делом до тех пор, пока не разрушались.

Новые факты нейрогенную теорию никак не подкрепляли, наоборот, всячески опровергали. В противовес ее сторонникам противники объединились вокруг миогенной теории, знаменем которой стали мышечные волокна (миос — мышца) и какие-то процессы в ней. А способность сокращаться в самостоятельном режиме ученые назвали автоматией сердца и, обнаружив ее, долгие десятилетия искали, что определяет этот ритм и дает запальную искру. Оказалось, что, кроме обычных, сердце

обладает еще и особыми мышечными волокнами, объединенными в проводящую систему. Их задача — не сокращаться, а высекать ту самую запальную искру и распространять приказ по всему сердцу.

Впервые участок скопления таких специфических волокон ученые обнаружили у куриного эмбриона, а затем и у эмбриона человека. У него этот участок, словно тренируясь, начинает ритмически сокращаться уже спустя три недели после зачатия. Должно пройти еще четырнадцать дней, пока сформируются первые элементы будущей нервной системы, а сердце человека, пусть пока и примитивное, уже бьется.

Были найдены скопления специфических мышечных клеток в сердце взрослого человека. Удалось увидеть, что эти клетки образуют обособленные узлы, настолько обособленные, что и кровью каждого из них снабжает свой собственный сосудик. Первый узел назвали водителем ритма сердечных сокращений. Именно в нем происходят какие-то пока таинственные для нас процессы, в результате которых возникает сигнал к действию. Второй узел находится как бы в подчинении у первого и принимает его обязанности на себя, когда первый по каким-то причинам выходит из строя.

Загадка же биений сердца остается нерешенной, несмотря на все могущество современной экспериментальной техники.

НА ВЫСОТУ МОНБЛАНА

Помните сцену, когда Гамлет, убедившись в преступности Клавдия, приходит к матери-королеве? Она говорит ему:

— О милый Гамлет, ты рассек мне сердце.

А он в ответ:

— Отбросьте же дурную
половину,
И с лучшею живите в чистоте...

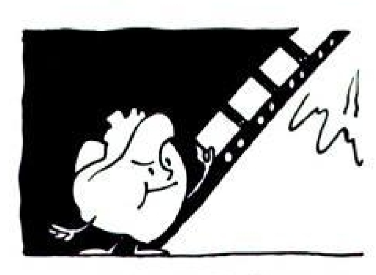
Думаю, что Шекспир, хотя он и был современником Гарвея, устройства сердца не знал. Однако предложение наследного принца не удивило бы многих ученых. Они называют наше сердце двойным, делят его на правую и левую половину.

Сердце — уникальный насос. Ничего лишнего, все предельно рационально, все направлено к одной цели. Но в простоте этой — само совершенство.

Человек еще не создал ни одной модели насоса, который мог бы выиграть соревнование у нашего сердца. Паровозная турбина, например, превращает в энергию около двадцати пяти процентов использованного химического топлива. Сердце — вдвое больше. В энергию его сокращений превращается до пятидесяти процентов поступивших в сердечную мышцу питательных веществ. И ни одной остановки, ни на текущий, ни на капитальный ремонт.

За семьдесят лет — такова ныне средняя продолжительность жизни человека — сердце сокращается свыше двух с половиной миллиардов раз. И каждое сокращение требует от него большого напряжения. Ведь кровь — жидкость вязкая, а проталкивать ее надо не только сквозь крупные, но и мельчайшие сосудики, сумма диаметров которых составляет от восьмисот до трех с половиной тысяч квадратных сантиметров. Не случайно количества энергии одного сердечного сокращения достаточно, чтобы поднять груз весом 400 граммов на высоту одного метра. А за семьдесят лет? Цион подсчитал, что за всю жизнь человека сердце потребляет столько энергии, сколько хватило бы, чтобы поднять железнодорожный состав на высоту Монблана.

Вот уж действительно мал золотник, да дорог. Ведь само-то наше неутомимое сердце весит немногим более трехсот граммов. А у людей тренированных этот трехсотграммовый рекордсмен достигает феноменальных высот экономичности и трудоспособности. Так, сердце спортсмена умудряется исполнять возложенные на него обязанности всего за 32 сокращения в минуту, а в моменты наивысшего напряжения может, наоборот, работать в бешеном темпе, со скоростью 280 ударов в минуту. И ничего ему не делается. Спустя весьма непродолжительное время оно как ни в чем не бывало возвращается к привычному ритму.

Рисунки В. Черникова.

Ну, хорошо, это сердце здоровое. А больное? Оказывается, и в этом случае наш уникальный насос достойно сражается, оправдывая высокое поручение и связанные с ним надежды.

Вот, например, заболевания — пороки сердца. Что это такое? Предсердия от желудочков, а желудочки, в свою очередь, от кровеносных сосудов отделены клапанами. Эти красивейшие создания архитектора Природы, регулярно закрывая отверстия, препятствуют обратному току крови. В этом их назначение. У больного же человека они либо смыкаются неплотно, либо, наоборот, в момент сокращения мышцы не полностью открываются. И то и другое заставляет сердце работать с повышенной нагрузкой. Однако до поры до времени, включая различные механизмы, наш «пламенный мотор» компенсирует свои физические недостатки. Известен чемпион марафонского забега — а дистанция марафона ни много ни мало — 42 километра,— у которого были поражены сразу несколько клапанов.

И все же, несмотря на всю неистребимую жажду жизни, сдает свои позиции и сердце. Подчас намного раньше срока, до обидного намного. И тогда вступает в свои права медицина.

И СЕРДЦЕ ТРЕПЕТНОЕ ВЫНУЛ

«Тот, кто осмелится наложить шов на сердце, потеряет всякое уважение своих коллег»,— торжественно и мрачно провозгласил в 1887 году известный немецкий хирург Бильрот. Спустя девять лет его коллега и соотечественник Рен зашил рану правого желудочка, и больной благополучно выжил.

Летом 1928 года в Москве проходил III Всесоюзный съезд физиологов. 1 июля в Большой аудитории Физического института Первого МГУ делегаты съезда стали свидетелями фантастического эксперимента. Тогда мало еще кому известный, ныне лауреат Ленинской премии Сергей Брюхоненко оживил отделенную от туловища голову собаки.

Эксперименты этого удивительного исследователя открыли новую эру в хирургии. Брюхоненко создал первый в мире прообраз современных аппаратов искусственного кровообращения (АИК). Подключенный к сосудам больного, АИК позволяет остановить сердце на длительный срок и оперировать на нем столько, сколько это необходимо для спасения жизни больного.

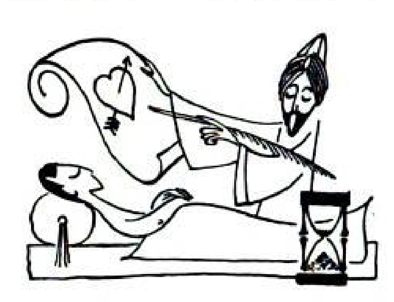
Подумать только: всего восемьдесят лет назад Бильрот предостерегал от прикосновения к живому сердцу. А сегодня некоторые операции на нем становятся чуть ли не рядовыми. На помощь приходят не только аппараты искусственного кровообращения. Место рядом с ними занимают и другие создания технического гения человека.

Бывает, например, что отказывает и главный водитель ритма и его заместитель. Раньше это грозило неминуемой смертью. А ныне врачи в содружестве с инженерами разработали искусственные — электрические — водители ритма. Вживленные под кожу смертельно больному человеку, они берут на себя управление сердцем. И справляются со столь ответственной задачей.

Да что там водитель ритма! Человек XX века дерзнул создать искусственное сердце! Вот она, поистине космическая проблема медицины. И самое удивительное, что никто не считает ее утопией. Больше того, в некоторых лабораториях удалось добиться, чтобы собаки и телята более суток жили с подключенными искусственными моторами.

Конечно, трудности велики. Конечно, это задача не сегодняшнего, может быть, даже не завтрашнего дня. Но... сбудется!

И все же, вспоминая, как мужественно до последнего сражается наше собственное, от рождения нам данное сердце, понимаешь, что не все еще резервы его уже исчерпаны. Оно продолжает хранить не одну, наверное, десятки тайн. Секреты редчайшей сопротивляемости, непревзойденной устойчивости и стойкости. Помочь сердцу, когда оно работает из последних сил, дать хоть ненамного передохнуть, и оно сторицею отблагодарит за такую своевременно оказанную помощь. Это не журналистское преувеличение. Это подтверждают последние успехи медицины.

В частности, недавно в одной из клиник хирурги вшили в грудную полость пожилой больной, долгие годы страдавшей тяжелым поражением левого желудочка, искусственный побудитель сердца. Десять дней этот насос выполнял три четверти работы пораженной мышцы, перекачивая в минуту до трех тысяч кубических сантиметров крови. Всего десять дней. Но и за этот срок мышца сердца отдохнула настолько, что спустя несколько месяцев женщина приступила к своей обычной деятельности практически здоровым человеком.

Но и эта уникальная операция ныне меркнет перед совершенно фантастической пересадкой сердца профессором Кристианом Бернардом. Эта пересадка осталась последним шансом на спасение 55-летнего больного, пораженное сердце которого окончательно отказалось справляться со своими обязанностями. Трагическая гибель в автомобильной катастрофе молодой девушки позволила профессору решиться на отчаянный шаг. Спустя пять с половиной часов живое и здоровое сердце погибшей хирурги пересадили в грудную клетку умирающего Вашканского и подключили к его кровеносной системе. Охлаждение, искусственные сердце и легкие, рентген, антибиотики — все достижения современной медицины были брошены в сражение за жизнь больного. Спустя шесть суток пульс Вашканского равнялся 90 ударам в минуту.

— Это будет больше, чем сенсация,— говорили специалисты,— спасение Вашканского придется расценить как чудо.

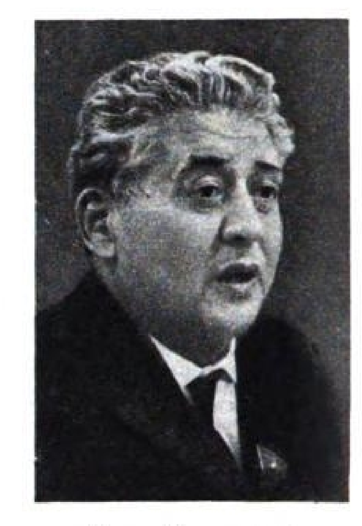
Чудес не бывает. К величайшему сожалению. Всего восемнадцать дней прожил первый человек с чужим сердцем. Но и эти неполные три недели, вырванные у смерти,— громадная победа медицины.

«Сердце перестает работать последним, как будто ожидая конца битвы между жизнью и смертью».

Эти слова произнес знаменитый Клод Бернар, выдающийся исследователь прошлого столетия. Как поэтичны порой бывают ученые!..

«Черта с два, рассветы впереди!
Пусть мой пыл как будто
остывает,
Все же сердце у меня в груди
Маленьким боксером проживает».

Это строки одного из последних стихотворений уже смертельно больного Михаила Светлова. Как удивительно точны порой бывают поэты!..

Мирзо Турсун-заде.

Махмуд Вахидов.

До новой встречи в Москве

Недавно у нас в гостях побывал давний друг «Огонька», поэт, многие произведения которого в русском переводе впервые увидели свет на страницах нашего журнала, академик, Герой Социалистического

Труда Мирзо Турсун-заде. Пришел он не один.

— Я хочу представить вам,— сказал Мирзо Турсунович,— очень талантливого актера, пропагандирующего классическую и современную поэзию Таджикистана. Знакомьтесь: заслуженный артист Таджикской ССР Махмуд Вахидов.

На языке фарси и в русском переводе артист читал нам тонкие и мудрые стихи Фирдоуси, Рудаки, Авиценны, Хафиза и Хайяма и современных таджикских поэтов.

В канун 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции молодой артист дал несколько вечеров. Это были первые в Таджикистане вечера художественного слова. Программу артист составил из рубаи Омара Хайяма. Он отобрал девяносто четверостиший, разбил их на пятнадцать циклов и озаглавил «Разговор с самим собой». Сюжет — жизнь человека. Пришел в мир молодой, полный восхищения жизнью, красотой природы человек. Потом он сталкивается с жизненными противоречиями, задумывается; в нем просыпается дух бунтарства; и, наконец, как итог раздумий над жизнью, как итог борений — мудрость в конце пути.

Концерт театрализован: используются свет, музыка, диапозитивы.

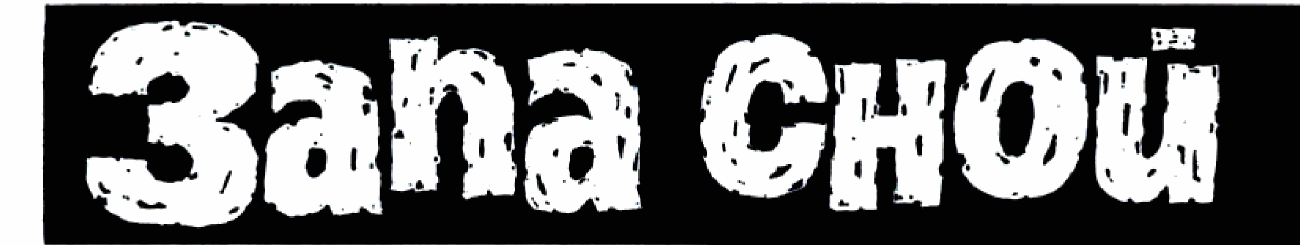
— Таджикская литература — неисчерпаемая сокровищница,— говорит артист.— Впереди много работы. Хочу подготовить новую программу и классической и современной поэзии.

Таковы планы чтеца. А ведь Вахидов еще и актер. С 1960 года, с тех пор как окончил в Москве таджикскую студию ГИТИС, он играет на сцене Таджикского государственного академического ордена Трудового Красного Знамени театра драмы имени Лахути.

Махмуд Вахидов сыграл ряд ролей, главным образом героико-романтического плана. Среди них — Незнамов в «Без вины виноватые», шекспировский Ромео. Последняя работа — снова Шекспир: «Два веронца».

Трижды за эти годы Махмуд гастролировал в Афганистане. Да и дома много поездок. А летом он побывал в Монреале и читал там по-таджикски монолог Гамлета...

Н. ЦВЕТКОВА

Леонид ТАМАЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. УШАКОВА.

7

Проводив Рубцова до самого вестибюля, майор вернулся к себе, зашагал по комнате.

Большая Болотная, 33... Этот адрес был отделу знаком. Еще зимой, как-то в начале декабря, позвонил генерал Винокуров. Он сказал Маясову:

— К вам в Ченск из Москвы прибывает самолетом группа немецких туристов. В их числе некая Барбара Хольме. По имеющимся данным, эта особа интересуется не только соборами и церквами, из-за которых она к нам пожаловала. Короче говоря, понаблюдайте за ней...

К туристам в Ченске давно привыкли. Особенно много их бывает летом. Иностранцев манят соборы Староченского монастыря и уникальная деревянная церковь, сооруженная без единого гвоздя крепостными зодчими в семнадцатом веке...

Барбара Хольме, которая провела в Ченске три дня, на первый взгляд мало чем отличалась от других туристов. Разве только больше остальных щелкала фотоаппаратом перед монастырскими колокольнями; над обработкой ее негативов достаточно пришлось потрудиться местному фотоателье.

Но, кроме этого, было установлено, что Барбара Хольме вместе с другой туристкой посетила в городе одну старушку. Эта старушка — немка Дитрих — жила на Большой Болотной улице, дом 33, квартира 9. Барбара Хольме привезла ей письмо от родственников из Мюнхена.

Если пользоваться обычными представлениями, то в этом посещении не было ничего особенного: в туристских общениях подобное не редкость. Однако Барбару Хольме нельзя было считать обычной туристкой. Поэтому все, что имело отношение к ее визиту на квартиру Дитрих, не миновало проверки.

К сожалению, эта проверка до сих пор не была закончена: старуха немка второй месяц тяжело болела... И вдруг это заявление Рубцова об Алексее Михайленко: опять тот же дом 33 по Большой Болотной. Странное совпадение!

Кстати, а в какой квартире обитает сам Михайленко?

Ответ на этот вопрос получить было нетрудно. Маясов позвонил в адресное бюро, попросил срочную справку. Через несколько минут ему сообщили:

— В доме тридцать три по Большой Болотной улице Алексей Михайленко не прописан...

Вот как! Значит, Михайленко живет там без прописки... А может, у него теперь другая фамилия? Для бывшего сотрудника оккупационной полиции это не удивительно.

Маясов раздавил в пепельнице потухшую сигарету.

А что, если Михайленко вообще не живет в доме 33? Ведь Рубцов только видел, как он вошел в дом. Мог просто к кому-нибудь в гости заглянуть. В таком случае надо не потерять его...

Маясов приоткрыл дверь в дежурку и приказал Зубкову:

— Немедленно вызовите капитана Дубравина, и оба — ко мне...

8

Ирина лежала на диване, держала в руках тетрадку, негромко читала вслух стихи. Зевнув, закрыла дерматиновый переплет.

— Декадентщина какая-то...— Поднялась с дивана, одернула платье.— Ты эти свои вирши показывал кому-нибудь?

— Ребята читали...

Савелов сидел за стареньким, расстроенным пианино, неумело бренчал что-то.

Ирина подошла сзади, положила ладони ему на плечи.

— Злой ты, Игорь... И злой оттого, что усложняешь все.

Савелов обернулся.

— А ты давно стала такой простенькой?

— У меня другое... Тебе надо смотреть на вещи шире.

— Прозрела! Ну, а я все еще хожу в тэмных.

Ирина невесело улыбнулась, отошла к окну. Отведя рукой занавеску, стала смотреть на улицу. Апрельское солнце светило очень ярко.

Игорь взглянул на нее, как на чужую. Тоже нашлась проповедница! Лезет в чужую душу, будто у самой все гладко.

Ирина стояла молча, словно совсем забыла о его существовании.

Ее отношения с Савеловым, говоря откровенно, уже давно перестали доставлять ей одну только радость. Приходилось все время таиться, лгать, изворачиваться. Вначале это было незаметно...

Месяца полтора назад, уезжая с мужем на гастроли, Ирина надеялась, что эта вынужденная разлука с Игорем поможет ей начать новую, нормальную жизнь: чтобы было спокойно на душе и чистой оставалась совесть. Но часть труппы вернулась в Ченск раньше, Ирина приехала тоже и как-то неожиданно для самой себя в тот же вечер позвонила Савелову, пригласила к себе на квартиру. Она не могла иначе, хотела только одного: скорее увидеть Игоря, услышать его голос. «И пусть это будет в последний раз!» — сказала она себе.

Но потом безрассудная настойчивость Игоря снова и снова обезоруживала ее. В прошлую среду, под вечер, он пришел к ней тихий, странный, вынул из кармана помятый букетик фиалок... И вот все эти дни после работы он приходит к ней, и все остается между ними, как прежде...

В комнате вдруг стало тихо. Игорь наконец дал передышку расстроенному инструменту. И тут же Ирина услышала за спиной обидчивый басок:

— Так тебе, говоришь, не по вкусу мои стишата?

— Видишь ли...— Она не хотела испытывать его самолюбие.— Я где-то читала... Всех людей по их отношению к жизни можно разделить на четыре категории: одни делают жизнь и улыбаются, вторые делают, но не улыбаются, третьи только и делают, что улыбаются, четвертые и не делают и не улыбаются...

— А! Ерунда! — сказал Игорь.— Меня ты относишь, конечно, к четвертой категории? К бесполезным пессимистам?

— Нет.— Ирина повернулась к нему.— При всем твоем скепсисе ты в жизни активный. Делаешь много, но...

— Без улыбки?

— Хотя бы...

— Не всякий умеет улыбаться во что бы то ни стало... А, в общем, к черту философию!

Игорь подошел к столу, налил в рюмку вина, выпил, вернулся к Ирине.

Поглаживая ее руку, он вдруг заметил, что на безымянном пальце нет знакомого золотого перстня с зеленым камнем. Осталась только кольцевая белая вмятина.

Игорь посмотрел на Ирину. Она отвела взгляд.

— Когда приезжает твой муж?

— Должен завтра, к вечеру...

Савелов рассеянно прошелся по комнате. Потом, взглянув на черную коробку стенных часов, вдруг сказал:

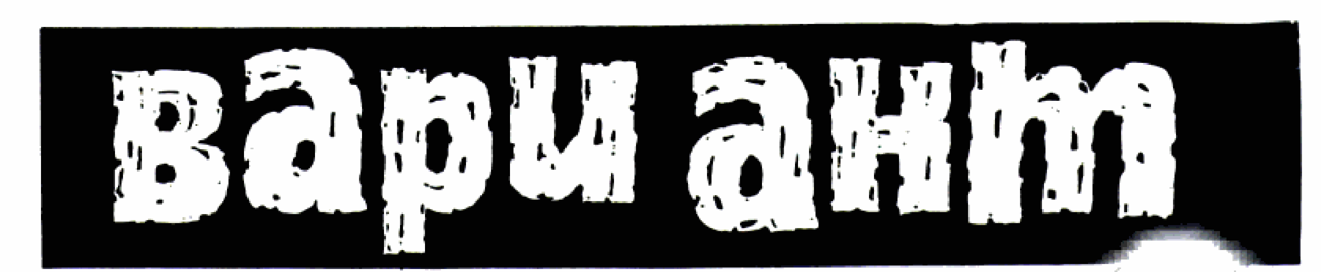
— Я скоро вернусь!

...На улице было ветрено. В зыбких лужицах, дробясь, слепяще отражалось солнце. Савелов не замечал, как переменилась погода. Он спешил. И, только подойдя к деревянному мосту через Чену, где кончалась Заречная сторона, на минуту остановился. Опершись рукой о потемневшие от сырости перила, внимательно оглядел улицу, начинавшуюся впереди за рекой.

По этой улице он не пошел. Повернув от моста влево, к ближайшему домику с голой ракитой перед окнами, он взобрался на кучу битого кирпича, перелез через тесовый забор. Здесь начинались приреченские огороды. Меж мокрых куч прошлогодней картофельной ботвы по влажной, не вскопанной еще земле вилась едва приметная тропинка. Она привела Савелова на просторный школьный двор с волейбольной площадкой.

Двор был проходной. Не выходя на улицу, Игорь через калитку с железным кольцом вышел на соседний двор, залитый асфальтом. Противоположная сторона асфальтового прямо-

Продолжение. См. «Огонек» № 1.

угольника соприкасалась с тротуаром уже другой улицы — Большой Болотной.

Торопливо прошагав по этому тротуару один квартал, Савелов подошел к трехэтажному кирпичному дому с зелеными воротами. Одна половина ворот была открыта, тягуче поскрипывала, раскачиваемая ветром. Игорь вспрыгнул на низкое чугунное крылечко, скрылся в подъезде...

Минут через пять он вновь появился на крыльце. Постоял в задумчивости, достал из плаща сигарету, закурил.

Из дверей дома вышел Никольчук. На нем было пальто внакидку. Лицо помятое, как после сна.

Посмотрев на небо, он лениво проговорил:

— Похоже, погодка разгуливается.

— Вроде к тому дело,— откликнулся Савелов.

9

Когда лейтенанта Зубкова спрашивали, играет ли он в шахматы, он отвечал: «Балуюсь немного...» Это звучало излишне скромно. По мнению Тюменцева, познавшего древнюю игру три месяца назад, лейтенант был отменным шахматистом, которому недалеко до гроссмейстера. Но тут он малость преувеличивал. Если быть точным, Зубков солидно тянул на первый разряд.

Во всяком случае, ченские пенсионеры, с которыми вот уже несколько дней подряд на правах отпускника Зубков воевал за шахматной доской в городском саду на Большой Болотной улице, имели случай убедиться в его квалификации...

Щелканье костяшек домино не прекращалось в голых, безлиственных по весне аллеях до позднего вечера. В другой части сада, у терновых кустов, склонившись над столиками, сидели шахматисты, по преимуществу старики. Курили, сосали валидол, глотали пирамидон — кому что требовалось. Общеобязательным здесь было лишь одно условие: соблюдение тишины.

Зубков, которого пенсионеры знали только по имени — Виктор, или просто Витя,— придерживался одного важного для себя и неизвестного для других правила: он всегда садился лицом к железной решетке сада. Отсюда, находясь в тени высоких кустов, он мог хорошо видеть противоположную сторону Большой Болотной улицы, особенно дом № 33 с раскрытыми зелеными воротами, часть его двора и даже окно Никольчука на втором этаже.

...Зубков развивал королевский гамбит в партии с одним щуплым упорным старичком в пенсне, когда к черноволосому ладному парню в светлом плаще, стоявшему во дворе дома № 33 на низком крылечке, подошел Никольчук. Улица была неширокая, но все равно разговора на крыльце лейтенант слышать не мог. Поэтому для него имела значение каждая мелочь в поведении Никольчука и парня, каждый жест и кивок головы.

По тому, как оживленно они беседовали, Зубков заключил, что эти два человека, видимо, знакомы давно и, уж во всяком случае, встретились не впервые. А если это так, то их встреча имела несомненный интерес для дела.

Что происходило в этот момент на шахматной доске, Зубков сказать бы не мог. Фигуры он передвигал кое-как. Только робость партнера, успевшего за неделю проникнуться уважением к сильному шахматисту и сейчас думавшего, что тот умышленно мутит воду, готовя каверзный удар, спасала Виктора от немедленного мата. И все-таки мат последовал.

Виктору трудно было противиться такому исходу партии. Он в этот момент увидел, как Никольчук вынул из кармана портмоне, раскрыл его на ладони, послюнявил пальцы и отсчитал несколько бумажек. Взяв деньги, черноволосый парень благодарно потряс Никольчуку руку...

— Может, еще партийку?— самоуверенно предложил старичок победитель.

Зубков встал из-за стола, застегнул пальто.

— Как-нибудь в другой раз...

— Дело молодое! На свиданье, небось?— В душе старичок рад был отказу опасного партнера.

— Небось!— Зубков подмигнул старику.

До железной решетчатой калитки он шагал степенно, не торопясь. А миновав ее, сразу же ускорил шаг, быстро прошел по тротуару к большому соседнему дому, И, как только завернул за угол, побежал к стоявшей в переулке «Волге».

...Игорь Савелов возвращался к Ирине с Большой Болотной тем же путем — проходными дворами, огородами, зареченским мостом. Минут через пятнадцать он уже стоял перед знакомой дверью.

Когда Ирина открыла ему, он в возбуждении прошел к столу, молча выложил деньги.

— Где ты достал?— удивленно спросила она.

— Не имеет значения,— сказал Савелов.— Завтра ты должна выкупить свой перстень.

10

Игорь сел на кровати, надавил пальцем кнопку звонившего будильника. В наступившей тишине слышалось только щебетание птиц на ветках тополя за посветлевшим окном. Он никак не мог прийти в себя, снова повалился на постель.

Вдруг, вспомнив что-то, начал торопливо собираться. Надел поверх рубашки старую телогрейку, достал из тумбочки блокнот, запихнул его в карман, направился к выходу.

Приоткрыв дверь, он почувствовал знакомый запах валерьянки и каких-то отдающих яблоками капель, которые пила мать, когда с сердцем у нее было плохо... Нет, через ее комнату идти не стоит. Наверное, не спит. Начнутся вопросы: куда да зачем идешь спозаранку?..

Он тихо закрыл дверь. Потом, стараясь не греметь шпингалетами, растворил окно, проворно спустился на землю. Жухлая, прошлогодняя трава под тополями была мокрая от росы. Отворотив рукав ватника, Игорь посмотрел на часы и быстро зашагал вниз по улице к реке, откуда тянуло свежей сыростью.

На пристани он отвязал лодку, сел в нее, стал выгонять на чистую воду. Через несколько минут хорошего хода Игорь причалил к разлапистой иве, начавшей выпускать на обвислых ветках зеленые листочки.

Лодку слегка покачивало набегавшей со стремнины волной. Вода вокруг была сине-розовая, под цвет высокого утреннего неба. С противоположного берега, чуть подернутого понизу туманом, из-за темной громады Зеленой горы дул теплый ветер.

Повернувшись назад, Игорь еще раз внимательно оглядел пологий спуск к реке. Никольчука все не было. Назначенное время давно уж прошло...

Игорь опять стал смотреть на крутой правый берег. Зеленая гора! Сколько воспоминаний с ней связано!

...Особенно запомнился один день. Быть может, последний из самых счастливых в его жизни. Это было почти четыре года назад. В конце июля, перед отъездом в областной художественный институт на вступительные экзамены. Они в тот день сидели на самом высоком обрыве Зеленой горы: Ирина, Сашка Ласточкин и он, Игорь. Внизу, за Ченой, расстилались залитые солнцем скошенные луга, над далеким горизонтом струилось марево.

Они тогда мечтали о счастье.

— А в чем оно? — спросил Саша.

— По-моему,— сказала Ирина,— счастье — это слава!.. И я больше всего на свете желаю славы...

Она вдруг смутилась от собственной откровенности.

— А Игорь все пишет...

— Старик! — крикнул Ласточкин.— Топай к нам!

Савелов, стоявший на коленях перед раскрытым этюдником, махнул рукой.

— Игорь!— позвала Ирина.

Он покорно отложил на траву палитру.

— Скажи, как ты понимаешь счастье?

Игорь подошел озабоченный: не ладилось с этюдом.

— Я считаю: творчество без счастья приемлемо, но счастья без творчества не бывает...

Ровно в полдень друзья торжественно расселись вокруг спортивной сумки Ласточкина. В ней нашлось кое-что для маленького сабантуя. Через некоторое время, слегка захмелевший от вермута, Игорь поднялся со стаканом в руке, патетически произнес:

— Леди и джентльмены! Поклянемся же искать свое счастье на великом, священном поприще, где уже подвизается одна из нас (поклон Ирине) и на которое завтра берут старт еще двое будущих гениев!

— Аминь!..

Они паясничали, чтобы не выглядеть сентиментальными, но каждый думал про себя всерьез: для избранников, наделенных талантом, настоящая жизнь только в мире искусства.

«Настоящая жизнь»... Она совсем, оказывается, не такая, как представляется из туманного абитуриентского далека. Столкновение с нею разочаровывает в собственных надеждах. И тогда начинается мучительная переоценка ценностей...

Погруженный в воспоминания, Савелов не слышал, как Никольчук подошел к лодке.

— Хозяйка забыла разбудить, старая ведьма...— Он сел за весла и сильными, умелыми ударами погнал лодку от берега. Савелов, наладив руль, положил на колени блокнот, нашарил в кармане карандаш...

11

Дело Никольчука Маясов вел сам. Ему помогали капитан Дубравин и лейтенант Зубков. Этот выбор помощников, людей столь разных, был для Маясова неслучаен. Он хотел, чтобы молодой сотрудник практически перенимал все полезное у своего старшего товарища, более опытного чекиста. В конце каждой недели они втроем подводили итоги по делу, анализировали обстановку.

Сегодня сделать сообщение Маясов поручил Зубкову. И тут же предупредил:

— Только покороче! Времени у нас в обрез.

Педантичный лейтенант встал (хотя докладывать разрешалось и сидя), поправил и без того аккуратный узел галстука и, стараясь не заглядывать в лежавшие перед ним бумаги, начал говорить:

— Полученные нами за последнее время материалы дают основание предполагать, что Алексей Никольчук, он же Михайленко, не только бывший пособник гитлеровских оккупантов, но и агент иностранной разведки...

Слушая Зубкова, Маясов глядел в свою раскрытую тетрадь, на чернильный чертежик. То был схематический поэтажный план дома № 33 по Большой Болотной улице. Никольчук снимал здесь комнату в квартире № 16 на втором этаже. Там же находилось еще семь квартир (в доме была коридорная система), и в том числе квартира № 9, где жила старушка Дитрих. Обе квартиры (№ 9 и № 16) Маясов обвел кружочками, кружочки соединил кривой линией, а линию оседлал большим вопросительным знаком.

А что, если Барбара Хольме была в девятой квартире лишь ради маскировки? Зашла на несколько минут к старухе, передала ей письмо из Мюнхена и, не выходя на улицу, по внутреннему коридору прошла в другую, нужную ей квартиру?

Маясов закрыл тетрадь, снова стал внимательно слушать Зубкова, перешедшего ко второй части своего доклада.

— Из связей Никольчука, представляющих интерес для отдела, установлен Игорь Савелов — лаборант оборонного завода «Кленовый Яр», имеющий доступ к секретным материалам... Сведения, которыми мы располагаем, являются, на мой взгляд, серьезными уликами против Савелова... Прежде всего это две подозрительные встречи с Никольчуком. При этом считаю нужным подчеркнуть, что Савелов оба раза вел себя нервозно, настороженно. В частности, после первой встречи он уходил от Никольчука проходными дворами и огородами, в малолюдном месте перелез через забор. Идя на вторую встречу в воскресенье рано утром, Савелов вылез из своего дома через окно. Полдня провел вместе с Никольчуком в лодке на реке. Никольчук удил, а Савелов что-то чертил или писал в блокноте... Не имея пока возможности сделать окончательный вывод о характере этих двух встреч, о содержании бесед между Никольчуком и Савеловым, думаю, что сами обстоятельства, в которых происходили эти встречи, несомненно, представляют оперативный интерес.

Зубков, помедлив немного, припечатал сложенным платочком выступивший на порозовевшем лбу пот и, преодолевая волнение (ведь всего второй раз ему приходится анализировать серьезное дело), продолжал:

— Говоря о моральном облике самого Савелова, надо отметить его нездоровые, если не сказать, антисоветские настроения. Какая-то озлобленность на все и вся. Об этом, в частности, свидетельствуют его стихи, которые он читал своим товарищам. Это же подтверждается и руководством завода, точнее, директором Алексеем Ивановичем Андроновым. Человек с подобными настроениями может оказаться подходящей добычей вражеской разведки... Для характеристики Савелова небезынтересным является и его сожительство с артисткой городского драмтеатра Ириной Булавиной. Муж Булавиной, режиссер Сахаров, работает там же. У них есть ребенок, который воспитывается у матери Сахарова, в другом городе. Короче говоря, Савелов разбивает здоровую советскую семью...

«Ох, и витиеват же ты, Зубков!»— подумал Маясов. Он опять раскрыл свою тетрадь, начал чертить в ней квадратики: от одного большого, в середине листа, разбегались по сторонам маленькие, связанные с ним стрелками... Если представить себе взаимоотношения шпиона с теми, кого он использует, как отношения центра с периферией, то изучать эти взаимоотношения надо, наблюдая не только за центром, но и за периферией.

Центром здесь был Никольчук, а его предполагаемый сообщник Савелов — периферией.

Трудность заключалась в том, что Савелова плохо знали на Кленовоярском заводе, так как работал он там всего несколько месяцев. Чтобы познакомиться с жизнью парня, приходилось искать другие пути.

Вчера капитан Дубравин доложил, что ему удалось найти сразу двух человек, близко знающих Савелова. Это были помощник художественного руководителя Ченского Дома культуры Ласточкин и приехавший из областного центра в гости к старику Смолину техник Антон Чубатов.

Сейчас, расставляя квадратики в своей тетради, Владимир Петрович решил, что Ласточкина пока тревожить не стоит: рискованно, поскольку он близкий приятель Савелова. С Чубатовым же придется поговорить не откладывая, так как он послезавтра уедет домой.

12

Федор Гаврилович Смолин жил на дальнем конце поселка «Кленовый Яр». В большой квартире зятя-инженера он занимал комнатку с окном, выходящим в сосновый мачтовый лес.

Маясова старый слесарь встретил радушно, угостил чаем. Узнав о причине неожиданного визита, сказал:

— Между прочим, брат Чубатова тоже воевал в нашем партизанском отряде...

Владимиру Петровичу было сейчас не до воспоминаний. Однако пришлось некоторое время поддерживать разговор. И, только уловив подходящий момент, майор повернул беседу в желательном направлении — начал расспрашивать сидевшего с ними за столом Антона Чубатова о Савелове, который раньше работал в его бригаде.

Чубатов на вопросы отвечал охотно и обстоятельно, и в результате еще один этап биографии парня для Маясова перестал быть белым пятном.

...В то лето Игорь Савелов не выдержал экзамены в областной художественный институт. Домой вернулся с ощущением полной катастрофы. Казалось, солнце померкло, кончилась жизнь.

Мать, строгая, властная женщина, сказала ему:

— Надо взять себя в руки и попытать счастья еще раз.

— Это бесполезно.

Она тяжело вздохнула.

— Где же ты теперь думаешь учиться?

— Пока нигде.

— А что намерен делать?

— Еще не знаю... Один парень зовет к себе на завод.

— Метаморфоза, достойная восхищения: из художника в слесари! — гневно сказала мать.— Пойдешь в педагогический.

— В педагогический я не пойду!— отрезал Игорь.

Наступила тягостная пауза. Мать и сын сидели в разных углах комнаты, каждый по-своему переживая случившееся.

И тут Игорь, деревенея от пришедшего в голову подозрения, сказал чуть слышно:

— Неужели мне второй раз закрывают двери в институт из-за отца?..

Недели через две после этого разговора Саве-

лов уехал из родного города в областной центр, где в театральной студии учились его ченские друзья — Ирина Булавина и Сашка Ласточкин. Он поступил учеником на механический завод.

Непросто было Игорю заставить себя встать за слесарные тиски. А дело началось именно с них и с обыкновенного слесарного зубила. Только через три месяца его допустили к первому станку.

Но и тогда Игорь не проявил особого рвения и радости...

Однажды бригада собирала отремонтированный токарный станок. Руководил сборкой помощник Чубатова — насмешливый и грубоватый парень Козырь. Работали весело, только Игорь по обыкновению хандрил.

Козырю, у которого инструмент так и играл в руках, не нравилось настроение Савелова, и он все время подначивал.

Когда Савелов хотел было сам закрепить маховичок, Козырь небрежно отстранил его:

— Это тебе не кисточкой мазать, здесь нужно кумекать железно!..

В обед Игорь не ушел из цеха вместе со всеми. Засунув руки в карманы, несколько минут стоял возле почти уже собранного станка. И вдруг подумал: а что, если показать этому типу Козырю, что и он, Игорь, не лыком шит и, если захочет, сможет работать не хуже других? «Подумаешь, кибернетика — собрать токарный станок!»

И Савелов решительно приступил к делу.

Он спешил изо всех сил, чтобы уложиться до конца перерыва, он взмок, задыхался... И вот наконец станок собран!

Сейчас он включит его и позовет ребят. И пусть они позеленеют от удивления...

Игорь нажал кнопку пускателя. Раздался страшный скрежет, треск, запахло горелым маслом. Со всех сторон к Савелову кинулись люди.

— Доигрался!

— О себе много понимает!

Едва завидев показавшегося в пролете бригадира, Игорь бросился вон из цеха...

И все-таки разговора с бригадиром избежать не удалось. Через два дня Антон Чубатов сам пришел к нему,— Савелов жил вместе с Ласточкиным у его тетки.

Игорь был убежден: бригадир явился, чтобы сообщить о вычете из его зарплаты за поврежденный станок. Но Чубатов вдруг сказал:

— Бригада решила отремонтировать станок в воскресенье.

— Мне вашей благотворительности не нужно! — заносчиво сказал Игорь.

— Это не благотворительность, а товарищи из беды тебя выручают,— строго заметил Антон.— В общем, в воскресенье ждем.

— А если я не приду?— спросил Игорь. И снисходительно добавил:— Рад был узнать, что в нашей... то есть в вашей бригаде имеются не только Козыри...

— Что ж, Козырь позубоскалить любит... Но технику понимает...— сказал бригадир.— Кстати, это Козырь и предложил отремонтировать в выходной день загубленный тобой станок.

— Козырь? Поражен.

— Вот так, парень...

Делая себе пометки в записной книжке, Маясов спросил:

— Интересно, все же получился из Савелова ремонтник или так себе?..

Владимир Петрович задал этот вопрос как бы между прочим. Но ответ на него хотел получить самый обстоятельный: ему нужно было понять, почему Савелов, уже имея специальность слесаря-ремонтника, поступил потом простым лаборантом на завод, до которого от дому ездить очень далеко. Да к тому же в лаборатории ему и платили меньше.

Если всем этим Савелов пренебрег, значит, что-то другое руководило им, когда он вернулся в Ченск и устроился на оборонный завод. Значит, «Кленовый Яр» представлял для этого парня какой-то особый интерес?

На вопрос Маясова Антон Чубатов ответил не сразу и весьма неопределенно:

— Игорь — малый недурной, смекалистый...

— А как, по-вашему, зачем он из области в Ченск вернулся?

Чубатов пожал плечами.

Еще в первые дни после того, как Савелов попал в поле зрения чекистов, Маясов, изучая материалы на него, обратил внимание, что возвращение парня в Ченск примерно совпадает с появлением в городе Никольчука. До этого, как выяснилось, Никольчук тоже жил в областном центре: около двух месяцев он там работал в парикмахерской. Возможно, что совпадение случайное. Но могло быть и по-другому...

Идя сегодня к Смолину, Владимир Петрович рассчитывал, что его гость поможет ему хотя бы немного приблизиться к решению этого вопроса. К сожалению, надежды не оправдались. Но делать было нечего, приходилось довольствоваться тем, что удалось получить. Да и часы показывали уже четверть первого — людям давно спать пора.

13

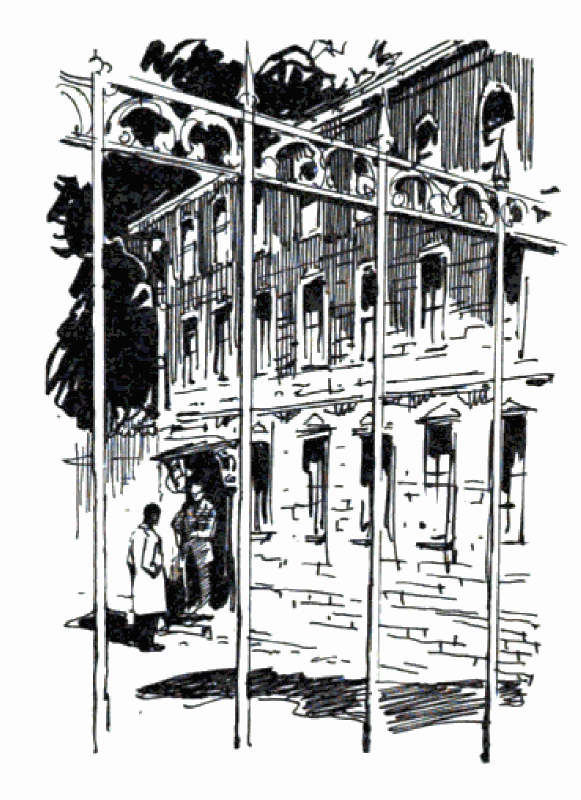
Уезжая ночью от Смолина, Маясов решил завтра же командировать в областной центр капитана Дубравина, чтобы разыскать там тетку Ласточкина, у которой квартировал Савелов.

Но утром неожиданно позвонили из Управления КГБ: Маясова вызывали в областной город на совещание. Нужда в командировке Дубравина отпала.

После совещания у генерала Винокурова Маясов задержался в городе еще на два дня и сам нашел нужных ему по делу Савелова людей. Он даже успел зайти в художественный институт, где Игорь провалился на экзаменах.

Чужая жизнь становилась все яснее и понятнее.

Вернувшись в Ченск, Маясов сразу же засел

за обработку материалов, полученных в поездке. Он начал со своей записной книжки. Эта довольно пухлая книжка едва ли не вся была заполнена пометками о Савелове. Но не только о нем самом. Среди имен слесарей, с которыми работал Игорь, данных о его отце и матери, о его друзьях упорно повторялось, мелькало чаще других одно имя: Ирина Булавина.

...С Ириной Булавиной Савелов вместе учился в школе. Оба мечтали о творчестве и славе. Бежало время. Школьная дружба незаметно перерастала в нечто большее. И это, пожалуй, объясняло, почему Игорь после неудачи с поступлением в художественный институт оказался в том же городе, где училась Ирина.

...Савелов на механическом заводе. Не менее двух десятков страниц, исписанных угловатым маясовским почерком.

После неприятного случая со станком Игорь, смирив гордыню, все-таки вернулся в бригаду. Вернуться вернулся, однако завод, цех, бригада долго еще оставались для него чужими.

И все же дело как будто понемногу налаживалось. Игорь наконец сумел найти общий язык с ребятами. Получил разряд. Участвует в установке первой автоматической линии на заводе. И вдруг неожиданно для всех берет расчет и уезжает в Ченск!

...В записной книжке снова начинаются страницы о Булавиной. Что же делала в это время Ирина?

Она вышла замуж за Константина Николаевича Сахарова.

Об этом Маясову рассказала тетка Ласточкина. Она была у них на свадьбе, и ей запомнился такой разговор гостей:

— А у Сахарова губа не дура.

— Девица тоже не промах: муж — режиссер, дядя мужа — главный режиссер.

— Театральная семейка...

Семейка оказалась непрочной.

Однажды Ласточкина спросила Ирину:

— С тобой, землячка, я замечаю, происходит что-то неладное.

Ирина подавленно молчала.

— Если не ошибаюсь, дело в Игоре?

Ирина вдруг разревелась.

— Что мне делать? Скажите, что делать?..

Выплакавшись, она сбивчиво заговорила:

— Еще давно у кого-то из великих актрис я прочитала о тщеславии, с которым она боролась. Но только теперь я по-настоящему поняла, как губительна эта черта характера. Постоянное нездоровое внимание к своему «я» и к тому, как люди оценивают тебя, заставляет все время думать о самой себе, сравнивать себя с другими, порождает недоброжелательность ко всем людям, которые тебя чем-то превосходят...

— Не взвинчивай себя, Ирина!

— Нет, нет, не перебивайте... Я хотела первенствовать, быть лучше всех. Я и замуж-то вышла...— Она не договорила, махнула рукой и опять заплакала.

Неделю спустя Ирина вдруг объявила мужу, что предстоящий отпуск решила провести в Ченске...

Маясов продолжал листать свою записную книжку. Непросмотренных страниц оставалось немного.

...В одну из июльских ночей в Ченск неожиданно приехал Сахаров. Ирина была у себя в комнате (она жила в квартире Ласточкиных), читала книгу.

Константин Николаевич, как всегда, был чисто выбрит, безукоризненно одет. Он горячо обнял жену, сел рядом на софу.

Ирина избегала смотреть мужу в глаза.

— Что нового в театре, дома?

От этого вопроса Сахаров сразу как-то обмяк.

— Надоело мне работать по указкам дяди,— сказал он.

— Что же ты намерен предпринять?

— Если обстановка в областном театре сложится неблагоприятно, мы переберемся сюда, в Ченск...

Маясов закрыл записную книжку. Долго сидел в задумчивости. Потом достал из стола бумагу, начал писать отчет о своей поездке.

14

В закусочной было чадно, душно, пахло пригорелым луком. За соседним столиком шел разговор о футболе. Арсений Павлович Рубцов не удержался, вставил несколько дельных замечаний — беседа стала общей. А когда официантка принесла полдюжины «Жигулевского» и тарелку с красными раками, Рубцов пригласил соседей-болельщиков разделить с ним трапезу. Оба охотно согласились. Один из них, буйнокудрявый, с тонким голосом, сразу же заказал штофик водки.

Народу в закусочной по случаю дня получки было много. Дверь на тяжелом блоке то и дело хлопала, впуская все новых посетителей. Многих из них Арсений Павлович знал в лицо, с некоторыми был коротко знаком. С той поры, как он стал внештатным фотокорреспондентом областной газеты, ему часто приходилось наведываться в эти места: поселок Шепелево с прилегающими к нему населенными пунктами входил в его «репортерский куст».

К столу подошел высокий шофер в распахнутой телогрейке, попросил официантку побыстрее обслужить его.

— Куда это ты, Ваня, торопишься?— полюбопытствовал кудрявый сосед Рубцова. Он уже порядком захмелел.

— Одного парня надо подбросить до Ченска.

— Кому так приспичило?

— Савелов, из главной лаборатории.

— Постой, это какой Савелов?— Кудряш посмотрел в окно во двор, где стоял Иванов грузовик. И вдруг тоненько захихикал:— Тю! Это же хахаль Булавиной, артистки, она моя соседка была...

— Я извиняюсь,— вмешался в разговор Рубцов,— эту Булавину случайно не Ириной Александровной звать?

— Точно!— И кудрявый тут же принялся выкладывать Арсению Павловичу все, что знал об отношениях Савелова с Булавиной. А знал он, этот словоохотливый человек, оказывается, немало.

Из пьяного бормотания Рубцов понял, что Савелов работает на Кленовоярском заводе, а живет в Ченске вместе с матерью, бывшей учительницей, недавно вышедшей на пенсию. Отец Савелова был летчиком, однако перед Отечественной войной с ним произошла какая-то темная история...

Рубцов слушал, попыхивая в открытое окно папиросой, в памяти его всплывали давние события, связанные с фамилией Булавиной.

Заинтересовался он не случайно, он знал не только Ирину Булавину, но и ее отца и мать. В свое время, перед войной, отец Ирины, Александр Букреев, работал в Донбассе начальником цеха на коксохимическом заводе, а он, техник Рубцов, в том же цехе был мастером. Когда началась война, их призвали вместе. На фронт они уезжали в одном вагоне. Букреева провожала жена, звали ее Валентина. Фамилию она носила девичью — Булавина.

Второй раз в жизни Арсений Павлович встретился с нею уже после войны, в жаркое лето сорок шестого года. Они неожиданно столкнулись в Ченске, на пыльной Болотной улице. И Булавина страшно смутилась. Причину понять было нетрудно: рядом с ней стоял представительный, полный блондин — ее новый муж. С ними была красивая девочка, дочка Александра Букреева.

Новый муж Булавиной деликатно оставил их одних, они присели на лавочку у тесового забора, и Рубцов, как ни тяжело это было, стал рассказывать Валентине все, что знал о своем фронтовом товарище, до того самого дня, когда Букреев не вернулся из последней разведки.

После его печального рассказа долго молчали. Девочка заплакала. Чтобы как-то отвлечь мать и дочь, Рубцов достал из бумажника пожелтевшую любительскую фотографию: на фоне полуразрушенной темной громады берлинского рейхстага стояли рука в руку высокий, сухопарый лейтенант и полногрудая женщина с погонами капитана медицинской службы.

— Я и моя жена,— объяснил Рубцов.— Познакомился с ней в сорок четвертом году. А после войны затащила меня вот сюда, на свою родину...

Когда Булавины уходили потом по длинной улице, Арсений Павлович долго смотрел им вслед, думая, как похожи мать и девочка...

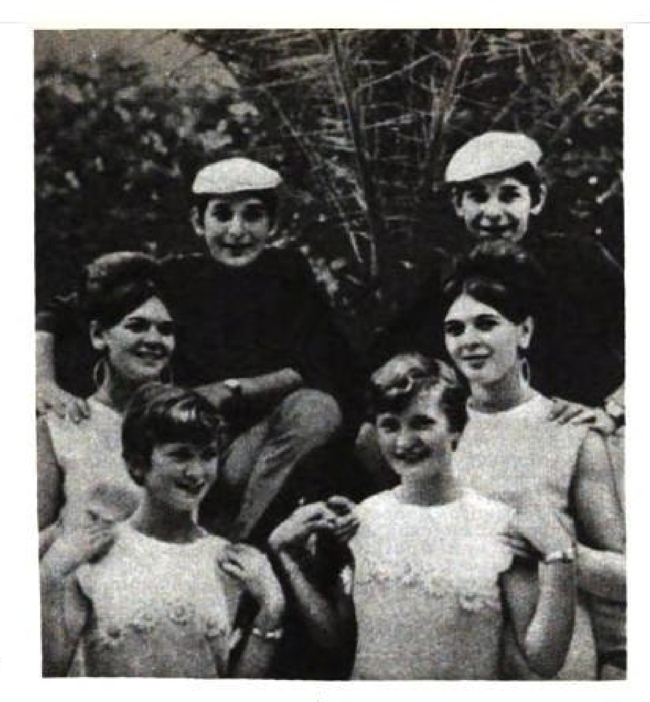
И вот теперь эта девочка выросла в красивую женщину. Стала актрисой. Вышла замуж. Сама сделалась матерью. Полюбила другого, связь с которым скрывает от людей. Но люди, оказывается, все знают. А теперь знает об этом и он, Рубцов, товарищ ее отца. И не его ли право (если не обязанность!) поинтересоваться нынешней жизнью молодой женщины и, главное, тем человеком, которого люди называют ее любовником.

Будучи натурой деятельной, Арсений Павлович не стал откладывать в долгий ящик своего только что возникшего намерения — поближе присмотреться к этому парню, ехавшему из «Кленового Яра» в Ченск. Когда шофер Иван отобедал и вышел на крыльцо, Рубцов попросил и его подбросить до города.

— Пожалуйста. Места в машине хватит.

Арсений Павлович открыл дверцу кабины, приветливо поздоровался с сидевшим там Савеловым. Мощный «ЯЗ» тронулся со двора на улицу.

Продолжение следует.

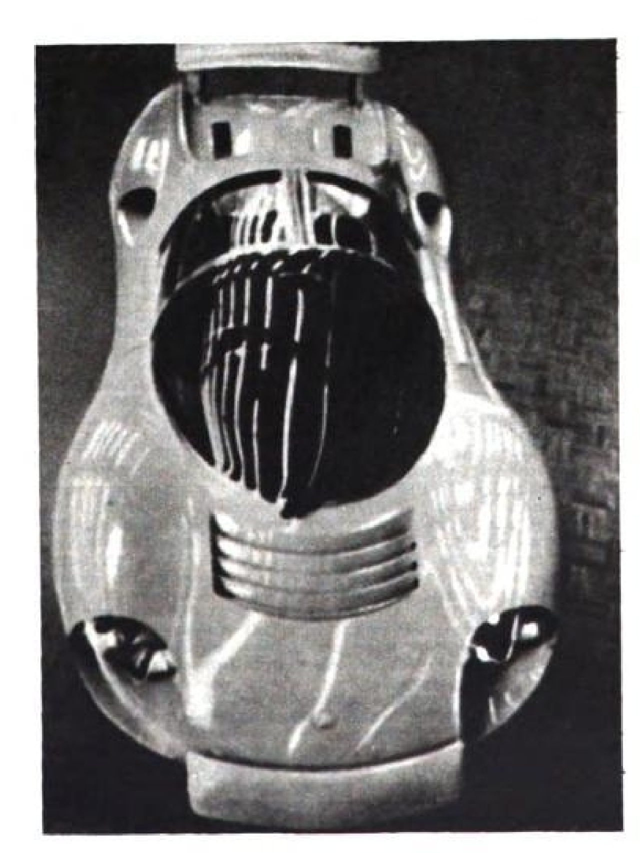
ВСТРЕЧА БЛИЗНЕЦОВ

В Чехословакии был проведен конгресс близнецов. В адрес конгресса поступили приветствия от близнецов многих стран, в том числе из Польши от Марии и Елены Холер, которым по 77 лет.

Без слов.

Рисунок А. Алешичева.

ИТАЛЬЯНСКИЙ КАБРИОЛЕТ

На выставке автомобилей во Франкфурте-на-Майне посетителям больше всего понравилась последняя модель машины итальянской марки «Дино».

Нежный муж

Миклош КАПОШИ

МУЖ. Ты так молчалива, радость моя. Что-нибудь расстроило тебя, мой солнечный лучик?

ЖЕНА. Нет, дорогой, меня ничто не расстроило.

МУЖ. Я уже целый час наблюдаю за тобой. Ты сидишь, погрузившись в свои мысли, будто тебя постигло большое несчастье. Это верно, что ничего не случилось?

ЖЕНА. Верно, дорогой. Ничегошеньки на свете со мной не случилось.

МУЖ. Ты бы сказала мне, если бы что-нибудь произошло?

ЖЕНА. Конечно, сказала бы.

МУЖ. Хочу тебе напомнить, что мы условились ничего друг от друга не скрывать. Ты об этом не забыла, правда, птичка моя?

ЖЕНА. Не забыла, котик. Но со мной ничего не произошло. Я просто присела немного отдохнуть.

МУЖ. У тебя на работе не стряслось ничего такого, что могло тебя опечалить?

ЖЕНА. Абсолютно ничего не стряслось, зайчик, повторяю тебе.

МУЖ. Тебе нагрубили? Замучили работой?

ЖЕНА. Никто мне не нагрубил.

МУЖ. Тогда почему ты так терзаешься?

ЖЕНА. Я терзаюсь? Да нет, котик, пойми, что нет! Мне просто приятно посидеть немножко и побездельничать...

МУЖ. Значит, я всему причина?

ЖЕНА. Ты? Какая причина?

МУЖ. Я являюсь причиной того, что ты недовольна и замкнута. Разве я тебя обидел?

ЖЕНА. Ты и сам знаешь, что нет.

МУЖ. Разве я плохо к тебе относился, был груб, невнимателен?

ЖЕНА. Ты говоришь ерунду, мой зайчик! Ты был таким, как всегда.

МУЖ. Ага! Значит, из-за меня у тебя всегда плохое настроение...

ЖЕНА. Да нет, что ты говоришь! Ничего со мной не случилось.

МУЖ. И все же что-то ты от меня скрываешь.

ЖЕНА. Скажи, зачем ты меня мучаешь? Неужели ты не понимаешь, что нет ничего необычного, если я несколько минут помолчу? Просто я села сюда в кресло и все...

МУЖ. И голова у тебя не болит?

ЖЕНА. Нет, не болит у меня голова.

МУЖ. А то я принесу тебе лекарство, если болит. Хочешь водички?

ЖЕНА. Ты очень мил, котик, но я не хочу пить.

МУЖ. Если у тебя не болит голова, то что с тобой случилось, моя единственная? Почему мне надо клещами из тебя вытягивать?

ЖЕНА. Ты меня приводишь в отчаяние, милый. Я рассказала бы тебе все мои мысли, но в эти минуты у меня нет никаких мыслей.

МУЖ. Нельзя ни о чем не думать. Не говори мне, что у тебя нет мыслей!

ЖЕНА. Ну ладно, есть.

МУЖ. А ведь ты только что сказала, что нет! Значит, все-таки есть? Ты только не хочешь мне о них рассказать, да?

ЖЕНА. Я все тебе рассказываю, когда есть о чем. Но сейчас говорить не о чем.

МУЖ. В свое время ты была со мной гораздо откровеннее. Прошу тебя, скажи, почему ты со мной не откровенна?

ЖЕНА. Но, дорогой мой...

МУЖ. Значит, я это заслужил? Что ты все время молчишь, молчишь и все скрываешь от меня?

ЖЕНА (все более беспомощно). Я всем тебе клянусь...

МУЖ. Клятвы тут ни к чему. Тут может помочь только откровенность. Открой свою душу, тебе легче станет, признайся мне во всем!

ЖЕНА (плачущим голосом). Ну, хорошо... Так знай... Теперь у меня уже болит голова...

МУЖ. Я знал! Знал... Ты могла бы сказать об этом раньше!

ЖЕНА (стонет).

МУЖ. Теперь ты признаешь, что нужно мне все подробно рассказать?

ЖЕНА (всхлипывая). Да...

МУЖ. Ну, ладно... Ты обещаешь, что теперь все будешь мне говорить?

ЖЕНА. Обещаю...

МУЖ. Правильно. А теперь поговорим откровенно. Хорошо?

ЖЕНА. Хорошо...

МУЖ. Сначала скажи мне, но без упрашиваний, отчего у тебя болит голова?

ЖЕНА (рыдает).

Перевела с венгерского
Елена Тумаркина.

ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

СНЕЖНЫЙ ГРИБ

Этот снимок я сделал в лесу на Сахалине.

Ю. АНИКИЕВ

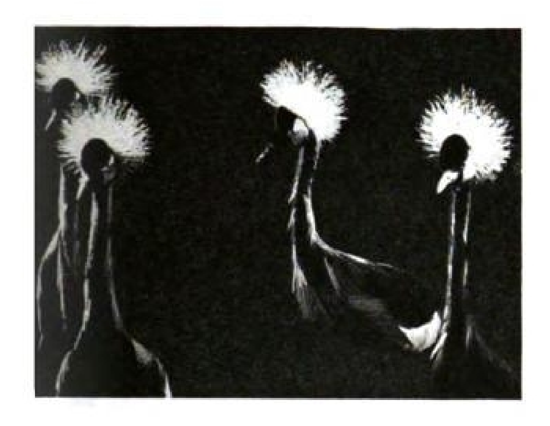
КОСОЛАПЫЙ МАТРОС

Медвежонка привел на наш теплоход «Беломорсклес» матрос Игорь Мамонтов. Косолапый сразу полюбился всем морякам и был взят в рейс. В далеком заграничном плавании Мишка не терпел одиночества, всегда был среди людей: посещал собрания, смотрел кино. Правда, музыка кинофильмов действовала на него как снотворное.

Мишка был очень самолюбив. Однажды он ворвался без разрешения на ходовой мостик, за что был слегка наказан и выдворен за пределы рубки. Затаив обиду на штурмана, Мишка улучил момент, вошел в его каюту, разбросал книги с полки, навел полный беспорядок и был таков.

Этот снимок сделан в Дюнкерке (Франция). На нем запечатлен момент взятия визы на выход в город у французского полицейского.

С. ТИМОХОВ,
врач теплохода,
М. КОЖУХАРЬ,
электрик

КОРОЛЕВСКАЯ СЕМЬЯ

Эти журавли живут в зоосаде Бэняса, недалеко от румынской столицы. От рядовых журавлей их отличает корона. Так что они не простые, а королевские. Во всяком случае, выглядят очень гордыми.

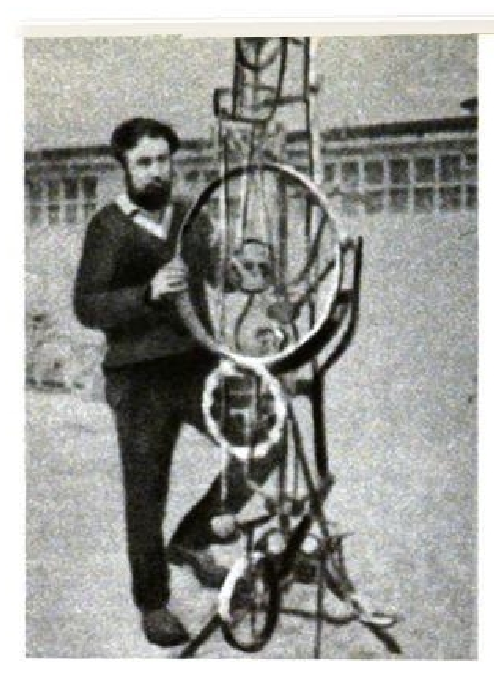

ПОДВОДНАЯ ДОРОГА

Во Франции на берегу Средиземного моря действует подводная дорога для туристов. Путешествие в царство Нептуна пассажиры совершают в небольших прозрачных кабинах.

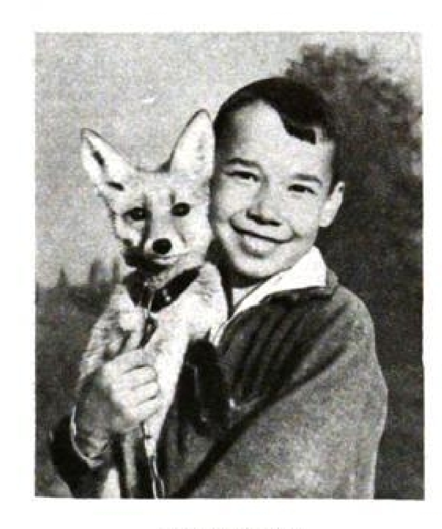
ЗАБОТА О ДРУГЕ

Пес Бастер, живущий в доме одного английского фермера, считает своей обязанностью заботиться о лошади Снежинке. Как только та постучит копытом, Бастер открывает двери конюшни и выводит Снежинку на прогулку.

ЧАСЫ-ВЕЛОСИПЕД

Один женевский часовщик сконструировал часы из велосипедных деталей. Его часы, похожие на велосипед, идут с точностью до одной секунды.

ГОРОЖАНКА

Киевлянин Володя Сухоруков вырастил лису. И теперь она заменяет ему собаку. Все бы хорошо, только приходится следить, чтобы лисе не прищемили дверью хвост.

Фото В. Плаксина.

УТКА-АРХЕОЛОГ

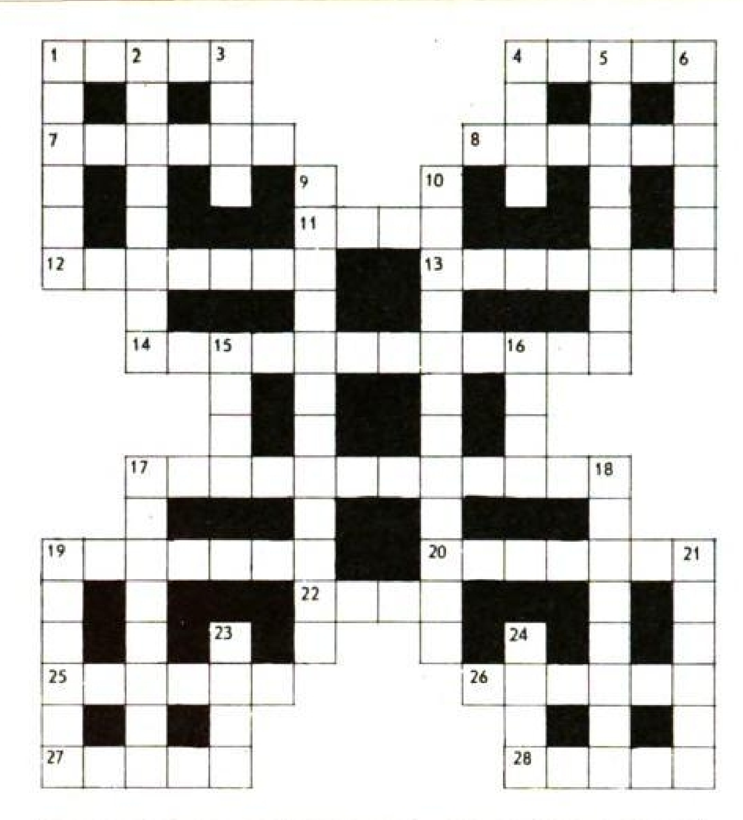
Ковач Лайош из Мадокса (Венгрия) купил на рынке утку, принес домой, разделал ее и обнаружил старинную золотую монету. В местном музее, куда Ковач обратился, установили, что это монета чеканки XV века.

В озере, где часто плавала утка, провели раскопки и обнаружили клад — много золотых монет, зарытых несколько веков назад.

Без слов.

Рисунок В. Волкова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Небольшое судно. 4. Звукоряд в пределах одной октавы. 7. Остров в Балтийском море. 8. Деталь затвора фотоаппарата. 11. Природная минеральная краска. 12. Живописец, народный художник СССР. 13. Государство в Африке. 14. Советский химик, академик. 17. Соната Бетховена. 19. Английский физик XIX века. 20. Ягода. 22. Электромагнитное излучение. 25. Сатирический киножурнал. 26. Край леса. 27. Шерстяная ткань. 28. Веревка для страховки акробата.

По вертикали:

1. Мореплаватель XV—XVI веков. 2. Астрономический инструмент. 3. Карельская и финская эпическая народная песня. 4. Немецкий поэт. 5. Планета. 6. Река в Якутской АССР. 9. Порт на Черном море. 10. Прибор для обнаружения и измерения слабых электрических токов. 15. Связка сжатых стеблей хлебных злаков. 16. Приток Волги. 17. Летательный аппарат. 18. Автор памятника А. С. Пушкину в Ленинграде. 19. Химический элемент. 21. Город в Эфиопии. 23. Шахматная фигура. 24. Стекловидный камень разных цветов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали:

4. Златоуст. 6. Анатомия. 10. Мимоза. 11. Анилин. 13. Блок. 16. Бита. 17. Блохинцев. 18. Сервантес. 20. Джаз. 21. «Новь». 23. Ворона. 25. Путина. 26. Беркутов. 27. Микрофон.

По вертикали:

1. Волынка. 2. Пастила. 3. Толокно. 5. Слива. 7. Тритон. 8. Комбинезон. 9. Шилохвость. 12. «Шинель». 13. Баксан. 14. Кабель. 15. Фрегат. 19. Выборг. 20. Дания. 22. Осокорь. 24. Аметист. 25. «Проводы».

На первой странице обложки: Робот «Юпитер» (см. в номере репортаж «Родился робот»).

Фото Б. Кузьмина.

На последней странице обложки: Мороз и солнце...

Фото Л. Бородулина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. Шумана.

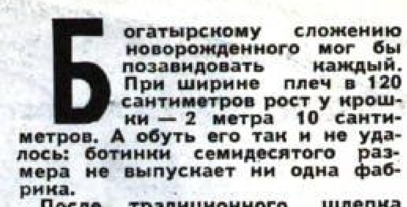
Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Очерка — Д 0-15-33; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00522. Подписано к печати 2/I 1968 г.
Формат бум. 70 × 108⅛. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 2 000 000. Изд. № 139. Заказ № 3745.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Сначала робот рождается на доске.

Потом ему впаивают мозги.

Если не получается, на время вставляют свои.

Богатырскому сложению новорожденного мог бы позавидовать каждый. При ширине плеч в 120 сантиметров рост у крошки — 2 метра 10 сантиметров. А обуть его так и не удалось: ботинки семидесятого размера не выпускает ни одна фабрика.

После традиционного шлепка повивальной бабки новорожденный мрачно прохрипел:

— Сердца не имею. Обхожусь транзисторами и электронными блоками. Абсолютно бесчувственный.

— Ну, раз бесчувственный, так и имя получай бесчувственное,— заявил папа.— Нарекаем тебя Электроном!

Буквально через месяц Электрон подружился с Нептуном, а вскоре на прогулку они вышли втроем вместе с маленьким Андрюшкой...

Если кому и бывало в жизни трудно, так это Андрюшке. Ужасно гордый Нептун недавно вернулся из Москвы со всесоюзного конкурса роботов. Там его железную грудь украсила алая лента с золотой надписью «Чемпион роботов СССР». У Электрона такой ленты не было. А ведь он выполняет 216 различных команд! И хотя Нептун покорил москвичей умением играть в шахматы и блестящим исполнением медленного вальса, он понимал только 112 команд.

А бедный Андрюшка всего-то и знал: «Пойди налево» или «Пойди направо». Он старательно шагал то в одну, то в другую сторону.

Истинный папа всех этих роботов — руководитель Калининградской областной станции юных техников, преподаватель мореходного училища Б. Н. Василенко.

— Если уж я папа, то нужно назвать и крестных отцов,— улыбается Б. Н. Василенко,— без которых мои роботы так бы и остались на чертежной доске. Десять роботов родилось в нашем кружке, и всех их собрали школьники Сережа Лузгин, Жора Чижиков, Толя Подгаев, Сережа Куценко, Таня Барабаш и другие. Причем с годами наши роботы «умнели». Если первый робот, Иван, не выполнял и десятка простейших команд, то Нептун, как вы знаете, даже играет в шахматы. А это совсем не легкое дело и для человека. Но, кроме роботов-интеллектуалов, мы делаем и других. Например, Яшка — прекрасный полотер. Он так исполнителен, что может натирать полы и по кругу, и по квадрату, и елочкой... Надо только провести его по комнате за веревочку, как собачку. А потом он унюхает свои следы и натрет паркет с такой быстротой и тщательностью, что даст сто очков вперед любому квалифицированному полотеру-человеку... Но это уже пройденный этап. Сейчас мы разрабатываем конструкцию робота-гида, который будет водить экскурсии по нашей станции юных техников и отвечать на сотню вопросов. Думаем сделать и робота-водолаза, чтобы он мог спускаться на глубину в несколько километров и там работать. Мечтаем о создании робота-космонавта...

Что из этого получится, покажет время. А пока энтузиасты со станции юных техников выпускают своих питомцев в жизнь.

Б. БОРИСОВ

Инфаркты бывают и у роботов.

Электрон предпочитает фотографироваться в фас.

Родился робот

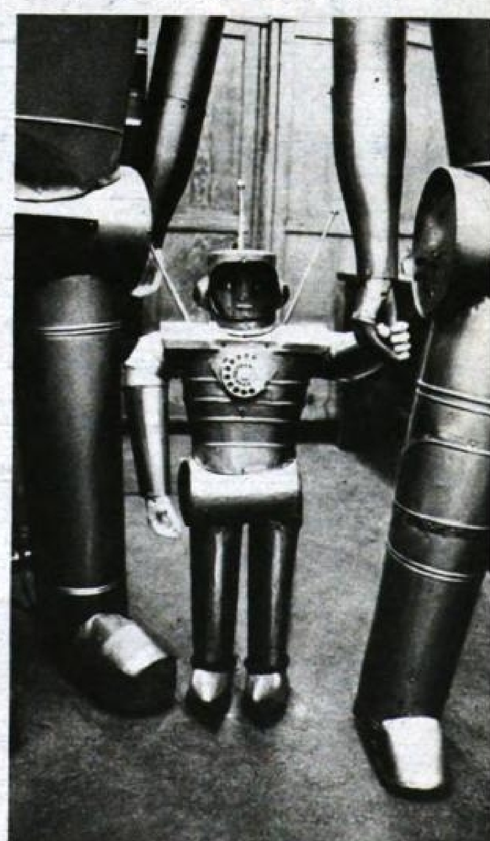

Операция на сердце.

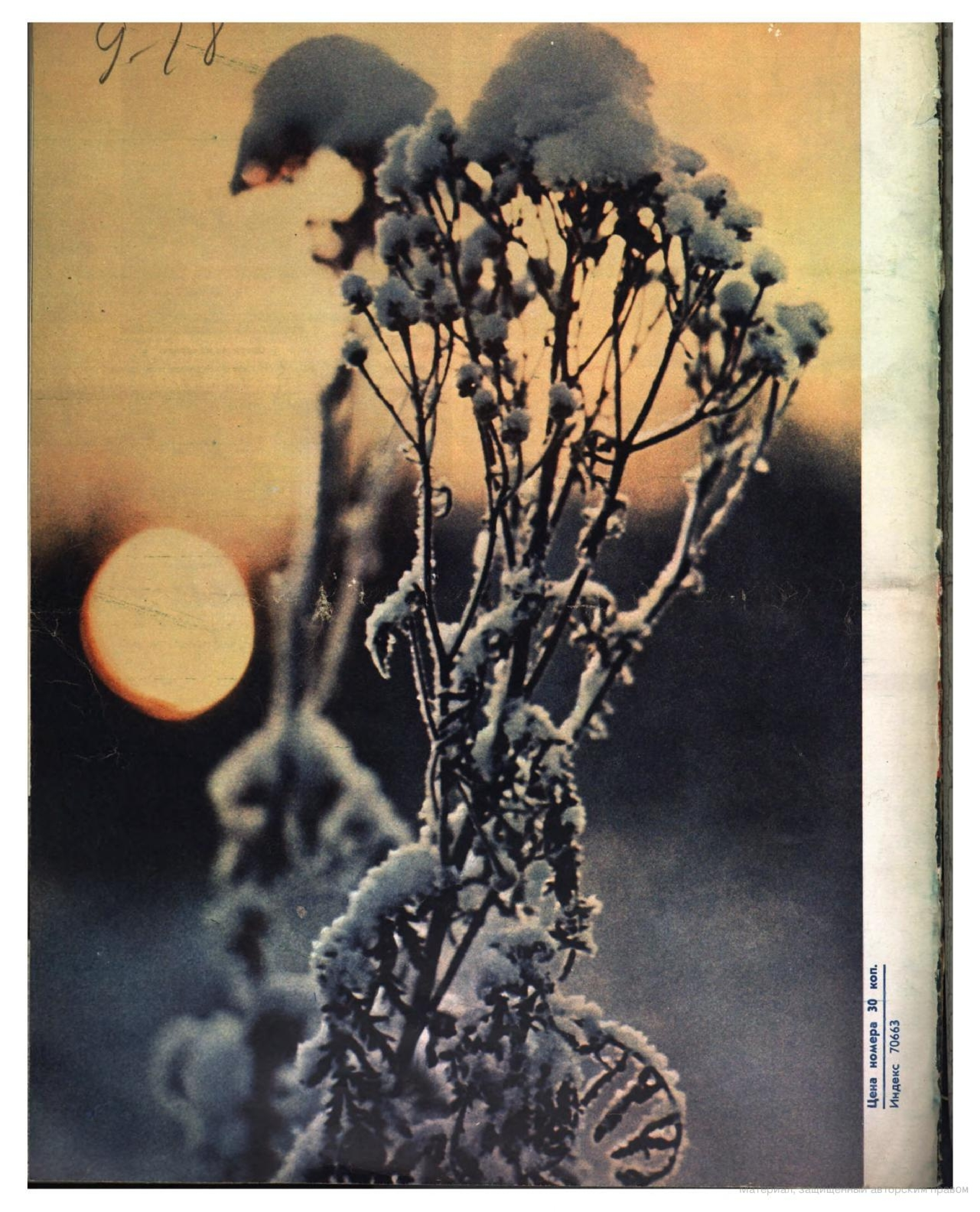
Здесь вкручивают недостающие винтики.

Семья отправляется на прогулку.

Юпитер не терпит прикосновений. Он слушает только команды, передаваемые по радио.

Фото Б. КУЗЬМИНА

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663